95.65.9 (2Р...)
Р-32

ISSN (Print) 1812-7096
ISSN (Online) 2411-0914

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Дагестанский научный центр
Институт социально-
экономических исследований

№ 5 (139), 2022
Подписано в печать 31.05.2022 г.
Сдано в печать 03.06.2022 г.

Ежемесячный научный журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Выходит с 2004 года
Издается по решению Ученого Совета Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН
Периодичность – ежемесячный. Свободная цена
Учредитель: Ассоциация содействия экспертной деятельности в области регионального развития "Региональные проблемы преобразования экономики"

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Роскомнадзор). ПИ №ФС77-58168 от 29 мая 2014 года

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

доктор экономических наук, профессор, (Председатель Совета) — ***Петросянц В.З.***

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

доктор экономических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН — ***Макаров В.Л.***

доктор экономических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН — ***Бахтизин А.Р.***

иностранный член РАН, д.т.н., профессор — ***Акаев А.А.***

директор Института проблем рынка РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН — ***Цветков В.А.***

заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, академик РАЕН — ***Клейнер Г.Б.***

руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН — ***Рязанцев С.В.***

Первый заместитель Председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре Федерального Собрания Российской Федерации, к.ф.н. — ***Умаханов И.М-С.***

Начальник Отдела общественных наук РАН – заместитель академика-секретаря ООН РАН по научно-организационной работе, д.э.н., профессор — ***Аносова Л.А.***

директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, д.с.н., профессор — ***Локосов В.В.***

директор Института информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН, д.т.н., профессор — ***Иванов П.М.***

генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности (ФНЭБ), заведующий кафедрой «Прикладная политология», руководитель департамента "Политологии и массовых коммуникаций" Финансового университета при Правительстве РФ, к.полит.н. — ***Симонов К.В.***

декан факультета прикладных коммуникаций, заведующий кафедрой «Менеджмент массовых коммуникаций» ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», д.полит.н., д.э.н., профессор — ***Большаков С.Н.***

проректор по экономике и финансам, заведующий кафедрой «Аудит и экономический анализ» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», д.э.н., профессор — ***Гаджиев Н.Г.***

заведующая кафедрой «Национальная и региональная экономика», проректор ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», д.э.н., профессор — ***Магомедова М.М.***

заместитель директора по науке и инновациям Северо-Кавказского института – филиала ФГБОУ ВПО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», д.э.н., профессор — ***Киселева Н.Н.***

профессор кафедры «Финансы и страхование» ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», д.э.н., профессор — ***Алклычев А.М.***

профессор кафедры «Бухгалтерский учет и налогообложение» ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», д.э.н., профессор — ***Дзагоева М.Р.***

главный научный сотрудник Центра международных финансов ФГБУ Научно-исследовательский финансовый институт (НИФИ) Минфина России, д.э.н., профессор — ***Кабир Л.С.***

д.э.н., профессор, профессор кафедры "Финансы и кредит" ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» — ***Сомоев Р.Г.***

профессор, д.геогр.н, Институт Восточных языков и Цивилизации, Франция, г. Париж — ***Жан Радвани***

д.ю.н., профессор Юридического факультета Токийского университета, г. Токио — ***Кимитака Матсузато***

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Дохолян С.В.*** *(главный редактор)*
к.э.н., заместитель директора по научной работе Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Гимбатов Ш.М.*** *(зам. главного редактора)*
д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Ахмедуев А.Ш.***
д.э.н., профессор, руководитель Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Кутаев Ш.К.***
д.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Гасанов М.А.***
к.э.н., ведущий научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Гичиев Н.С.***
д.э.н., профессор, ученый секретарь Института информатики и проблем регионального управления, начальник управления делами КБНЦ РАН	***Мамбетова Ф.А.***
д.э.н., профессор, заведующая кафедрой «Мировая экономика», ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный технический университет»	***Эсетова А.М.***
к.ф.н., доцент, заведующий отделом социологии Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН	***Абдулагатов З.М.***
к.э.н., заведующий отделом социально-экономической политики региона Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Багомедов М.А.***
к.э.н., доцент, доцент кафедры Международного предпринимательства ФГАО ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения»	***Бердина М.Ю.***
к.э.н., Ученый секретарь Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Деневизюк Д.А.***
к.ф.-м.н., доцент, заведующий лабораторией «Проблем развития мирохозяйственных связей российского экономического пространства» Института проблем рынка РАН	***Зоидов К.Х.***
к.э.н., доцент, доцент базовой кафедры ТПП РФ «Развитие человеческого капитала» ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», Москва, Россия	***Карпенко Е.З.***
к.э.н., ведущий научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Курбанов К.К.***
к.э.н., магистр экономики (США), научный сотрудник Института экономики им. М.Котаняна НАН Республики Армения	***Макарян А.Р.***
к.э.н., доцент, доцент кафедры «Налоги, денежное обращение и кредит» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»	***Мусаева Х.М.***
к.э.н., доцент заместитель руководителя департамента "Политологии и массовых коммуникаций" Финансового университета при Правительстве РФ	***Петросянц Д.В.***
к.э.н., доцент, доцент кафедры «Аудит и экономический анализ» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»	***Султанов Г.С.***
к.э.н., заведующий лабораторией пространственного развития Института проблем рынка РАН	***Чернышов М.М.***
научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Османова А.М.*** *(ответственный секретарь)*
тех. редактор	***Гитиномагомедова П.А.***
составитель (дизайн-верстка)	***Джамилов А.М.***

Ежемесячный научный журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Материалы журнала отражают точку зрения авторов и не являются официальной позицией Института.

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна

© НП «Редакция журнала «Региональные проблемы преобразования экономики»

Адрес редакции, издателя: 367030, г. Махачкала, ул. М.Ярагского, 75, 8 эт., к. 802
Наш сайт в Интернете: www.rppe.ru
e-mail: rppe@mail.ru
Тел.: 8-928-800-222-0

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Мельцов А.В., Драчева Е.Л., Савинкина Л.А. Современная геополитическая ситуация в Арктике как барьер развития туризма в арктической зоне 5

Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами

Промышленность

Шугаев М.О. Процесс принятия инвестиционных решение при реализации проектов в области промышленной инфоструктуры 11

Галеева Е.И. Оценка эффективности деятельности корпорации и пути ее повышения 16

АПК и сельское хозяйство

Балиянц К.М. Факторы повышении конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции в развитии продуктовых подкомплексов АПК СКФО в условиях импортозамещения 22

Нечаева И.В. Параметры функционирования малых КФХ в пандемический период 32

Региональная экономика

Сагидов Ю.Н. Негативы императивной регламентации отраслевой специализации регионов в условиях рыночной экономики (на примере регионов СКФО) 39

Идзиев Г.И. Теоретические подходы к управлению территориальным экономическим развитием в условиях дифференциации российских регионов 47

Арсланов Ш.Д. Инвестиционное развитие региона: политика формирования благоприятного инвестиционного климата 56

Экономика труда

Гимбатов Ш.М. Проблемы формирования трудового и демографического потенциала Республики Дагестан 66

Экономика народонаселения и демография

Абдулманапов П.Г. Миграционные установки населения Республики Дагестан в современных условиях: социологический анализ 73

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Павлов В.И., Зоидов Х.К. Особенность и преимущества инновационной парадигмы бюджетно-налоговой системы 80

Махкамова Г.М., Няргинен В.А. Разработка современной методики оценки финансовой инклюзии как фактора экономического роста национального государства 87

Такмазян А.С., Самойлова К.Н. Современные тенденции финансирования социально-культурной сферы региона 101

TABLE OF CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT OF THE NATIONAL ECONOMY

Meltsov A.V., Dracheva E.L., Savinkina L.A. The current geopolitical situation in the Arctic as a barrier to the development of tourism in the Arctic zone 5

Economics, organization and management of enterprises, industries, complexes

Industry

Shugaev M.O. The process of making investment decisions in the implementation of projects in the field of industrial infostructure 11

Galeeva E.I. Evaluation of the efficiency of the corporation and ways to improve it 16

Agro-industrial complex and agriculture

Baliyants K.M. Factors of increasing the competitiveness of agricultural products in the development of product subcomplexes of the Agroindustrial Complex of the North Caucasus Federal Di trict in the context of import substitution 22

Nechaeva I.V. Parameters of functioning of small farms in the pandemic period 32

Regional economy

Sagidov Yu.N. Negatives of imperative regulation of sectoral specialization of regions in a market economy (on the example of the regions of the North Caucasus Federal District) 39

Idziev G.I. Theoretical approaches to the management of territorial economic development in the conditions of differentiation of Russian regions 41

Arslanov Sh.D. Investment development of the region: policy of formation a favorable investment climate 56

Labor economics

Gimbatov Sh.M. Problems of formation of labor and demographic potential Republic of Dagestan 66

Population economics and demography

Abdulmanapov P.G. Migration attitudes of the population of the Republic of Dagestan in modern conditions: sociological analysis 73

FINANCE, MONEY CIRCULATION AND CREDIT

Pavlov V.I., Zoidov H.K. Features and advantages of the innovation paradigm budget and tax system 80

Makhkamova G.M., Nyarginen V.A. Development of a modern methodology for assessing financial inclusion as a factor of economic growth of the national state 87

Takmazyan A.S., Samoylova K.N. Modern trends in financing the socio-cultural sphere of the region 101

УДК: 379.85

МЕЛЬЦОВ АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ
к.ю.н., доцент кафедры туризма Московский государственный университет спорта и туризма,
e-mail: meltsov_alexey@mail.ru

ДРАЧЕВА ЕЛЕНА ЛЕОНОВНА
к.э.н., доцент кафедры народной художественной культуры, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова,
e-mail: edel2004@mail.ru

САВИНКИНА ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА
к.г.н., доцент кафедры туризма Московский государственный университет спорта и туризма,
e-mail: danaya1967@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-5-5-10

СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АРКТИКЕ КАК БАРЬЕР РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ

Аннотация. Цель работы. *В статье рассматривается ситуация, сложившаяся в отношениях по поводу развития Арктики в начале XXI в. В статье обосновано, что добыча полезных ископаемых, туризм, научные исследования, новые морские пути позволяют России находиться в выгодном положении, чтобы воспользоваться возможностями, предоставляемыми тающими льдами. С другой стороны, сложные геополитические отношения России ограничивают развитие потенциала Арктики, прежде всего, в сфере арктического туризма.* ***Метод или методология проведения работы.*** *Проведен анализ изменений геополитической ситуации в Арктике в начале XXI в. Систематизированы барьеры развития арктического туризма, логический подход позволил выделить геополитическую ситуацию в качестве основных препятствий для российского туризма в арктической зоне.* ***Результаты.*** *Обосновано, что арктический туризм имеет большой потенциал для развития в России. С изменением климата и развитием таких ресурсов, как арктические судоходные пути Арктика больше не является «недоступной» для туристов, которых интересуют полярный ландшафт, уникальные пейзажи Арктики, ее флора и фауна. Уникальная географическая среда Арктики порождает уникальные туристические ресурсы, привлекательные для изучения. В последние годы арктический туризм стал набирать международную популярность. Россия, Норвегия, Финляндия, Исландия и другие страны рассматривают арктический туризм как новое экономическое преимущество развития страны. Для привлечения туристов в Арктику некоторые крупные туристические компании запустили проекты для создания и продвижения новых туров. Обосновано негативное влияние геополитической ситуации в Арктике на развитие туризма, показаны направления новой арктической политики России в отношении арктического туризма.* ***Область применения результатов.*** *Результаты проведенного исследования могут быть использованы для разработки программ развития арктического туризма в различных регионах Арктической зоны Российской Федерации.* ***Выводы.*** *Делается вывод, что для России Арктическая зона является источником существенных конкурентных преимуществ не только для минерально-сырьевой базы, но и для туризма. Чтобы преодолеть существующие барьеры развития арктического туризма, важно сочетание мероприятий государственной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.*
Ключевые слова: *арктический туризм, государственная политика, стратегия, Арктическая зона Российской Федерации, геополитика.*

MELTSOV ALEXEY VIKTOROVICH
Ph.D.in Law, Associate Professor of the Department of Tourism,
Moscow State University of Sports and Tourism,
e-mail: meltsov_alexey@mail.ru

DRACHEVA ELENA LEONOVNA
Ph.D.in Economics, Associate Professor of the Department
of Folk Art Culture, Ilya Glazunov Russian Academy
of Painting, Sculpture and Architecture,
e-mail: edel2004@mail.ru

SAVINKINA LARISA ALEXANDROVNA
PhD in geography, Associate Professor of the Department of Tourism,
Moscow State University of Sports and Tourism,
e-mail: danaya1967@mail.ru

THE CURRENT GEOPOLITICAL SITUATION IN THE ARCTIC AS A BARRIER TO THE DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE ARCTIC ZONE

Abstract. The purpose of the work. *The article examines the situation in relations regarding the development of the Arctic at the beginning of the XXI century. The article proves that mining, tourism, scientific research, and new sea routes allow Russia to be in an advantageous position to take advantage of the opportunities provided by melting ice. On the other hand, Russia's complex geopolitical relations limit the development of the Arctic's potential, primarily in the field of Arctic tourism.* ***The method or methodology of the work.*** *The analysis of changes in the geopolitical situation in the Arctic at the beginning of the XXI century. The barriers to the development of Arctic tourism are systematized, a logical approach has made it possible to identify the geopolitical situation as the main obstacles for Russian tourism in the Arctic zone.* ***Results.*** *It is proved that Arctic tourism has a great potential for development in Russia. With climate change and the development of resources such as Arctic shipping lanes, the Arctic is no longer "inaccessible" to tourists who are interested in the polar landscape, the unique landscapes of the Arctic, its flora and fauna. The unique geographical environment of the Arctic generates unique tourist resources that are attractive for exploring. In recent years, Arctic tourism has begun to gain international popularity. Russia, Norway, Finland, Iceland and other countries consider Arctic tourism as a new economic advantage of the country's development. To attract tourists to the Arctic, some large travel companies have launched projects to create and promote new tours. The negative impact of the geopolitical situation in the Arctic on the development of tourism is substantiated, the directions of the new Arctic policy of Russia in relation to Arctic tourism are shown.* ***The scope of the results.*** *The results of the study can be used to develop programs for the development of Arctic tourism in various regions of the Arctic zone of the Russian Federation.* ***Conclusions.*** *It is concluded that for Russia, the Arctic zone is a source of significant competitive advantages not only for the mineral resource base, but also for tourism. In order to overcome the existing barriers to the development of Arctic tourism, it is important to combine state policy measures at the federal, regional and municipal levels.*
Keywords: *Arctic tourism, state policy, strategy, Arctic zone of the Russian Federation, geopolitics.*

Введение. С годами, в связи с глобальным потеплением и сокращением арктических ледников, геостратегическое значение Арктики, включая арктические судоходные пути, становится все более заметным [8], [9]. Некоторые эксперты прогнозируют, что к 2040 г. арктические ледники полностью растают, и в Арктике появятся три морских пути, соединяющие Атлантический и Тихий океаны. Северо-Восточный и Северо-Западный проходы привлекли большое внимание из-за длительного времени навигации после таяния ледников. После открытия Северо-Западного прохода и Северо-Восточного прохода они станут кратчайшим маршрутом, соединяющим Северо-Восточную Азию и Западную Европу, а также соединяющим восточное и западное побережья Северной Америки, что позволит не только сэкономить около 40% транспортных расходов, но и стать альтернативой Суэцкому каналу, Панамскому

каналу и Малаккскому проливу. После открытия арктического водного пути сформируется циркумарктический экономический круг, включающий Россию, Северную Америку, Европу и Восточную Азию, что окажет глубокое влияние на мировую экономику, торговлю и геополитическую модель [1].

На нынешнем фоне растущей односторонности, обострения конфронтации в Арктике и растущего интереса к военным вопросам и вопросам безопасности интересы арктических государств становятся новым фокусом арктической политики стран. Значение арктического региона как пространства стратегического соперничества значительно возросло, но общая тенденция развития Арктики по-прежнему относительно стабильна, ситуация с развитием экономических отраслей находится под контролем [7].

Россия является лидером в процессе экономического освоения арктических пространств, с другой стороны, она значительно уступает Норвегии и Канаде в туристическо-рекреационном развитии региона [4].

Одним из перспективных направлений развития Арктики в России, озвученных в 2022 г. органами различных уровней власти, в т. ч. президентом РФ, является туризм по уникальной территории Арктической зоны [5]. В первую очередь, речь идет о развитии инфраструктуры, реализации приоритетных инвестпроектов, поддержке инициатив различного уровня, включая комплексное развитие туристической отрасли региона [6].

В последние годы туристическо-рекреационный вид деятельности в регионе становится востребованным не только среди российских туристов, но и среди иностранцев, в первую очередь, китайцев. Понимание необходимости реализации потенциала арктического туризма позволило включить его в стратегические документы, описывающие планируемые мероприятия и направления развития Арктики [11]. Однако следует отметить, что усиление геополитической напряженности может снизить возможности развития туризма в Арктике, что предопределяет актуальность темы настоящей статьи, направленной на изучение геополитической ситуации, сложившейся в отношениях по поводу развития Арктики в начале XXI в., которая ограничивает развитие потенциала в сфере арктического туризма.

Методы исследования. Освоение естественных изменений и тенденций в Арктике является одной из важных отправных точек для стран, чтобы изучить и оценить геополитическую тенденцию Арктики и определить свои собственные арктические стратегии и политику. Наблюдения показывают, что скорость закисления океана в Северном Ледовитом океане более чем в четыре раза выше, чем в Тихом и Атлантическом океанах, что, скорее всего, является прелюдией к огромному высвобождению запасов углерода в вечной мерзлоте Арктики из-за потепления климата. В два раза больше углекислого газа в атмосфере. В то же время в последнее время наблюдается ускорение таяния ледникового щита Гренландии. Поэтому запускается новый раунд крупномасштабных международных научных программ, направленных на высокоточное прогнозирование и оценку интенсивности и скорости тенденций естественных изменений в регионе Арктики, что стало важной отправной точкой для соответствующих стран в укреплении всестороннего научного понимания Арктики [14].

Страны арктического региона постепенно включают его экономические возможности арктического региона в свои собственные стратегии развития, подталкивая Арктику к «новой эре развития». Следует отметить, что развитие арктического региона является не только «внутренним делом» стран, расположенных вдоль арктического побережья, но его влияние уже выходит за рамки самого региона. Фактически там реализуется силовая политика пяти приграничных государств (Канада, Дания через Гренландию, США через Аляску, Норвегия через Шпицберген, Россия), которые являются геополитическими игроками первой величины, а также государств, которые теоретически не имеет ничего общего с этой частью мира, т. е. стран Европейского Союза, Индии, Японии и Китая. Несомненно, возможность эксплуатации энергоресурсов и запасов полезных ископаемых может принести огромную прибыль государству, имеющему доступ к таким месторождениям, и значительно укрепить его позиции в международной экономической системе [13].

В Арктической зоне России проживает 80% населения за Полярным кругом. В поисках новых горизонтов туристам сегодня интересны территории в глуши, будь то пустынные или малонаселенные страны и регионы (Сахара, Монголия, Сибирь, Намибия), арктические полярные районы. Арктика, крайняя территория с точки зрения климата, малонаселенности, труднодоступности, фактически стала новым туристическим направлением, о чем свидетельствует количество посетителей. Ее открытость миру может привести ко многим достижениям с точки зрения инфраструктуры и улучшения форм местной культуры. Ведь на этой территории в 8,5 миллионов квадратных километров, охватывающей Россию, Норвегию, Данию, Исландию,

Канаду и США, проживает более 500 тысяч жителей, объединенных в большие этнические группы. В частности, можно упомянуть саамов, инуитов, ненцев, чукчей, коряков, долганов и эвенков [14].

Результаты. 20 мая 2021 г. Россия приняла председательство в Арктическом совете, важном межправительственном форуме региональной дипломатии. Одним из столпов ее политики является развитие туризма. Вот, действительно, один из ключевых моментов видения Россией стратегии развития Арктической зоны: устойчивое развитие Арктики во многом определяется качеством человеческого капитала. Российское председательство будет сосредоточено на повышении устойчивости, жизнеспособности арктических сообществ. Среди приоритетов также будет содействие научному, образовательному и культурному обмену, туризму и контактам между народами и регионами. Это, в частности, связано со стремлением приумножить наследие и историю народов, которые ослаблены геоклиматическими проблемами Крайнего Севера [12].

С таянием льдов возобновившийся интерес к Арктике также проявляется в стремлении к морским исследованиям для наблюдения за ее необычной фауной. Белые медведи, нарвалы, белухи, моржи, многие виды плавают в водах Полярного круга. Таким образом, морской туризм постепенно развивается с увеличением количества предлагаемых маршрутов. Из-за большой хрупкости экосистем важно проводить мероприятия в пользу особой формы туризма: устойчивого морского туризма.

Среди многих туристов сегодня Арктика является одним из лучших туристических направлений, отчасти благодаря возможности увидеть горбатых китов, покататься на каяках и собачьих упряжках. Отсюда также лучше всего наблюдать за айсбергами. Для тех, кто мечтает о необычных впечатлениях, таких, как полуночное солнце или полярная ночь, регион идеально подходит. Это также возможность познакомиться с народами, которые до сих пор сохранили обычаи предков, такие, как охота, приготовление пищи, танцы и обычаи [2].

Однако экспоненциальное развитие туризма в Арктике не лишено риска для природных экосистем. Вопросами экологического баланса и безопасности региона занимается Арктический совет [3]. В дополнение к глобальному потеплению прибытие туристических лодок вызывает пик загрязнения. Также могут быть интродуцированы инвазивные виды. Особенно чувствительные к звуку морские млекопитающие быстро подвергаются воздействию подводного шума, что представляет опасность для их здоровья.

Также важными факторами, влияющими на устойчивость Арктической зоны, являются: вытаптывание охраняемых видов растений и накопление отходов; увеличение числа прибывающих лодок и судов в порты туристических маршрутов, что увеличивает средний уровень CO2 и мелких частиц, а также происходит постепенное увеличение загрязнения.

На человеческом уровне рост туристов угрожает сложившимся системам снабжения, поскольку малым предприятиям не хватает предметов первой необходимости для обеспечения потребностей местных жителей, поскольку они приобретаются туристами. Прибытие групп туристов также приводит к дефициту некоторых морских видов у берегов, которые рыбаки привыкли ловить в течение длительного времени, это происходит в ущерб местного населения.

Таким образом, развитие и увеличение туристических потоков имеет преимущества и недостатки. С одной стороны, в результате модернизации туристических объектов люди имеют лучший доступ к необходимой инфраструктуре и больше комфорта. С другой стороны, эта деятельность способствует изменению климата: любоваться пейзажами, уязвимость которых скрыта за их красотой, равносильно уничтожению того, что является предметом туризма. Осведомленность об этих проблемах широко распространена в Арктике, но очень часто туристы узнают об этом посредством деятельности, которая сама по себе ослабляет окружающую среду [7].

Помимо перечисленного, некоторые страны, особенно страны НАТО, в т. ч. США, пытаются жестко ограничить присутствие России в Арктике, причем самыми разными способами: от усиления военной активности у границ России до санкционного давления, представляющего прямую угрозу национальной безопасности России. Особенно такое давление усилилось после начала специальной операции в Украине. Можно видеть, что угрозы безопасности в основном исходят от НАТО во главе с США.

Учитывая наличие природных ресурсов в регионе, у многих стран возникают территориальные споры. Такие споры могут быть разрешены мирным способом только после подписания соответствующего договора, устраивающего страны-участницы конфликта. Но примеров успешного разрешения противоречий немного, поэтому до сих пор остаются спорные терри-

тории [3].

Усиление напряженности в современной геополитике до состояния прямого вооружённого конфликта мировых держав, нахождение решений многих компромиссных выходов по определению территориальных споров оказались просто невозможными в большинстве регионов мира .

Выводы. Таким образом, растущее присутствие туристов в Арктике может ограничиваться геополитическими проблемами, туризм как выражение частных интересов на такой особой территории, как Арктика, может стать геополитической проблемой или, по крайней мере, геополитическим фактором, источником соперничества. В поисках решения снижения негативного воздействия западных санкций России следует обращаться к собственным частным инвестициям и азиатским партнерам как с рыночными, так и капитальными преимуществами. Одним из направлений является сотрудничество, сложившееся между Россией, Индией и Китаем в последние годы, которое представляется в этом контексте интересным экономическим и стратегическим партнерством для развития Арктической зоны. В то время как Индию и Китай интересует возможность арктического туризма, России нужны инвестиции и партнеры, которых она больше не находит на Западе в результате антироссийских санкций.

Литература

1. Баяскаланова, Т. А., Куклина, М. В., Богданов, В. Н. Туризм в российской Арктике : проблемы и возможности развития // Современные проблемы сервиса и туризма. 2020. № 1. С.109–119.
2. Бу, Р. Х. Мурманская область как центр притяжения китайского туризма в Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2022. № 2 (158). С.165–173.
3. Мельцов, А. В. Политико-правовой статус арктических пространств // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2010. № 4 (47). С. 152–157.
4. Мельцов, А. В., Драчева, Е. Л. Исторические и экономико-правовые аспекты закрепления арктических пространств // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 1 (135). С. 39–44.
5. Владимир Путин в режиме видеоконференции провёл совещание по вопросам развития Арктической зоны Российской Федерации.13 апреля 2022 г. – URL : http://kremlin.ru/events/president/news/68188 (дата обращения 24.04.2022).
6. Бертош, А. Российские национальные стандарты арктического туризма // 2022 Экспертный центр ПОРА. – URL : https://goarctic.ru/regions/rossiyskie-natsionalnye-standarty-arkticheskogo-turizma/ (дата обращения 24.04.2022).
7. Цветков, А. Ю. Логистические основы развития арктического туризма в России // АиС. 2022. № 46. С.190–204.
8. Пестерева, Н. М., Савинкина, Л. А., Хамина, В. В. Современные колебания климата Северо-Тихоокеанского региона // Материалы Международной междисциплинарной конференции : Человек в прибрежной зоне: опыт веков. 2001. С. 12–27.
9. Пестерева, Н. М., Карасев, Е. В., Стародубцева, Л. А. Социально-экономические аспекты изменчивости климата юга Дальнего Востока // Труды ДВНИГМИ. 1997. № 147. С. 55–72.
10. Ermolina, M. A., Kapustina, M. A., Matveevskaya, A. S., Pogodina, V. L. Legal regulation of ecological tourism in Arctic : IOP conference. Series: Earth and Environmental Science. 2019. 302, 012037. DOI: 10.10BB/1755-1315/302/1/012037.
11. Fay, G., Karlsdoffir, A. Social indicators for Arctic tourism: observing trends and assessing data // Polar Geography. 2011. Vol. 34. Iss. 1–2. P. 63–86.
12. Lamers, M., Pashkevich, A. Short-circuiting cruise tourism practices along the Russian Barents Sea coast? The case of Arkhangelsk // Current Issues in Tourism. 2015. Vol. 21. No. 4. P. 440–454.
13. Pashkevich, A., Stjernstrom, O., Lundmark, L. Natur-based tourism, conservation and institutional governance: a case study from the Russian Arctic // The Polar Journal. 2016. No. 1. P. 120–130.
14. Steward, E. J., Ligget, D., Dawson, J. The Evolution of Polar Tourism Scholarship : Research Themes, Networks and Agendas // Polar Geography. 2017. Vol. 40. No. 1. P. 59–84.

References:

1. Bayaskalanova, T. A., Kuklina, M. V., Bogdanov, V. N. Turizm v rossijskoj Arktike : problemy i vozmozhnosti razvitiya // Sovremennye problemy servisa i turizma. 2020. № 1. S.109–119.
2. Bu, R. H. Murmanskaya oblast' kak centr prityazheniya kitajskogo turizma v Rossijskoj Federacii // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2022. № 2 (158). S.165–173.
3. Mel'cov, A. V. Politiko-pravovoj status arkticheskih prostranstv // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. 2010. № 4 (47). S. 152–157.
4. Mel'cov, A. V., Dracheva, E. L. Istoricheskie i ekonomiko-pravovye aspekty zakrepleniya arkticheskih prostranstv // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2022. № 1 (135). S. 39–44.
5. Vladimir Putin v rezhime videokonferencii provyol soveshchanie po voprosam razvitiya Arkticheskoj zony Rossijskoj Federacii.13 aprelya 2022 g. – URL : http://kremlin.ru/events/president/news/68188 (data obrashcheniya 24.04.2022).
6. Bertosh, A. Rossijskie nacional'nye standarty arkticheskogo turizma // 2022 Ekspertnyj centr PORA. – URL :

https://goarctic.ru/regions/rossiyskie-natsionalnye-standarty-arkticheskogo-turizma/ (data obrashcheniya 24.04.2022).
7. Cvetkov, A. YU. Logisticheskie osnovy razvitiya arkticheskogo turizma v Rossii // AiS. 2022. № 46. S.190–204.
8. Pestereva, N. M., Savinkina, L. A., Hamina, V. V. Covremennye kolebaniya klimata Severo-Tihookeanskogo regiona // Materialy Mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj konferencii : CHelovek v pribrezhnoj zone: opyt vekov. 2001. S. 12–27.
9. Pestereva, N. M., Karasev, E. V., Starodubceva, L. A. Social'no-ekonomicheskie aspekty izmenchivosti klimata yuga Dal'nego Vostoka // Trudy DVNIGMI. 1997. № 147. S. 55–72.
10. Ermolina, M. A., Kapustina, M. A., Matveevskaya, A. S., Pogodina, V. L. Legal regulation of ecological tourism in Arctic : IOP conference. Series: Earth and Environmental Science. 2019. 302, 012037. DOI: 10.10BB/1755-1315/302/1/012037.
11. Fay, G., Karlsdoffir, A. Social indicators for Arctic tourism: observing trends and assessing data // Polar Geography. 2011. Vol. 34. Iss. 1–2. P. 63–86.
12. Lamers, M., Pashkevich, A. Short-circuiting cruise tourism practices along the Russian Barents Sea coast? The case of Arkhangelsk // Current Issues in Tourism. 2015. Vol. 21. No. 4. P. 440–454.
13. Pashkevich, A., Stjernstrom, O., Lundmark, L. Natur-based tourism, conservation and institutional governance: a case study from the Russian Arctic // The Polar Journal. 2016. No. 1. P. 120–130.
14. Steward, E. J., Ligget, D., Dawson, J. The Evolution of Polar Tourism Scholarship : Research Themes, Networks and Agendas // Polar Geography. 2017. Vol. 40. No. 1. P. 59–84.

УДК 336.67

ШУГАЕВ МАКСИМ ОЛЕГОВИЧ
Директор департамента инвестиционных проектов
АО «ИНСИСТЕМС» (Группа компаний Ланит),
e-mail: shugaev@lanit.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-5-11-15

ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ В ОБЛАСТИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ИНФОСТРУКТУРЫ

Аннотация. *В статье рассмотрены вопросы принятия инвестиционных решений при реализации проектов в области промышленной инфраструктуры. С целью принятия наиболее эффективных инвестиционных решений в практике менеджмента широко используются матрицы бизнес-стратегий компаний General Elektric и McKinsey. С целью совершенствования и улучшения процесса принятия инвестиционных решений предложено учитывать показатели стоимости рассматриваемых инвестиционных проектов и оценивать их влияние на стоимость предприятия, на котором эти проекты планируется реализовать, а также расширить критерии оценки инвестиционных решений по матрице McKinsey, добавив к их числу показатель итоговой рыночной стоимости предприятия.*

Ключевые слова: *инвестиционные решения, финансовая состоятельность, экономическая эффективность проекта, рыночная стоимость, матрица бизнес-стратегии.*

Научная специальность публикации согласно паспорту ВАК: *08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки).*

SHUGAEV MAXIM OLEGOVICH
Director of the Investment Projects Department
INSYSTEMS JSC (Lanit Group of Companies),
e-mail: shugaev@lanit.ru

THE PROCESS OF MAKING INVESTMENT DECISIONS DURING IMPLEMENTATION PROJECTS IN THE FIELD OF INDUSTRIAL INFOSTRUCTURE

Abstract. *The article discusses the issues of making investment decisions when implementing projects in the field of industrial infrastructure. In order to make the most effective investment decisions in management practice, the matrices of business strategies of General Elektric and McKinsey companies are widely used. In order to improve and improve the investment decision-making process, it is proposed to take into account the cost indicators of the investment projects under consideration and assess their impact on the value of the enterprise where these projects are planned to be implemented, as well as to expand the criteria for evaluating investment decisions according to the McKinsey matrix, adding to their number the indicator of the final market value of the enterprise.*

Keywords: *investment decisions, financial viability, economic efficiency of the project, market value, business strategy matrix.*

Важными составляющими развития хозяйствующих субъектов в настоящее время являются инвестиционные решения.

Как правило, они «направлены на реализацию стратегии развития хозяйствующею субъекта и предполагают решение комплексных задач, связанных с приобретением нового оборудования, внедрением прогрессивных технологий, проведением научно-исследовательских работ, разработкой маркетинговых программ, поглощением других предприятий и т. п. Таким образом, сегодняшние инвестиции во многом предопределяют положение компании в будущем» [4, с. 147].

В процессе рассмотрения различных вариантов возможного инвестирования на предприятии необходимо учитывать тот факт, что объем финансовых ресурсов ограничен, и реализация тех или иных инвестиционных решений не должна отразиться на обычной операционной деятельности, не приводить к ее перерывам и сбоям. В процессе принятия наилучшего инвестиционного решения используется полный арсенал методов стратегического, экономического, финансового, технического, юридического, экологического и других видов анализа.

К сложным для оценки в количественном измерении факторам относятся способность коллектива предприятия к выполнению поставленных задач, его опыт и квалификация, готовность решать сложные задачи в условиях большой степени неопределенности и риска.

Вместе с тем, когда речь идет о человеческом капитале, на эффективность инвестиционных решений оказывают влияние:

1. Учет предложений персонала по улучшению деятельности предприятия его руководством. Наибольший эффект достигается, когда в этот процесс вовлечены все работники, особенно если создана система поощрения в зависимости от влияния тех или иных предложенных мероприятий на улучшение показателей финансово-хозяйственной деятельности предприятия.

2. Постоянно действующая система образования персонала компании. Для того, чтобы быть успешным в современном динамичном и быстроменяющемся мире, любому специалисту надо быть одновременно не только отличным менеджером, но и знать основы маркетинга, психологии, экономики и правовых норм.

Укрупненная схема процесса оценки инвестиционных решений может иметь следующий вид (рисунок 1).

Процесс оценки возможных инвестиционных решений начинается с того, что выделенные проекты рассматриваются руководством и менеджментом предприятия в стратегическом аспекте с точки зрения того, как они повлияют на развитие предприятия в долгосрочном периоде. При этом необходимо решить следующие вопросы:

1. Каким образом выбранный проект влияет на успешное достижение стратегических целей предприятия?

2. Какое влияние проект окажет на конкурентоспособность предприятия на рынке после его осуществления?

3. Какие источники финансирования проекта наиболее целесообразны и экономически выгодны с точки зрения стоимости их привлечения, срока выплаты основного долга и процентов (дивидендов)?

4. За счет каких преимуществ проекта возможно добиться улучшения показателей финансово-хозяйственной деятельности предприятия?

5. Что представляется более целесообразным: выполнять работы по проекту собственными силами или часть работ отдать на аутсорсинг?

Решение этих вопросов позволит принять наиболее эффективные инвестиционные решения.

Одной из широко применяемой в практике менеджмента является матрица бизнес-стратегий компании General Elektric.

Данная матрица (рисунок 2) позволяет провести оценку стратегической привлекательности и ранжирование инвестиционных проектов по двум ключевым факторам: привлекательности отрасли (рынка) и конкурентным преимуществам фирмы (проекта). Такой механизм отбора рассматриваемых инвестиционных проектов позволяет распределить их в те или иные квадранты матрицы и, соответственно, дать ключ к пониманию того, как следует поступить в том или ином случае.

Рис. 1. *Схема проведения оценки эффективности инвестиционных решений [4, с. 148].*

Как видно из рисунка 2, наибольшие шансы быть выбранными имеют проекты, которые попадают в верхний левый угол матрицы, который характеризуется высокой привлекательностью отрасли (рынка) и существенными конкурентными преимуществами фирмы (проекта). Вероятность выбора проектов, расположенных по диагонали матрицы, гораздо ниже, и вопрос по их реализации остается открытым до изменения вышеупомянутых ключевых факторов. Проекты, расположенные в правом нижнем углу матрицы, как правило, исключают из инвестиционного процесса ввиду того, что они уже не актуальны или перестают отвечать критериям эффективности.

		Конкурентные преимущества фирмы (проекта)		
		Сильные	Средние	Слабые
Привлекательность отрасли (рынка)	Высокая	Инвестировать	Инвестировать	Выжидать
	Средняя	Инвестировать	Выжидать	Выходить
	Низкая	Выжидать	Выходить	Выходить

Рис. 2. *Матрица компании General Elektric [6, с. 69].*

Достаточно близкий к рассмотренному подход характерен и для матрицы McKinsey (рисунок 3).

		Конкурентная позиция фирмы (проекта)		
		Сильная	Средняя	Слабая
Привлекательность отрасли (рынка)	Высокая	Лидер	Лидер	Вопросительный знак
	Средняя	Лидер	Середняк	Аутсайдер
	Низкая	Генератор прибыли	Аутсайдер	Аутсайдер

Рис. 3. *Матрица компании McKinsey [4, с. 151].*

Ценностью данной матрицы является то, что компанией разработаны показатели оценки факторов и их веса (рисунок 4).

В этом случае появляется возможность оценки каждого показателя путем присвоения того

или иного количества баллов. Как отмечается в работе И. Я. Лукасевича: «… рассмотренные подходы имеют свои достоинства и недостатки. Их основное назначение заключается в том, чтобы ответить на вопрос, имеют ли смысл данные инвестиционные проекты в свете долгосрочных целей и стратегических планов развития корпорации. Если ответ отрицательный, следует искать другие инвестиционные возможности» [4, с. 151].

К числу недостатков рассмотренных подходов следует отнести и то, что в них не рассматривается такой значимый показатель, как рыночная стоимость предприятия. Дело в том, что «… повышение рыночной стоимости предприятия является условием получения ими основного дохода с вложенного капитала» [1, с. 30].

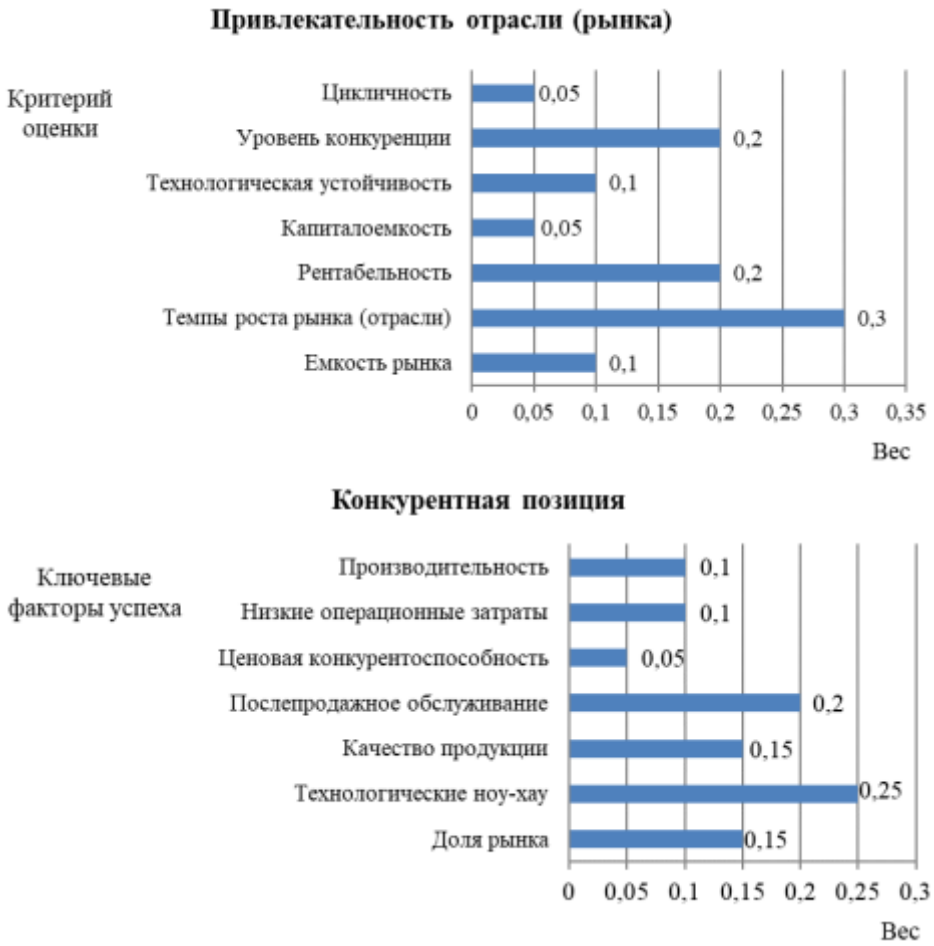


Рис. 4. *Показатели оценки факторов и их веса [4, с. 151].*

Это обусловлено тем, что не всегда положительное значение и рост чистой прибыли предприятия свидетельствуют о его успешной деятельности, так как при этом одновременно может происходить снижение рыночной стоимости и, соответственно, падение инвестиционной привлекательности. Причем в ряде случаев такие вариации рыночной стоимости могут быть вызваны изменениями во внешней среде, напрямую не связанными с финансово-хозяйственной деятельностью предприятия.

В связи с этим представляется целесообразным в процессе рассмотрения различных вариантов возможного инвестирования на предприятии рассматривать их с точки зрения того, как они влияют на стоимость предприятия. В некоторых программных продуктах по инвестиционному проектированию заложен расчет стоимости инвестиционного проекта как бизнеса (рисунок 5). Соответственно, появляется возможность оценки влияния стоимости проекта на стоимость предприятия, на котором проект реализуется.

Кроме этого, необходимо расширить критерии оценки инвестиционных решений по матрице McKinsey, добавив к их числу показатель итоговой рыночной стоимости предприятия, то есть сумму стоимостей проекта и самого предприятия.

				"0"	2022	2023	2024	2025	2026	ИТОГО
860	ОЦЕНКА БИЗНЕСА									
861	Расчеты ведутся для WACC	20%		20,0%	20,0%	20,0%	20,0%	20,0%	20,0%	
864	**Компоненты оценки бизнеса (дисконтированные, с поправкой на инфляцию)**									
865	Чистая стоимость денежных потоков проекта (NPV)		тыс. руб.	327	7 821	5 606	5 040	4 728	4 224	27 746
866	Дисконтированные дивиденды (ДД)		тыс. руб.	0	0	0	0	0	0	0
867	Стоимость чистых активов, за вычетом ден. средств		тыс. руб.	-327	-2 069	-1 756	-1 179	-573	86	
868	Посленалоговая операционная прибыль (NOPLAT)		тыс. руб.	0	7 586	6 669	6 044	5 557	4 969	
869	**Варианты оценки стоимости бизнеса**									
870		*Значение*	*Вес*							
871	Оценка по NPV с учетом стоимости чистых активов	27 832	50%							
872	Оценка по NPV с учетом продленной стоимости:									
873	рассчитанной на основе ДД	27 746	0%							
874	рассчитанной на основе NOPLAT	52 589	50%							
875	Оценка на основе ДД с учетом продленной стоимости	0	0%							
876	Средняя оценка стоимости	**40 210**	тыс. руб.							

Компания | Проект | Сумм | Анализ | Отчет

Рис. 5. *Оценка проекта [6].*

Это позволит:

1. Наряду с использованием финансовых применять соответствующие стоимостные показатели для оценки результатов деятельности предприятия.
2. При принятии инвестиционных решений ориентироваться на создаваемую рассматриваемым проектом стоимость с целью определения его вклада в общую стоимость всего предприятия.
3. В процессе финансово-хозяйственной деятельности осуществлять постоянный мониторинг за стоимостью предприятия для достижения тенденции ее постоянного роста.

Литература

1. Арасланов Т. Н. Факторы, определяющие стоимость бизнеса // Социально-экономические процессы: проблемы, тенденции, перспективы: сборник статей IX Международной научно-практической конференции (10 февраля 2022г.). – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2022. – 256 с.: ил. – Коллектив авторов. – С. 30–34.

2. Горбунов В. Л. Бизнес-планирование с оценкой рисков и эффективности проектов: научно-практическое пособие / В. Л. Горбунов. – 2-е изд. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2022. – 288 с.

3. Котелкин С. В. Международный финансовый менеджмент: учебное пособие / С. В. Котелкин. – Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2022. – 608 с.

4. Лукасевич И. Я. Инвестиции: учебник / И. Я. Лукасевич. – Москва: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2022. – 413 с.

5. Межов И. С. Инвестиции: оценка эффективности и принятие решений: учебник / И. С. Межов, С. И. Межов. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. – 380 с.

6. Программный продукт «Альт-Инвест-5». Руководство пользователя. / ООО «Альт-Инвест». – Москва, Санкт-Петербург, 2018. – 111 с.

7. Управление инвестиционными проектами в условиях риска и неопределенности: учебное пособие для вузов / Л. Г. Матвеева, А. Ю. Никитаева, О.А. Чернова, Е.Ф. Щипанов. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 298 с.

8. Щербаков В. Н. Инвестиции и инновации: учебник / В. Н. Щербаков, Л. П. Дашков, К. В. Балдин [и др.]; под ред. д. э. н., проф. В. Н. Щербакова. – 3-е изд. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2020. – 658 с.

References:

1. Araslanov T. N. Faktory, opredelyayushchie stoimost' biznesa // Social'no-ekonomicheskie processy: problemy, tendencii, perspektivy: sbornik statej IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (10 fevralya 2022g.). – Petrozavodsk: MCNP «Novaya nauka», 2022. – 256 s.: il. – Kollektiv avtorov. – S. 30–34.

2. Gorbunov V. L. Biznes-planirovanie s ocenkoj riskov i effektivnosti proektov: nauchno-prakticheskoe posobie / V. L. Gorbunov. – 2-e izd. – Moskva: RIOR: INFRA-M, 2022. – 288 s.

3. Kotelkin S. V. Mezhdunarodnyj finansovyj menedzhment: uchebnoe posobie / S. V. Kotelkin. – Moskva: Magistr: INFRA-M, 2022. – 608 s.

4. Lukasevich I. YA. Investicii: uchebnik / I. YA. Lukasevich. – Moskva: Vuzovskij uchebnik: INFRA-M, 2022. – 413 s.

5. Mezhov I. S. Investicii: ocenka effektivnosti i prinyatie reshenij: uchebnik / I. S. Mezhov, S. I. Mezhov. – Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2018. – 380 s.

6. Programmnyj produkt «Al't-Invest-5». Rukovodstvo pol'zovatelya. / OOO «Al't-Invest». – Moskva, Sankt-Peterburg, 2018. – 111 s.

7. Upravlenie investicionnymi proektami v usloviyah riska i neopredelennosti: uchebnoe posobie dlya vuzov / L. G. Matveeva, A. YU. Nikitaeva, O.A. CHernova, E.F. SHCHipanov. – Moskva: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. – 298 s.

8. SHCHerbakov V. N. Investicii i innovacii: uchebnik / V. N. SHCHerbakov, L. P. Dashkov, K. V. Baldin [i dr.]; pod red. d. e. n., prof. V. N. SHCHerbakova. – 3-e izd. – Moskva: Izdatel'sko-torgovaya korporaciya «Dashkov i K°», 2020. – 658 s.

УДК 336.67

ГАЛЕЕВА ЕВГЕНИЯ ИСАЕВНА
д.э.н., профессор кафедры маркетинг – менеджмента
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирясова (ИЭУП)»,
e-mail: galeeva@nzh.ieml.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-5-16-21

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРПОРАЦИИ И ПУТИ ЕЕ ПОВЫШЕНИЯ

Аннотация. Цель работы. *В статье исследуются теоретические и практические аспекты оценки эффективности деятельности корпорации и пути ее повышения.* ***Методология проведения работы.*** *Изучены сущностные характеристики деловой активности и рентабельности корпорации; методы их оценки; использованы следующие методы научного исследования: философский, общенаучный, теоретический, абстрактно-логический, исторический, эмпирический.* ***Результаты работы.*** *Показателями эффективности деятельности корпорации являются: деловая активность и рентабельность. В работе обобщены взгляды различных ученых на сущность категорий «деловая активность» и «рентабельность» организации. Рассмотрены методические подходы к оценке эффективности деятельности корпорации. Проведен анализ деловой активности и рентабельности деятельности корпорации на примере ПАО «Нижнекамскнефтехим». Выявлены проблемы в деятельности корпорации, определены пути их решения.* ***Область применения.*** *Результаты работы могут быть использованы как в практике работы исследуемой корпорации, так и других аналогичных компаний Российской Федерации.* ***Выводы.*** *За исследуемый период наблюдается уменьшение эффективности деятельности компании, в связи с последствиями пандемии и санкция США и Евросоюза. Были определены проблемы, вызвавшие данную ситуацию. Для их решения разработаны мероприятия, внедрение которых позволит ПАО «Нижнекамскнефтехим» улучшить показатели деловой активности и рентабельности деятельности за счет роста выручки и прибыли, освоения новых рынков. Это укрепит конкурентные позиции корпорации на нефтехимическом рынке.*

Ключевые слова: *эффективность деятельности корпорации, деловая активность; рентабельность.*

GALEEVA EVGENIYA ISAEVNA
Dr.Sc of Economics, Professor of Marketing Management
Department of Kazan Timiryasov Innovation University (IEPU),
e-mail: galeeva@nzh.ieml.ru

PERFORMANCE EVALUATION CORPORATIONS AND WAYS TO IMPROVE IT

Abstract. The purpose of the work. *The article examines the theoretical and practical aspects of evaluating the effectiveness of the corporation and ways to improve it.* ***Methodology of the work.*** *The essential characteristics of business activity and profitability of the corporation are studied; methods of their assessment; the following methods of scientific research are used: philosophical, general scientific, theoretical, abstract-logical, historical, empirical.* ***The results of the work.*** *The performance indicators of the corporation are: business activity and profitability. The paper summarizes the views of various scientists on the essence of the categories "business activity" and "profitability" of the organization. Methodological approaches to assessing the effectiveness of the corporation are considered. The analysis of business activity and profitability of the corporation on the example of PJSC Nizhnekamskneftekhim is carried out. The problems in the activities of the corporation are identified, the ways to solve them are determined.* ***Scope of application.*** *The results of the work can be used both in the practice of the corporation under study*

and other similar companies in the Russian Federation. ***Conclusions.*** *During the study period, there was a decrease in the efficiency of the company's activities, due to the consequences of the pandemic and the sanctions of the United States and the European Union. The problems that caused this situation were identified. To solve them, measures have been developed, the implementation of which will allow PJSC Nizhnekamskneftekhim to improve business activity and profitability through revenue and profit growth, and the development of new markets. This will strengthen the corporation's competitive position in the petrochemical market.*
Keywords: *corporate efficiency, business activity; profitability.*

Введение. Экономические условия современной России и конкуренция среди предприятий различных отраслей, подталкивают их к увеличению эффективности своей деятельности, чтобы не отставать от экономического прогресса. Современные компании ищут новые пути улучшения эффективности производства, оптимизации финансовых решений, удержания конкурентных позиций. Компаниям нужна адекватная финансовая политика, как краткосрочная, так и долгосрочная, особенно в период трансформации экономической системы России, вызванной пандемией и санкция со стороны США и Евросоюза. Показателями, характеризующими эффективность деятельности корпораций, являются деловая активность и рентабельность, которые позволяют охарактеризовать деятельность компании с различных сторон. Целью данной работы является исследование теоретических и практических аспектов оценки эффективности деятельности корпорации и пути ее повышения. В работе были поставлены и решены следующие задачи: определить сущностную характеристику деловой активности и рентабельности корпорации; рассмотреть методы анализа вышеназванных показателей; провести анализ деловой активности и рентабельности корпорации; определить проблемы в деятельности компании; разработать мероприятия по повышению эффективности деятельности корпорации.

В процессе исследования были использованы такие научные методы, как философский, общенаучный, теоретический, абстрактно-логический, исторический, эмпирический, коэффициентный.

Объектом исследования является финансово-хозяйственная деятельность ПАО «Нижнекамскнефтехим».

Теоретическую и методическую основу научного исследования составили работы российских и зарубежных авторов, в частности О.М. Баненковой, О.Ф. Бочаровой, Д.А. Ендовицкого, Н.В. Зыковой, Д.М. Кубаревой, Ж.С. Передеры, Н.Н. Тюпаковой, P. Buys, U. Hacioglu, U. Pidun и др. [1-10].

Информационной основой исследования выступили Устав и финансовая отчетность ПАО «Нижнекамскнефтехим» за 2018-2020 гг.

Методические исследования. Сущность деловой активности хорошо представлена в работе А.А. Бачурина, который характеризует деловую активность, как результативность и качество производственной деятельности организации за отчетный период. К основным качественным показателям автор относит: рынок сбыта; качество продукции; конкурентоспособность продукции, а также известность корпорации на рынке. В качестве количественных критериев автор приводит такие, как процент выполнения плана, темп роста основных показателей, эффективность использования в процессе производства материальных ресурсов корпорации [11, с. 109].

Зарубежные авторы К. Кайванто и П. Чжан также указывают, что деловая активность организации позволяет охарактеризовать, насколько эффективно были использованы ресурсы и средства компании [12,с. 12]. Преимуществом данного определения можно назвать его достаточно краткую формулировку. Но такое определение не раскрывает самой сущности деловой активности.

Недостаточно полно раскрыто определение деловой активности и в работе А.Д. Шеремета и Е.А. Козельцевой. Авторы характеризуют деловую активность, как количество оборотов, которые активы совершают за определённый период времени [13,с. 79]. Единственным преимуществом этого определения является то, что определён главный фактор деловой активности – её оборачиваемость.

Более полно дает определение Н.А. Кулагина. Она характеризует деятельность корпорации многогранно. Деловая активность – это: финансовая, инвестиционная, инновационная, производственная, организационная и маркетинговая активность [14,с. 37].

Для анализа деловой активности организации необходимо проведение комплексного ана-

лиза, инструментами которого являются специальные методические подходы, показатели, а также выявление потенциала их улучшения [15-17].

Показатели деловой активности корпорации определим согласно методике Т.Ю. Кудрявцевой и Ю.А. Дуболазовой [18], а показатели рентабельности – согласно методическому подходу О.М. Баненковой [1].

Результаты исследования. Анализ деловой активности и рентабельности корпорации рассмотрим на примере ПАО «Нижнекамскнефтехим» – крупнейшем нефтехимическом комплексе Республики Татарстан, входящим в холдинг «Сибур». Компания является мировым лидером по производству синтетического каучука и ежегодно расширяет собственное производство за счет выпуска новых видов продукции и совершенствования технологических производств [19].

Согласно данным финансовой отчетности корпорациии, и различным методическим подходам [15-18], проведем расчет показателей деловой активности компании за 2018-2020 годы, которые сгруппируем в таблице1.

Таблица1

Динамика показателей деловой активности ПАО «Нижнекамскнефтехим» за 2018-2020 гг.

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Отклонения (+,-)	
				2019 г.-2018 г.	2020г. - 2019 г.
1. Коэффициенты оборачиваемости, в оборотах:					
- активов	1,06	0,82	0,62	-0,25	-0,20
- оборотных активов	2,42	2,17	2,15	-0,25	-0,01
- внеоборотных (нематериальных) активов	1,89	1,31	0,87	-0,58	-0,44
- основных средств (фондоотдача)	2,03	1,38	0,90	-0,65	-0,48
- собственного капитала	1,32	1,17	1,08	-0,15	-0,09
- запасов	9,53	9,69	7,32	0,17	-2,37
- денежных средств	6,91	5,39	5,98	-1,52	0,59
- дебиторской задолженности	8,67	8,04	10,46	-0,64	2,43
- кредиторской задолженности	19,24	15,71	8,94	-3,53	-6,77
2. Продолжительность одного оборота, в днях:					
- активов	343,69	446,84	590,32	103,15	143,48
- оборотных активов	150,88	168,58	169,52	17,70	0,94
- внеоборотных (нематериальных) активов	192,81	278,26	420,80	85,45	142,54
- основных средств	179,44	264,43	404,07	84,99	139,64
- собственного капитала	276,92	312,52	337,14	35,60	24,62
- запасов	38,32	37,66	49,85	-0,66	12,19
- денежных средств	52,84	67,76	61,07	14,93	-6,70
- дебиторской задолженности	42,09	45,42	34,89	3,34	-10,53
- кредиторской задолженности	18,97	23,24	40,84	4,26	17,6

Согласно данным таблицы 1, оборачиваемость активов ПАО «Нижнекамскнефтехим» в 2019 году уменьшилась на 0,25 оборотов, а в 2020 году еще на 0,2 оборотов. Длительность оборота активов в 2018 году составляла 343,69 дней, а в 2020 году составила 590,32 дней. Увеличение продолжительности оборота указывает на неэффективное использование активов корпорации.

Оборачиваемость оборотных активов показывает скорость оборота всех оборотных активов корпорации. Длительность оборота оборотных активов увеличилась на 17,7 дней в 2019 году по сравнению с 2018 годом, что является отрицательной тенденцией и указывает на ухудшение эффективности использования оборотных средств предприятия.

Оборачиваемость внеоборотных (нематериальных) активов в 2020 году уменьшилась на 0,44 оборотов и составила 0,87 оборотов, т.е. у корпорации в 2020 году уменьшился доход с 1 рубля капитала, вложенного в нематериальные активы.

Оборачиваемость основных средств (фондоотдача) уменьшилась на 0,65 оборотов в 2019 году и на 0,48 оборотов в 2020 году и составила 0,90 оборотов. Уменьшение показателя фондоотдачи в 2020 году свидетельствует о снижении эффективности использования основных средств.

В 2020 году по сравнению с 2018 годом оборачиваемость собственного капитала ПАО «Нижнекамскнефтехим» уменьшилась и составила 1,08 оборотов. Соответственно увеличилась длительность одного оборота собственного капитала с 276,92 дней в 2018 году до 337,14 дней в 2020 году. Увеличение срока оборота собственного капитала снижает эффективность его использования, так как каждый оборот собственного капитала генерирует дополнительную сумму прибыли, а в данном случае наблюдается обратная динамика.

Оборачиваемость запасов составила 9,69 оборотов в 2019 году, а в 2020 году – 7,32 оборотов. Уменьшение показателя указывает на замедление оборачиваемости запасов. Длительность оборота запасов увеличилась с 37,66 дней в 2019 году до 49,85 дней в 2020 году.

Скорость оборота денежных средств увеличилась с 5,39 оборотов в год в 2019 году до 5,98 оборотов в год в 2020 году, что является положительной тенденцией.

В 2019 году увеличился срок погашения дебиторской задолженности по сравнению с 2018 годом на 3,34 дня, что является отрицательным для корпорации. Дебиторы ПАО «Нижнекамскнефтехим» стали медленнее погашать свою задолженность. В 2020 году средний сложившийся за период срок оплаты дебиторской задолженности составил 34,89 дней.

Оборачиваемость кредиторской задолженности уменьшается с 19,24 оборотов в 2018 году до 8,94 оборотов в 2020 году. Продолжительность одного оборота кредиторской задолженности в 2018 году составила 18,97 дней, а в 2020 году – 40,84 дня, то есть в 2020 году каждый 41-ой день корпорация рассчитывается с кредиторами.

Далее проведем расчет показателей рентабельности ПАО «Нижнекамскнефтехим», результаты расчета сгруппируем в таблице 2.

Таблица 2

Динамика показателей рентабельность ПАО «Нижнекамскнефтехим» за 2018-2020 гг., %

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Отклонения (+,-)	
				2019 г.-2018 г.	2020 г. - 2019 г.
Рентабельность продукции (услуг)	21,08	21,41	18,39	0,33	-3,02
Рентабельность производства	20,27	15,73	2,33	-4,54	-13,40
Рентабельность продаж	15,89	15,93	13,89	0,04	-2,04
Рентабельность активов (имущества)	13,63	11,12	1,86	-2,51	-9,26
Рентабельность собственного капитала	16,92	15,91	3,26	-1,02	-12,65
Чистая рентабельность	12,84	13,62	3,01	0,78	-10,61
Валовая рентабельность	24,60	25,58	24,45	0,98	-1,13
Затратоотдача	21,08	21,41	18,39	0,33	-3,02
Рентабельность перманентного капитала	14,67	11,88	2,02	-2,78	-9,86

Согласно данным таблицы 2, рентабельность продаж в 2019 году составила 15,93%. В 2020 году рентабельность продаж уменьшилась на 2,04% и ее значение составило 13,89%. Нормальное значение рентабельности продаж для российских нефтехимических компаний находится в районе 15-20% [20]. Это указывает, что деятельность ПАО «Нижнекамскнефтехим» является слабоэффективной по сравнению со среднероссийскими значениями.

В 2018 году рентабельность активов (имущества) составила 13,63%. В 2020 году показатель уменьшился на 9,26% по сравнению с 2019 годом и составил 1,86%. Эта тенденция указывает на снижение эффективности использования активов корпорации.

Рентабельность собственного капитала также уменьшилась в 2020 году по сравнению с 2018 годом. В 2020 году рентабельность собственного капитала составила всего 3,26%. Это указывает на снижение окупаемости активами, вложенных в корпорацию средств.

Чистая рентабельность в 2019 году составила 13,62%. В 2020 году показатель уменьшился на 10,61% по сравнению с 2019 годом и составил 3,01%. Данный показатель имеет низкие значения, что указывает на низкую рентабельность деятельности ПАО «Нижнекамскнефтехим».

Итак, показатели деловой активности и рентабельности ПАО «Нижнекамскнефтехим» за 2018-2020 гг. имеют отрицательную динамику. Причинами такой динамики являются последствия пандемии и санкций, введенных США и Евросоюзом. Корпорации следует сконцентрировать свою финансовую политику на увеличении выручки и прибыли компании.

Для решения данных проблем целесообразно предложить следующие мероприятия[19]:

1. Сократить расходы на производство, путем внедрения технологии искусственного интеллекта ABBYY FlexiCapture.Это позволит ПАО «Нижнекамскнефтехим» снизить расходы (в том числе и управленческие), минимизировать ошибки и существенно сэкономить время на обработку информации.

2. Поставить на нефтехимический рынок новые инновационные продукты. К ним относятся синтетические каучуки пятого поколения: дивинил-стирольный синтетический каучук (ДССК), синтетический каучук дивиниловый СКД-777; термоэластопласт ТЭП; полиэтиленгликоль Н-ПЭГ-2400. Данные виды продукции целесообразно выводить как на отечественный, так и зарубежный рынок, так как они обладают рядом преимуществ по сравнению с отечественными и зарубежными аналогами.

3. В строительной отрасли при производстве бетонных смесей предлагать использовать высокомолекулярный оксиэтилированный продукт Н-ПЭГ-2400, который дольше сохраняет бетон в подвижном состоянии и увеличивает прочность бетонного полотна.

4. При производстве дорожного полотна предлагать использовать полимерные гранулы термоэластопласта (ТЭП), которые значительно улучшают качество дорожного покрытия и увеличивают срок его службы.

5. Увеличить в перспективе объемы производства и продажи мономеров за счет введения в эксплуатацию современного производственного комплекса ЭП-600. Данный комплекс позволит производить этилен высокого качества, а также пропилен, бутадиен и бензол. Запуск данного производства позволит снизить импортные поставки этилена в Россию.

Выводы. Анализ деловой активности и рентабельности ПАО «Нижнекамскнефтехим» за 2018-2020 годы позволил выявить следующие проблемы. Оборачиваемость активов и собственного капитала за исследуемый период имеет отрицательную динамику. Увеличился срок погашения дебиторской задолженности, оборачиваемость кредиторской задолженности уменьшилась с 19,24 оборотов в 2018 году до 8,94 оборотов в 2020 году. Все показатели рентабельности имеют отрицательную динамику. Для решения выявленных проблем, были предложены мероприятия, которые будут способствовать повышению эффективности деятельности корпорации на примере ПАО «Нижнекамскнефтехим» в перспективе.

Литература

1. Баненкова, О.М. Система показателей рентабельности предприятия / О.М. Баненкова // Наука и образование сегодня. - 2020. - №3 (50). – С. 117-121.
2. Бочарова, О.Ф. Особенности проведения анализа финансового состояния организации, ориентированного на предупреждение банкротства О.Ф. Бочарова, Л.С. Москалев // Вестник Академии знаний. - 2020. - №5 (40). – С. 507-514.
3. Ендовицкий, Д.А. Корпоративный анализ: учебник для вузов / Д.А. Ендовицкий, Л.С. Коробейникова, И.В. Полухина. – М.: Юрайт, 2019. - 213 с.
4. Зыкова, Н.В. Методические подходы к оценке рентабельности активов / Н.В. Зыкова // Общество: политика, экономика, право. - 2020. - №12 (89). – С. 84-88.
5. Кубарева, Д.М. Зарубежный опыт анализа финансово-хозяйственной деятельности корпорации / Д.М. Кубарева // Молодой ученый. - 2020. - № 41 (331). - С. 238-241.
6. Передера, Ж.С. Анализ слияний и поглощений: учебное пособие для вузов / Ж.С. Передера, А.В. Федоров. – М.: Юрайт, 2022. - 140 с.
7. Тюпакова, Н.Н. Расчетные показатели в оценке эффективности управления финансовыми результатами деятельности организации / Н.Н. Тюпакова, О.Ф. Бочарова, А. Магдалианиду // Естественно-гуманитарные исследования. - 2020. - №5 (31). – С. 216-224.
8. Buys, P. Designing Cost Management Systems to Support Business Decision-Making / P. Buys. – Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. – 150 p.
9. Hacioglu, U. Financial Ecosystem and Strategy in the Digital Era: Global Approaches and New Opportunities / U. Hacioglu, T. Aksoy. – Cham: Springer, 2021. - 450 p.
10. Pidun, U. Corporate Strategy. Theory and Practice / U. Pidun. – Wiesbaden: Springer Gabler, 2019. – 282 p.
11. Бачурин, А.А. Анализ производственно-хозяйственной деятельности организаций: учебное пособие / А.А. Бачурин. – М.: Юрайт, 2019. - 296 с.
12. Kaivanto, K. Is business formation driven by sentiment or fundamentals? The European Journal of

Finance / K. Kaivanto, P. Zhang. – 2022. - 6 Feb. – P. 1–27.
13. Шеремет, А.Д. Финансовый анализ: учебно-методическое пособие / А.Д. Шеремет, Е.А. Козельцева. - М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. - 200 с.
14. Кулагина, Н.А. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Практикум: учебное пособие для вузов / Н.А. Кулагина. – М.: Юрайт, 2022. - 135 с.
15. Хорольская, Т.Е. Использование данных бухгалтерской (финансовой) отчетности для определения деловой активности и рентабельности организации / Т.Е. Хорольская, Ю.Е. Свердликова, Ю.И. Гавриш // Вестник Академии знаний. - 2021. - №4 (45). – С. 274-277.
16. Лысенко, Д.В. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: учебник / Д.В. Лысенко. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 320 с.
17. Савицкая, Г.В. Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник / Г.В. Савицкая. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 378 с.
18. Кудрявцева, Т.Ю. Финансовый анализ: учебник для вузов / Т.Ю. Кудрявцева, Ю.А. Дуболазова. – М.: Юрайт, 2022. - 167 с.
19. Официальный сайт ПАО «Нижнекамскнефтехим» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nknh.ru (дата обращения: 15.01.2022).
20. Рентабельность собственного капитала по отраслям (видам деятельности) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.testfirm. ru/finfactor/roe/ (дата обращения: 15.01.2022).

References:
1. Banenkova, O.M. Sistema pokazatelej rentabel'nosti predpriyatiya / O.M. Banenkova // Nauka i obrazovanie segodnya. - 2020. - №3 (50). – S. 117-121.
2. Bocharova, O.F. Osobennosti provedeniya analiza finansovogo sostoyaniya organizacii, orientirovannogo na preduprezhdenie bankrotstva O.F. Bocharova, L.S. Moskalev // Vestnik Akademii znanij. - 2020. - №5 (40). – S. 507-514.
3. Endovickij, D.A. Korporativnyj analiz: uchebnik dlya vuzov / D.A. Endovickij, L.S. Korobejnikova, I.V. Poluhina. – M.: YUrajt, 2019. - 213 s.
4. Zykova, N.V. Metodicheskie podhody k ocenke rentabel'nosti aktivov / N.V. Zykova // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. - 2020. - №12 (89). – S. 84-88.
5. Kubareva, D.M. Zarubezhnyj opyt analiza finansovo-hozyajstvennoj deyatel'nosti korporacii / D.M. Kubareva // Molodoj uchenyj. - 2020. - № 41 (331). - S. 238-241.
6. Peredera, ZH.S. Analiz sliyanij i pogloshchenij: uchebnoe posobie dlya vuzov / ZH.S. Peredera, A.V. Fedorov. – M.: YUrajt, 2022. - 140 s.
7. Tyupakova, N.N. Raschetnye pokazateli v ocenke effektivnosti upravleniya finansovymi rezul'tatami deyatel'nosti organizacii / N.N. Tyupakova, O.F. Bocharova, A. Magdalianidu // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. - 2020. - №5 (31). – S. 216-224.
8. Buys, P. Designing Cost Management Systems to Support Business Decision-Making / P. Buys. – Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. – 150 r.
9. Hacioglu, U. Financial Ecosystem and Strategy in the Digital Era: Global Approaches and New Opportunities / U. Hacioglu, T. Aksoy. – Cham: Springer, 2021. - 450 p.
10. Pidun, U. Corporate Strategy. Theory and Practice / U. Pidun. – Wiesbaden: Springer Gabler, 2019. – 282 r.
11. Bachurin, A.A. Analiz proizvodstvenno-hozyajstvennoj deyatel'nosti organizacij: uchebnoe posobie / A.A. Bachurin. – M.: YUrajt, 2019. - 296 s.
12. Kaivanto, K. Is business formation driven by sentiment or fundamentals? The European Journal of Finance / K. Kaivanto, P. Zhang. – 2022. - 6 Feb. – R. 1–27.
13. SHeremet, A.D. Finansovyj analiz: uchebno-metodicheskoe posobie / A.D. SHeremet, E.A. Kozel'ceva. - M.: Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2020. - 200 s.
14. Kulagina, N.A. Analiz i diagnostika finansovo-hozyajstvennoj deyatel'nosti predpriyatiya. Praktikum: uchebnoe posobie dlya vuzov / N.A. Kulagina. – M.: YUrajt, 2022. - 135 s.
15. Horol'skaya, T.E. Ispol'zovanie dannyh buhgalterskoj (finansovoj) otchetnosti dlya opredeleniya delovoj aktivnosti i rentabel'nosti organizacii / T.E. Horol'skaya, YU.E. Sverdlikova, YU.I. Gavrish // Vestnik Akademii znanij. - 2021. - №4 (45). – S. 274-277.
16. Lysenko, D.V. Kompleksnyj ekonomicheskij analiz hozyajstvennoj deyatel'nosti: uchebnik / D.V. Lysenko. – M.: INFRA-M, 2018. – 320 s.
17. Savickaya, G.V. Kompleksnyj analiz hozyajstvennoj deyatel'nosti predpriyatiya: uchebnik / G.V. Savickaya. – M.: INFRA-M, 2019. – 378 s.
18. Kudryavceva, T.YU. Finansovyj analiz: uchebnik dlya vuzov / T.YU. Kudryavceva, YU.A. Dubolazova. – M.: YUrajt, 2022. - 167 s.
19. Oficial'nyj sajt PAO «Nizhnekamskneftekhim» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.nknh.ru (data obrashcheniya: 15.01.2022).
20. Rentabel'nost' sobstvennogo kapitala po otraslyam (vidam deyatel'nosti) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.testfirm. ru/finfactor/roe/ (data obrashcheniya: 15.01.2022).

УДК 338.24

БАЛИЯНЦ КАРИНА МИХАЙЛОВНА
к.э.н., научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, e-mail: reklama-ka@rambler.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-5-22-31

ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В РАЗВИТИИ ПРОДУКТОВЫХ ПОДКОМПЛЕКСОВ АПК СКФО В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Аннотация. Цель работы *заключается в исследовании факторов формирования конкурентоспособности продукции АПК СКФО, ее значения для экономического развития продуктовых подкомплексов региональной агроэкономики.* ***Метод или методология проведения работы.*** *В исследовании используются аспектный, монографический, абстрактно-логический, экономико-статистический, аналитический и эмпирический подходы к изучению темы. В основе работы научные и аналитические исследования отечественных учёных по вопросам конкурентоспособности продукции АПК, импортозамещения, инновационных подходов к эффективному и экологичному использованию ресурсов региона для сельскохозяйственного производства в продуктовых подкомплексах региона.* ***Область применения результатов.*** *Результаты исследования могут быть использованы при подготовке специалистов в высших и средних специальных учебных заведениях аграрной направленности, органами власти в управлении АПК при формировании системы управления устойчивым развитием региональных продуктовых подкомплексов, конкурентоспособностью продукции агросферы и обеспечения населения продуктами питания.* ***Выводы и результаты.*** *Повышение конкурентоспособности продукции регионального АПК нельзя рассматривать только как набор действий по развитию конкурентных преимуществ на региональном продовольственном рынке. Повышение конкурентоспособности продукции АПК не является узким результатом только агроэкономики, а в общем смысле направлено на развитие сельских территорий и повышение качества жизни сельского населения региона. Такой подход позволит обеспечить комплексность в достижении конкурентных преимуществ аграрного сектора экономики региона на национальном продовольственном рынке, которые выражаются в развитии производственной и социальной инфраструктуры сельских территорий, развитии инноваций, росте инвестиционной привлекательности агросферы, развитии агротуризма, повышении качества и количества производимой продукции, экологичности производства. Таким образом, стратегическое значение повышения конкурентоспособности продукции регионального АПК в том, что оно определяет общее развитие агросферы СКФО.*

Ключевые слова: *продуктовые подкомплексы, инновационное развитие АПК, Северо-Кавказский федеральный округ, конкурентоспособность продукции регионального сельского хозяйства, государственное регулирование АПК, импортозамещение.*

BALIYANTS KARINA MIKHAILOVNA
Ph.D.in Economics, Researcher at the Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, e-mail: reklama-ka@rambler.ru

FACTORS OF INCREASING COMPETITIVENESS AGRICULTURAL PRODUCTS IN THE DEVELOPMENT OF FOOD SUBCOMPLEXES OF THE AGROINDUSTRIAL COMPLEX OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT IN TERMS OF IMPORT SUBSTITUTION

Abstract. The purpose *of the work is to study the factors of the formation of the competitiveness of agricultural products of the North Caucasus Federal District, its importance for the economic development of product subcomplexes of regional agroeconomics.* ***The method or methodology of the work.*** *The research uses aspect, monographic, abstract-logical, economic-statistical, analytical and empirical approaches to the study of the topic. The work is based on scientific and analytical studies of domestic scientists on the competitiveness of agricultural products, import substitution, innovative approaches to the efficient and environmentally friendly use of regional resources for agricultural production in the food subcomplexes of the region.* ***The scope of the results.*** *The results of the study can be used in the training of specialists in higher and secondary specialized educational institutions of agrarian orientation, by the authorities in the management of the agro-industrial complex in the formation of a management system for the sustainable development of regional food subcomplexes, the competitiveness of agricultural products and the provision of food to the population.* ***Conclusions and results.*** *Increasing the competitiveness of regional agricultural products cannot be considered only as a set of actions to develop competitive advantages in the regional food market. Increasing the competitiveness of agricultural products is not a narrow result of agroeconomics alone, but in a general sense is aimed at developing rural areas and improving the quality of life of the rural population of the region. Such an approach will ensure the complexity in achieving the competitive advantages of the agricultural sector of the region's economy in the national food market, which are expressed in the development of the industrial and social infrastructure of rural areas, the development of innovations, the growth of the investment attractiveness of the agricultural sphere, the development of agrotourism, improving the quality and quantity of products, environmental friendliness of production. Thus, the strategic importance of increasing the competitiveness of the products of the regional agro-industrial complex is that it determines the overall development of the agricultural sphere of the North Caucasus Federal District.*

Keywords: *product subcomplexes, innovative development of agro-industrial complex, North Caucasus Federal District, competitiveness of regional agricultural products, state regulation of agro-industrial complex, import substitution.*

Введение. Реформирование сферы АПК в настоящее время зависит от ряда факторов: системы землевладения и землепользования; институциональной структуры агропроизводства; производственно-технического потенциала АПК; развития ресурсной базы агросферы; экологичности производства продуктов питания, повышения конкурентоспособности продукции АПК; внедрения инноваций; государственной поддержки производителей продуктов питания и смежных производственных областей. Дальнейшее эффективное развитие продуктовых подкомплексов сельского хозяйства может идти по следующим направлениям: организационно-экономическое направление, направление экологического и рационального использования земельных ресурсов, социально-экономическое. Развитие продуктовых подкомплексов региона в условиях импортозамещения необходимо рассматривать в комплексе с различных сторон: совершенствования организационно-экономического механизма производства продукции, ее конкурентоспособности, объема производства продукции сельского хозяйства, прямого и косвенного государственного регулирования сельхозпроизводства, доступности этого продовольствия, развития сельской местности, формирования в регионах сельхозпроизводства замкнутой технологической цепи (производство, переработка, хранение, сбыт), экологичности природопользования, инноваций для повышения эффективности производства.

Сегодня как никогда обострился вопрос импортозамещения. Учитывая стратегическое значение СКФО в производстве сельскохозяйственной продукции, задачи, связанные с этим, требуют решения не только в региональном аспекте, но и аспекте обеспечения общенациональной продовольственной безопасности.

Проблеме импортозамещения посвящены работы многих зарубежных (С. Мукерджи, М. Портер и др.), отечественных (А. И. Алтухов, И.Г. Ушачев и др.), региональных ученых (К.М. Балиянц, С.В. Дохолян, Н.С. Гичиев, Н.С. Суракатов; Р.А.Джабраилов, К.К. Курбанов, А.М. Казиханов; С.Г. Ханмагомедов; П.С. Юнусов и др. Решению проблемы повышения конкурентоспособности продукции сельского хозяйства и АПК посвящены научные работы Г. Трофимова, А. Татаркина, О.А. Ушакова и др. Вопросам оценки и повышения конкурентоспособности продукции АПК посвящены научные работы А.Н. Григорьева, К.К. Курбанова, Н.С.

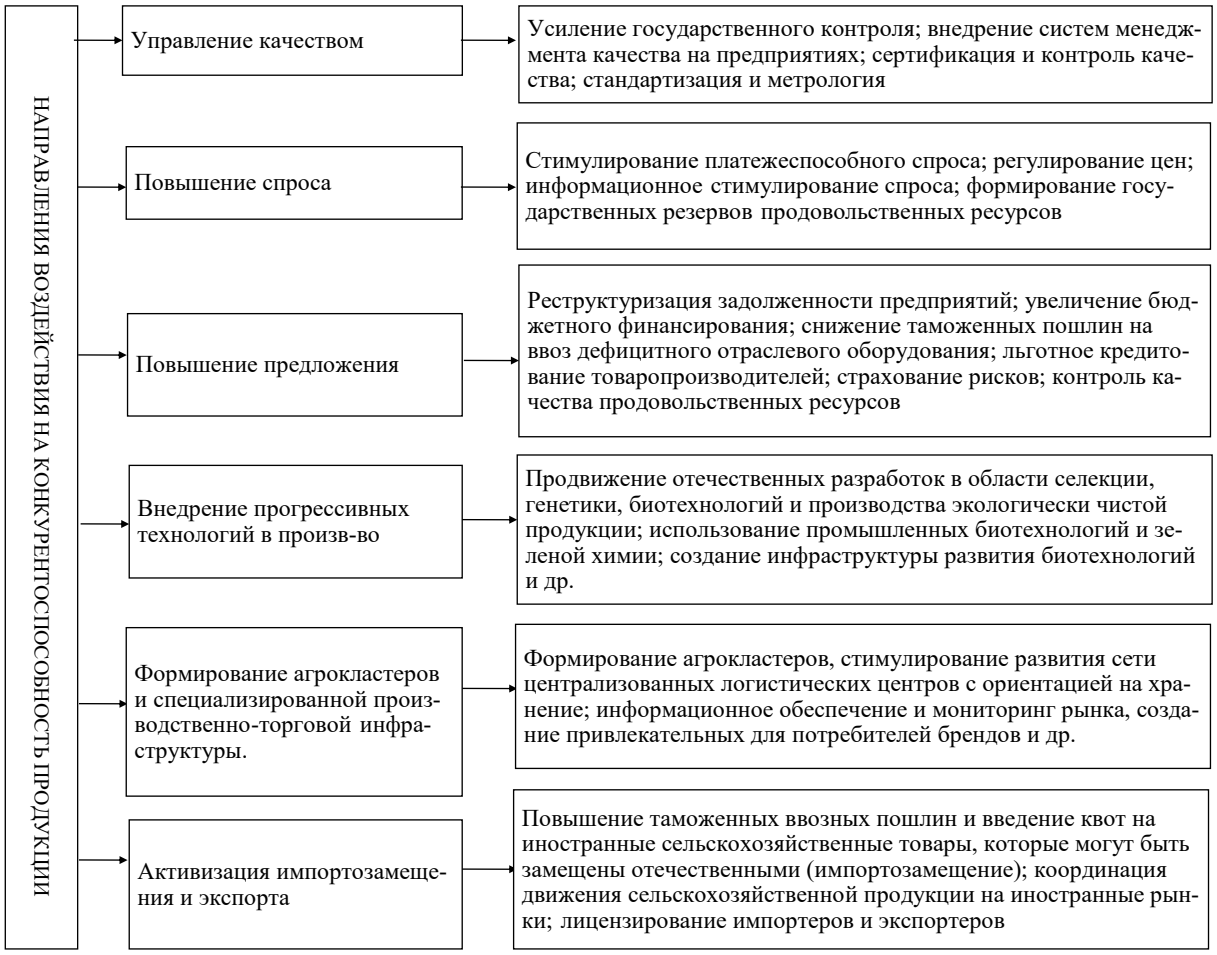
Швец, З.А. Алиевой, А.И. Алтухова, Е.В. Пустынниковой и др.

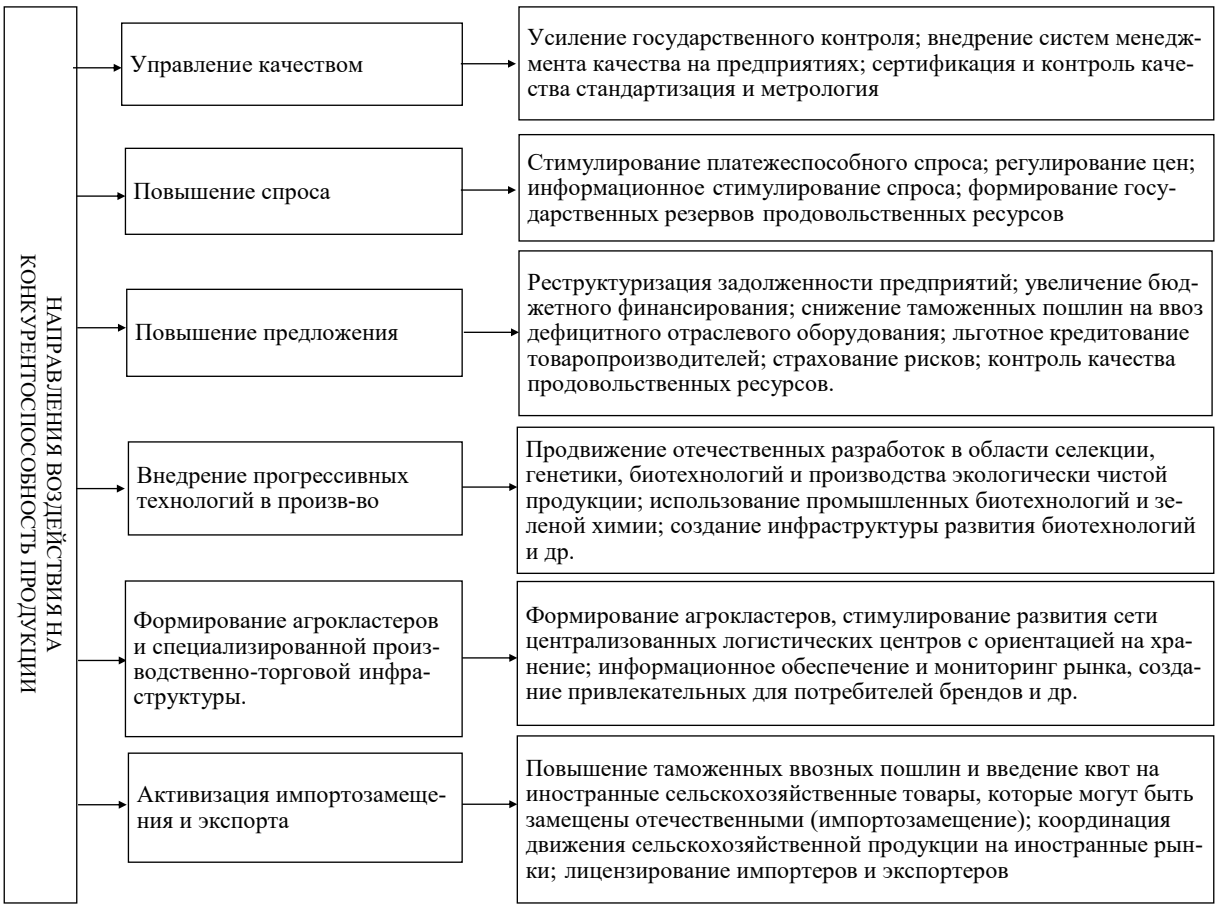
Методы исследования. Концептуальной основой эффективного импортозамещения основных видов продукции АПК и продовольственной безопасности является повышение их конкурентоспособности, опираясь на развитие инноваций, комплексную модернизацию технико-технологической базы, совершенствование методов управления, развитие маркетинга, использование ресурсного потенциала и государственное регулирование агропродовольственного рынка. Импортозамещение продукции сельского хозяйства в СКФО имеет значение не только в региональном аспекте, но и в обеспечении национальной продовольственной безопасности. Важными рычагами регулирования остаются инструменты организационно-экономического механизма обеспечения конкурентоспособности продукции, которые позволяют занять устойчивые позиции на продовольственном рынке [2]. Основные инструменты организационно-экономического воздействия на обеспечение конкурентоспособности продукции отражены на рис. [12], [13], [14]:

Обозначенный подход к формированию конкурентоспособности продукции АПК даст возможность обеспечить единый механизм производства, что будет способствовать обеспечению импортозамещения в регионах СКФО.

Оценивать эффективность импортозамещения отечественный потребитель привык, ориентируясь на цены основных видов продовольствия, а также на продовольственную инфляцию, уровень которой показывает доля расходов на продукты питания в потребительских расходах домашних хозяйств. В связи с тем что цены на продукты питания постоянно увеличивались, доля расходов на них в потребительских расходах домашних хозяйств некоторых регионов СКФО за рассматриваемый период выросла.

Увеличение потребительских расходов на продукты питания в Республике Ингушетия составил 14,4%, в Кабардино-Балкарской Республике – 6,4%, в Республике Северная Осетия – Алания – 4,8%. В целом по СКФО ситуация почти не изменилась (- 0,1%), так же как и по РФ (+1,0%) (табл. 1):





Организационно-экономические аспекты повышения конкурентоспособности основных видов продукции сельского хозяйства

Таблица 1

Доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в потребительских расходах в среднем на члена домашнего хозяйства, %*

Регион	2014 г.	2019 г.	Отношение 2019 г. к 2014 г.
Российская Федерация	31,9	32,9	1,0
СКФО	41,2	41,1	- 0,1
Республика Дагестан	55,7	50,0	- 5,7
Республика Ингушетия	50,2	64,6	14,4
Кабардино-Балкарская Республика	36,7	43,1	6,4
Карачаево-Черкесская Республика	41,0	30,7	- 10,3
Республика Северная Осетия – Алания	35,9	40,7	4,8
Чеченская Республика	38,2	34,2	- 4,0
Ставропольский край	34,1	31,8	- 2,3

** Рассчитано по данным Росстата [9, 10, 11].*

Анализ темпов роста экспорта и импорта основных видов продукции сельского хозяйства в регионах СКФО в 2019 г. относительно 2014 г. выявил положительную тенденцию – переход от импорта продовольственных товаров и сырья к его экспорту (экспорт продукции вырос на 16,0%, а импорт сократился на 73,3%). СКФО играет важную роль в импортозамещении, поскольку здесь производится 8,6% сельскохозяйственной продукции страны.

Индикаторы эффективности импортозамещения отражены в доктрине продовольственной безопасности 2010, 2020 гг., где основным показателем эффективности импортозамещения

является уровень самообеспеченности.

Анализ в разрезе регионов показывает, что в Республике Дагестан, Ингушетии, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской (по зерну нет данных) импортозамещение относительно 2014 г. выросло по всем видам продукции, кроме картофеля и овощей. В Республике Дагестан импортозамещение по картофелю составило в 2019 г. 105,7% против 113,0% в 2014 г. и овощей – 198,5% против 201,8%. В Республике Ингушетия – по картофелю 44,5% против 72,7% и овощам 14,0% против 15,5%. В Кабардино-Балкарской Республике – по картофелю 92,5% против 96,2% и овощам 138,3% против 145,6%. В Карачаево-Черкесской Республике – по картофелю 84,4% против 107,8% (по овощам нет данных за 2019 г.). В Республике Северная Осетия – Алания импортозамещение снизилось по всем видам продукции. В Чеченской Республике импортозамещение овощами повысилось, молоком и молочными продуктами – осталось на прежнем уровне.

Проведенный анализ основного индикатора эффективности импортозамещения (уровня самообеспеченности) показывает, что в 2019 г. в Республике Дагестан Ингушетия, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская (по зерну нет данных) импортозамещение относительно 2014 г. выросло по всем видам продукции, кроме картофеля и овощей. В Республике Северная Осетия – Алания импортозамещение снизилось по всем видам продукции. В Чеченской Республике импортозамещение овощами повысилось, молоком и молочными продуктами – осталось на прежнем уровне. По Ставропольскому краю данных за 2019 год нет (табл. 2):

Таблица 2

Уровень импортозамещения регионов СКФО основными видами сельхозпродукции, %*

Регион	Зерно		Мясо и мясопродукты		Молоко и молочные продукты		Картофель		Овощи и продовольственные бахчевые культуры	
	Пороговое значение согласно Доктрине продовольственной безопасности РФ, % [14]									
	95,0		85,0		90,0		95,0		90,0	
	2014	2019	2014	2019	2014	2019	2014	2019	2014	2019
Российская Федерация	156,0	183,3	83,0	97,6	78,7	84,0	108,3	102,0	92,9	90,2
СКФО	…**	…	77,4	…	108,2	…	81,1	…	86,8	…
Республика Дагестан	85,2	94,4	95,1	95,9	99,0	101,4	113,0	105,7	201,8	198,5
Республика Ингушетия	42,2	56,8	12,2	14,3	81,8	96,2	72,7	44,5	15,5	14,0
Кабардино-Балкарская Республика	138,6	145,1	116,3	122,2	121,8	141,1	96,2	92,5	145,6	138,3
Карачаево-Черкесская Республика	…	…	98,6	114,6	141,6	160,0	107,8	84,4	96,5	…
Республика Северная Осетия – Алания	…	…	74,1	54,4	120,4	110,2	67,9	58,7	43,2	38,8
Чеченская Республика	…	…	27,8	26,0	82,4	82,4	28,6	20,6	24,7	60,2
Ставропольский край	…	…	118,0	…	110,3	…	81,5	…	80,5	…

** Рассчитано по данным Росстата [9, 10].*
*** Нет данных.*

В сборниках Росстата отсутствует информация по ряду позиций, поэтому выявить самообеспеченность по сахару и растительному маслу не представляется возможным. Также отсутствие необходимых для расчетов статистических данных по Ставропольскому краю не дает возможности рассчитать самообеспеченность СКФО в 2019 г. основными продуктами питания.

Введение запрета на ввоз в РФ отдельных наименований сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из ряда стран способствует тому, что за последние годы в АПК экспорт продукции сельского хозяйства РФ относительно 2014 г. увеличился на 30,8%, а импорт сократился на 24,9% (табл. 3). Во многом этому способствовал значительный рост валовых сборов зерновых культур. Таким образом, уменьшение на отечественном рынке импортных товаров подтверждает ускоренное развитие агропродовольственной системы.

Таблица 3

Темпы роста экспорта и импорта продукции сельского хозяйства в регионах СКФО в 2019 относительно 2014 г., %*

Регион	Экспорт			Импорт		
	Экспорт, млн долл.		2019/ 2014,%	Импорт, млн долл.		2019/ 2014,%
	2014	2019		2014	2019	
Российская Федерация	18981,0	24830,0	130,8	39905,0	29963,8	75,1
Северо-Кавказский федеральный округ	404,5	469,2	116,0	550,0	146,7	26,7
Республика Дагестан	16,8	30,7	182,7	372,4	44,6	12,0
Республика Ингушетия	0,0	2,5	….	0,4	2,3	575,0
Кабардино-Балкарская Республика	13,9	13,1	94,2	9,4	18,5	196,8
Карачаево-Черкесская Республика	5,0	5,7	114,0	1,3	3,3	253,8
Республика Северная Осетия – Алания	15,7	49,0	312,1	16,9	11,8	69,8
Чеченская Республика	0,1	4,8	48раз	1,2	4,0	333,3
Ставропольский край	353,1	363,4	102,9	148,4	62,2	41,9

** Рассчитано по данным Росстата [9, 10, 11].*

Как следует из данных табл. 3, в СКФО за последние годы экспорт продукции увеличился на 16,0%. Однако внутри округа данный рост неравномерен.

Уровень самообеспеченности регионов СКФО основными продуктами сельского хозяйства определяется темпами роста ее производства. Данный показатель находится в значительной зависимости от государственной поддержки отрасли, наличия собственного посевного, посадочного и селекционного материала, а также инвестиций в основной капитал. РФ имеет значительную емкость рынка семян, различные селекционные центры, однако сегодня на мировом рынке семян Россия является импортером [4, с.172].

Проведенный анализ показывает, что в СКФО процессы импортозамещения происходят, но не прорывными темпами. Так, в четырех регионах из семи импорт продукции сельского хозяйства относительно 2014 г. вырос. В то же время по основным видам продукции (кроме картофеля и овощей) импортозамещение в республиках: Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская (по зерну нет данных) выросло. В Чеченской Республике импортозамещение овощами выросло, молоком и молочными продуктами осталось на прежнем уровне.

Научные исследования и их внедрение в сельскохозяйственное производство являются одним из важных направлений развития агропромышленного комплекса в условиях импортозамещения. Инновации непосредственно направлены на внедрение новых технологий, на экономический рост, а следовательно, влияют на уровень и качество жизни многих людей. Начиная с самого нижнего уровня – предприятия, развивающие инновационные процессы изнутри увеличивают шансы на продажу своего товара, а значит, и доходы предприятия, что в сумме по отрасли повышает ее доходность в целом и конкурентоспособность этой продукции в частности. [16].

На уровне региона и экономики отраслей АПК инновационное развитие подразумевает также развитие системы экономических отношений и условий, необходимых для его осуществления. Инновационные потребности бывают внешние, которые являются частью региональных планов стратегического развития и внутренние, характерные для самих предприятий АПК и их взаимодействие и взаимосвязь.

Северо-Кавказский федеральный округ занимает последнее – 8-е место – среди всех округов РФ по совокупному уровню инновационной активности организаций [5].

Таблица 4

Совокупный уровень инновационной активности организаций всех видов деятельности в СКФО, % [5]

Регион	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Северо-Кавказский федеральный округ	3,5	4,4	1,7
Республика Дагестан	2,5	2,2	0,5
Республика Ингушетия	–	10,5	0,8
Кабардино-Балкарская Республика	4,2	10,3	3,9
Карачаево-Черкесская Республика	–	6,5	5,7
Республика Северная Осетия – Алания	3,3	9,6	1,6
Чеченская Республика	–	0,2	0,2
Ставропольский край	6	7,9	5,1

Из данных табл. 4 видно, что уровень инновационной активности имеет тенденцию к снижению, как в целом по региону, так и во всех его субъектах. Кроме того, инновационная активность организаций региона очень низкая даже при рассмотрении этого показателя для всех видов экономической деятельности, следовательно, можно предположить, что в отраслях АПК данный показатель будет еще ниже [1].

Низкая инновационная активность связана также с непроработанностью организационно-экономического механизма внедрения инноваций, системы, позволяющей оперативно и на законном основании осуществлять взаимодействие научных учреждений с производственниками. В условиях, когда в регионе преобладает мелкотоварный уклад и основную часть товарной продукции производят мелкие и средние хозяйства населения и фермерские хозяйства, когда вся ответственность за результаты деятельности лежит на производителе, разработка механизмов внедренческой деятельности и продвижения инноваций стоит особенно остро [8].

Дополнительными сдерживающими факторами инновационных процессов являются также высокий уровень рисков в сельском хозяйстве, ведомственная несогласованность в госструктурах, регулирующих различные стороны агробизнеса, инертность мелких сельскохозяйственных производств, слабый уровень востребованности маркетинга инноваций.

Таблица 5

Динамика инвестиций в основной капитал в природоохранные мероприятия в СКФО (без субъектов малого предпринимательства. млн руб.) [11]

Регион	2016 г.		2018 г.		2020 г.	
	Охрана и рациональное использование водных ресурсов	Охрана и рациональное использование земель	Охрана и рациональное использование водных ресурсов	Охрана и рациональное использование земель	Охрана и рациональное использование водных ресурсов	Охрана и рациональное использование земель
Северо-Кавказский федеральный округ	1444,0	336,1	1215,7	850,5	629,4	829,3
Республика Дагестан	15,8	5,1	–	2,9	23,1	2,2
Республика Ингушетия	20,8	–	–	–	–	–
Кабардино-Балкарская Республика	76,8	29,3	–	–	–	–
Карачаево-Черкесская Республика	178,2	22,5	0,7	–	–	–
Республика Северная Осетия – Алания	–	28,3	–	211,7	116,6	–
Чеченская Республика	452,0	78,8	683,4	32,4	–	50,9
Ставропольский край	700,4	172,1	531,6	603,4	489,8	776,2

Важным фактором развития продуктовых подкомплексов АПК является экологизация сельскохозяйственного производства, влияющая на эффективность ведения хозяйства, в т. ч. и импортозамещения. Переход к «зеленой» технологии производства продуктов питания должен способствовать эффективному обращению с отходами производства и потребления, развитию биотехнологий защиты растений, экологическому оздоровлению водных объектов, сохранению плодородия почв [1].

Это говорит о том, что сельское хозяйство региона инвестируется значительно ниже своих потребностей и пока не может вносить значительные средства, чтобы осилить существенные инновации, в т. ч. и в экологическую модернизацию.

Как следует из данных табл. 5, с 2016 г. стабильно получают инвестиции на охрану земельных и водных ресурсах только три субъекта – Республика Дагестан, Чеченская Республика, Ставропольский край. Надо обратить внимание, что с течением последних лет большие средства стали выделяться на охрану земель, ранее эти средства преобладали для водных ресурсов. Большую роль в освоении инвестиций играет направление этих инвестиций – т. е. финансирование проектов «предупреждение вреда», либо инвестиции в «снижение вреда». Очевидно, что предотвратить значительно лучше, чем потом бороться с последствиями. Однако в мировой практике преобладает второй вид инвестиций в охрану ресурсов.

Основу АПК региона составляют различные продовольственные подкомплексы, производящие и реализующие продукты питания. Слабые вертикальные связи предприятий производства, переработки и торговли препятствуют самостоятельной оптовой торговле, эффективному производству широкого ассортимента доступных по стоимости высококачественных продуктов питания. Поэтому требуется развитие вертикально интегрированных систем, способствующих продвижению продукции по технологическим звеньям технологической цепи [6]. Таким образом, агропромышленная интеграция рационализирует производственные ресурсы, обеспечивает оптимальную загруженность перерабатывающих производств, координирует финансовые ресурсы для достижения общего результата [3], и формы такой интеграции могут быть многообразны [15]. Недостатком такого сотрудничества является то, что в интегрированных структурах сельскохозяйственные предприятия могут быть экономически недостаточно самостоятельными, так как инвесторы не всегда ставят целью эффективное развитие именно сельскохозяйственного производства. Организационно-экономические и хозяйственные связи, действующие в АПК, не всегда обеспечивают интересы производителей, переработчиков, торговой сферы и потребителей конечной продукции сельского хозяйства, что отражается на ее конкурентоспособности. Ориентируясь лишь на свои интересы, индикаторы и показатели, отрасли агроэкономики руководствуются не конечным, а промежуточным результатом деятельности. Это объясняется преобладанием отраслевого подхода, несогласованностью различных ведомств, созданием диспропорций, множественными потерями в продуктовой цепи и, как следствие, снижением эффективности работы всей экономики [2]. Интеграционные процессы, в результате которых формируются продуктовые подкомплексы, способствуют тому, что организациям-участникам открываются новые возможности для эффективного управления производством. Поэтому усиление интеграционных связей в АПК наиболее точно характеризует современную агроэкономику и увеличивает конкурентоспособность продукции регионального сельского хозяйства, и на стимулирование этих процессов должна быть направлена регулирующая и поддерживающая функция государства.

Рассматривая перспективные направления повышения конкурентоспособности продукции продуктовых подкомплексов АПК СКФО в условиях импортозамещения, следует отметить также, что сельское хозяйство и другие сферы агропромышленного сектора этого федерального округа находится на стадии интенсификация производственной деятельности. Но интенсификация эта в основном технологическая с некоторыми элементами цифрового сельского хозяйства – капельного орошения, датчиков в теплицах и т.п. Свободные либо заемные средства, в первую очередь, расходуются на обновление парка техники и текущие затраты, на освоение цифровых технологий просто не хватает денежных средств. Учитывая отсутствие специалистов в сфере цифровых технологий для АПК, можно сделать вывод, что в настоящее время использование цифровых технологий в АПК СКФО находится на крайне низком уровне, что в какой-то мере препятствует росту конкурентоспособности продукции АПК.

Во всех вышеперечисленных подходах необходимо государственное регулирование и поддержка, так как сельское хозяйство традиционно относится к рискованным видам производства. Но только «сверху» решить проблему будет сложно, необходимо, чтобы к проработке вопросов внедрения инноваций подключились сами субъекты региона, их представители в области АПК и российские технологические компании, а также научно-образовательные организации.

Выводы и результаты. Повышение конкурентоспособности продукции регионального АПК не является самоцелью, и ее не следует определять конечной задачей экономической деятельности продовольственного рынка. Повышение конкурентоспособности продукции АПК в глобальном масштабе направлено на развитие сельских территорий и повышение качества жизни сельского населения региона. Такой концептуальный подход способствует комплексному развитию конкурентных преимуществ агроэкономики региона, что выражается в развитии производственной и социальной инфраструктуры сельских территорий, развитии инноваций, в т. ч. маркетинговых и цифровых, росте инвестиционной привлекательности агросферы, развитии агротуризма, повышении качества и количества производимой продукции, экологичности производства.

Концептуальная основа повышения конкурентоспособности продукции регионального агропромышленного комплекса имеет три составляющих: эффективное производство высококачественных продовольственных товаров сельского хозяйства, стирание социокультурных и экономических различий городских и сельских территорий, обеспечение продовольственной безопасности региона. Исходя из вышесказанного, стратегическая направленность повышения конкурентоспособности продукции регионального АПК в том, что оно определяет общее развитие экономики СКФО. Поэтому региональные власти в рамках своих полномочий в области государственного регулирования должны создавать благоприятные институциональные, общественно-экономические условия для эффективного развития сельского хозяйства.

Обеспечение конкурентоспособности продукции, производимой в АПК СКФО, позволит поднять рейтинги его субъектов как в масштабе страны, так и на международном уровне, что положительно скажется на имидже мезорегиона.

Литература

1. Балиянц, К. М. Повышение эффективности развития продуктовых подкомплексов АПК Северо-Кавказского федерального округа на основе инноваций // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 10 (132). С. 41–49.
2. Балиянц, К. М., Дохолян, С. В., Эминова, Э. М. Совершенствование организационно-экономического механизма как основа устойчивого развития агропромышленного комплекса СКФО // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 9 (119). С. 14–24.
3. Дохолян, С. В., Балиянц, К. М., Эминова, Э. М., Джамбулатова, А. З. Повышение эффективности использования ресурсного потенциала продуктового подкомплекса АПК Северо-Кавказского федерального округа при решении задач импортозамещения // Экономика устойчивого развития. 2018. № 4 (36). С. 157–164.
4. Импортозамещение в АПК России : проблемы и перспективы : монография. – М. : ФГБНУ «Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства» (ФГБНУ ВНИИЭСХ), 2015.
5. Индикаторы инновационной деятельности: 2020 : стат. сб. / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2020.
6. Зимняков, В. М. Стратегия развития продуктовых подкомплексов / В. А. Гудашев, А. Ю. Сергеев // Нива Поволжья. 2012. № 3 (24). С. 80–85.
7. Конкурентоспособность отечественной агропродовольственной продукции [Электронный ресурс]. – URL : http://gossmi.ru/page/gos1_297.htm (дата обращения: 10.06.2021), свободный. – Загл. с экрана.
8. Литвиненко, И. Л., Киянова, Л. Д. Обеспечение инновационного развития региональных АПК : проблемы и пути решения // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2017. №2 (50) [Электронный ресурс], – URL : https://eee-region.ru/article/5012/ (дата обращения:02. 10. 2021).
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 : стат. сб. / Росстат. – М., 2015.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 : стат. сб. / Росстат. – М., 2020.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс], – URL : http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm (дата обращения 02.10.2021).
12. Рубин, Ю. Б., Шустов, В. В. Конкуренция: реалии и перспективы. – М. : Знание, 1990.
13. Фатхутдинов, Р. Конкурентоспособность России и подготовка кадров // Общество и экономика. 1998. №10-11. С. 104–116.
14. Ризаева, Н. М. Предпосылки формирования и развития кластера строительных материалов в регионе // Вестник Казахской академии транспорта и коммуникаций им. М. Тынышпаева. 2008. № 5(54).
15. Шевцова, Н. М. Организационно-экономический механизм функционирования интегрированных формирований в маслопродуктовом подкомплексе : дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Н.М. Шевцова / Воронеж : гос. аграр. ун-т. – Воронеж, 2008.
16. Юнусова, П. С. Конкурентоспособность продукции сельского хозяйства как условие обеспечения импортозамещения // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 5. С. 58–68. DOI: https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-5-49-57.

References:

1.Baliyanc, K. M. Povyshenie effektivnosti razvitiya produktovyh podkompleksov APK Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga na osnove innovacij // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2021. № 10 (132). S. 41–49.

2. Baliyanc, K. M., Doholyan, S. V., Eminova, E. M. Sovershenstvovanie organizacionno-ekonomicheskogo mekhanizma kak osnova ustojchivogo razvitiya agropromyshlennogo kompleksa SKFO // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2020. № 9 (119). S. 14–24.
3. Doholyan, S. V., Baliyanc, K. M., Eminova, E. M., Dzhambulatova, A. Z. Povyshenie effektivnosti ispol'zovaniya resursnogo potenciala produktovogo podkompleksa APK Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga pri reshenii zadach importozameshcheniya // Ekonomika ustojchivogo razvitiya. 2018. № 4 (36). S. 157 –164.
4. Importozameshchenie v APK Rossii : problemy i perspektivy : monografiya. – M. : FGBNU «Vserossijskij NII ekonomiki sel'skogo hozyajstva» (FGBNU VNIIESKH), 2015.
5. Indikatory innovacionnoj deyatel'nosti: 2020 : stat. sb. / L. M. Gohberg, K. A. Ditkovskij, E. I. Evnevich i dr.; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M. : NIU VSHE, 2020.
6. Zimnyakov, V. M. Strategiya razvitiya produktovyh podkompleksov / V. A. Gudashev, A. YU. Sergeev // Niva Povolzh'ya. 2012. № 3 (24). S. 80–85.
7. Konkurentosposobnost' otechestvennoj agroprodovol'stvennoj produkcii [Elektronnyj resurs]. – URL : http://gossmi.ru/page/gos1_297.htm (data obrashcheniya: 10.06.2021), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
8. Litvinenko, I. L., Kiyanova, L. D. Obespechenie innovacionnogo razvitiya regional'nyh APK : problemy i puti resheniya // Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2017. №2 (50) [Elektronnyj resurs], – URL : https://eee-region.ru/article/5012/ (data obrashcheniya:02. 10. 2021).
9. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2015 : stat. sb. / Rosstat. – M., 2015.
10. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2020 : stat. sb. / Rosstat. – M., 2020.
11. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli [Elektronnyj resurs], – URL : http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm (data obrashcheniya 02.10.2021).
12. Rubin, YU. B., SHustov, V. V. Konkurenciya: realii i perspektivy. – M. : Znanie, 1990.
13. Fathutdinov, R. Konkurentosposobnost' Rossii i podgotovka kadrov // Obshchestvo i ekonomika. 1998. №10 -11. S. 104–116.
14. Rizaeva, N. M. Predposylki formirovaniya i razvitiya klastera stroitel'nyh materialov v regione // Vestnik Kazahskoj akademii transporta i kommunikacij im. M. Tynyshpaeva. 2008. № 5(54).
15. SHevcova, N. M. Organizacionno-ekonomicheskij mekhanizm funkcionirovaniya integrirovannyh formirovanij v masloproduktovom podkomplekse : dis. ... kand. ekon. nauk : 08.00.05 / N.M. SHevcova / Voronezh : gos. agrar. un-t. – Voronezh, 2008.
16. YUnusova, P. S. Konkurentosposobnost' produkcii sel'skogo hozyajstva kak uslovie obespecheniya importozameshcheniya // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2021. № 5. S. 58–68. DOI: https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-5-49-57.

УДК 338.24

НЕЧАЕВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА
к.социол.н., с.н.с. лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий, Институт аграрных проблем — обособленное структурное подразделение ФГБУН ФИЦ «Саратовский научный центр Российской академии наук» (ИАгП РАН), г. Саратов, Россия
e-mail: irnech89@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-5-32-38

ПАРАМЕТРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАЛЫХ КФХ В ПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы, связанные с уязвимостью и основными параметрами функционирования малых КФХ в пандемический период. В качестве методов исследования использовались анализ, синтез, вторичный анализ данных. В результате проведенных исследований выявлены основные сферы уязвимости малых КФХ и проведен анализ параметров изменений жизнедеятельности их представителей. Был сделан вывод о первичности стратегий экономического самосохранения хозяйств, связанных с ростом их экономической уязвимости. Анализ социального контекста пандемической угрозы позволил зафиксировать рост социальной неопределенности и угрозы потенциалу здоровья фермеров. Обосновано утверждение о том, что специфика хозяйствования малых КФХ, построенная на семейном характере и автономности деятельности, способствует самостоятельному преодолению деструктивных процессов. Существенный рост индикативных значений, отражающих социальные аспекты занятости в секторе малых КФХ, подтвердила ее особую значимость для индивидов, т. к. именно она обеспечивает надежность их существования и возможность продолжения хозяйственной деятельности в условиях роста уязвимости их хозяйств. Полученные выводы необходимы для разработки направлений аграрной политики, способствующих восстановлению устойчивого функционирования малых КФХ.*
Ключевые слова: *малое КФХ, пандемическое воздействие, уязвимость, сферы уязвимости КФХ, специфика жизнедеятельности, факторы надежности существования.*

NECHAEVA IRINA VLADIMIROVNA
Ph.D. in sociology, S.N.S. laboratories of social development of agro-industrial complex and rural territories, Institute of Agrarian Problems is a separate structural subdivision of the Saratov Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (IAgP RAS), Saratov, Russia
e-mail: irnech89@mail.ru

PARAMETERS OF FUNCTIONING OF SMALL FARMS DURING THE PANDEMIC PERIOD

Abstract. *The article discusses the problems associated with vulnerability and the main parameters of the functioning of small farms in the pandemic period. Analysis, synthesis, and secondary data analysis were used as research methods. As a result of the conducted research, the main areas of vulnerability of small farms have been identified and the parameters of changes in the vital activity of their representatives have been analyzed. The conclusion was made about the primacy of economic self-preservation strategies of farms associated with the growth of their economic vulnerability. The analysis of the social context of the pandemic threat allowed us to record the growth of social uncertainty and threats to the potential of farmers' health. The statement is substantiated that the specifics of the management of small farms, built on the family nature and autonomy of activity, contributes to the independent overcoming of destructive processes. A significant increase in indicative values reflecting the social aspects of employment in the sector of small farms confirmed its special importance for individuals, because it is she who ensures the reliability of their existence and the possibility of continuing economic activity in conditions of increasing vulnerability of their farms. The conclusions obtained are necessary for the development of agricultural policy directions that contribute to the restoration of the sustainable functioning of small farms.*
Keywords: *small farms, pandemic impact, vulnerability, areas of vulnerability of farms, specifics of vital activity, factors of reliability of existence.*

Введение. Современная ситуация продолжающейся пандемии COVID-19, представляющая собой обширное кризисное явление, обладает значительным потенциалом разрушения различных сфер жизнедеятельности людей. Оно кардинальным образом изменило параметры функционирования малых форм хозяйствования (малых КФХ), явственно обозначив проблемы их экономической и социальной уязвимости. Данные обстоятельства актуализируют научные аспекты осмысления данных изменений, а также возможностей восстановления ими утраченного баланса хозяйственной деятельности [7].

Цель исследования состоит в выявлении основных сфер уязвимости и характеристике параметров функционирования малых КФХ в условиях пандемии. В качестве основных методов исследования использовались анализ, синтез, вторичный анализ данных, качественные методы исследования.

При анализе проблем функционирования малых КФХ в пандемический период предполагается решить следующие задачи:

– обозначить значение термина «уязвимость» применительно к малым КФХ;

– проанализировать параметры изменений функционирования малых КФХ в пандемический период;

– выявить основные сферы уязвимости малых КФХ;

– выявить специфику хозяйствования малых КФХ, обеспечивающую им возможность преодолевать деструктивные процессы;

– проанализировать индикативные значения надежности фермерской сферы занятости и определить предпочтительные тактики хозяйств в условиях пандемии.

2. Основная часть.

2.1. Основные сферы уязвимости малых КФХ.

Термин «уязвимость», являющийся относительно новым понятием, обязан своим появлением необходимости развития исследований, связанных с изучением реагирования систем на проявление деструктивных событий и анализа последствий данных столкновений. Его обобщенная трактовка обозначает потенциальный либо реальный вред, причиняемый системам (субъектам) различными катастрофическими явлениями, разрушающими устоявшийся алгоритм взаимодействий системных элементов [10]. В данном контексте уязвимость малых КФХ возможно рассматривать как оценку негативного влияния опасной эпидемиологической ситуации, которая угрожает здоровью и жизнедеятельности фермеров и устоявшимся процессам функционирования хозяйств.

Проведенный анализ ряда интернет-источников позволил выявить основные проблемные моменты в функционировании хозяйств, отражающие ареалы их уязвимости, связанные с физическими, экономическими и социальными векторами пандемического воздействия [9]. По его результатам выявлены основные сферы и характеристики процессов воздействия, отражающие параметры уязвимости малых КФХ (табл. 1).

Таблица 1

Основные сферы уязвимости малых КФХ в условиях пандемии Covid-19

Сферы	Характеристика
Физическая	Заболеваемость Covid-19 фермеров и членов их семей, ущерб физическому состоянию субъектов, реабилитационные мероприятия
Экономическая	Уменьшение количества фермерских хозяйств; прерывание сбыта и потери сельскохозяйственной продукции; уменьшение дохода; финансовая неустойчивость; прекращение деятельности либо усеченное функционирование хозяйств
Социальная	Рост социального неравенства, отказ от ближайших и перспективных планов, переход на более низкий уровень потребления и социального комфорта
Психологическая	Рост тревожности и психологических опасений, связанных с неопределенностью будущего и страхом за здоровье
Коммуникационная	Временная затянутость и малодоступность взаимодействий с необходимыми малому КФХ контрагентами

2.2. Параметры экономических изменений функционирования малых КФХ в пандемический период.

Установлено, что в первоначальный период пандемических ограничений наиболее значимой проблемой в функционировании хозяйств явилась их экономическая уязвимость. Фиксировалось сокращение экономической деятельности хозяйств, от которой напрямую зависят и социальные аспекты жизнедеятельности сельских семей. Главная трудность, которую испытывали представители хозяйств при режиме самоизоляции – это прерывание налаженного сбыта фермерской продукции и поставок необходимых ресурсов для продолжения их хозяйственного функционирования. Ряд экспертов (представители региональных фермерских союзов) отнесли к наиболее пострадавшим малые КФХ, которые имели в своих хозяйствах небольшое количество крупного рогатого скота. Они же испытали наибольшие трудности в сбыте своей продукции. В активной фазе пандемии они были вынуждены более чем вдвое сократить продажи своей продукции. Из интервью Гриднева М. (Союз фермеров Московской области): «У них пропал сбыт… в продажах они упали процентов на 60–70. У многих полная неясность с пропускной системой …» [4].

Разворачиванию данной деструктивной «спирали» способствовали невозможность выезда из сельских поселений (из-за жестких карантинных мероприятий), закрытие локальных рынков, где реализовывалась фермерская продукция. Фермеры, на свой страх и риск могли использовать только возможности «точечного» сбыта в городских микрорайонах. Мировая проекция экономических проблем (результаты исследований функционирования малых ферм в Китае, странах Азии, Африки), вызванных пандемическим воздействием, состояла практически из идентичных трендов, которые заключались в многоуровневых ограничениях мобильности, экономическом спаде производства, переформатировании каналов сбыта произведенной сельскохозяйственной продукции. У малых товарных домохозяйств в данных регионах средняя доля экономических потерь составила около 50 % [13].

Значительная часть фермерских хозяйств оказалась в крайне уязвимом экономическом положении. Часть из них не смогла справиться с пандемическим кризисом и продолжить полноценное экономическое функционирование. Негативный тренд уменьшения числа фермерских хозяйств (табл. 2), берущий свое начало в 2006 году, был, несомненно, усилен пандемическим влиянием и мерами ограничительного характера. По данным Росстата за период 2016–2021 годов, численность зарегистрированных КФХ сократилось на 51,6 тыс. единиц – со 174,8 тыс. до 123,2 тыс. хозяйств (на 29,5 %) [6]. При этом нельзя предполагать, что они перетекают в категорию хозяйств населения и продолжают функционировать в данном качестве, т. к. анализ статистики (табл. 3) показывает неуклонное снижение доли продукции, произведенной в хозяйствах населения (с 48 % в 2010 году до 26,6 % в 2020 году), а также значимое сокращение посевных площадей в данной категории хозяйств – с 3137 тыс. га (2010 г.) до 2266 тыс. га (2020 году) [5].

Таблица 2

Число зарегистрированных КФХ в РФ (тыс. ед.)

1998 год	2000 год	2002 год	2004 год	2006 год	2016 год	2021 год
270,2	261,7	264,0	261,4	285,1	174,8	123,2

Источник: *составлено автором на основании данных Росстата РФ за период 1998–2021 годы [5,6].*

Таблица 3

Доля продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств (%)

Год	КФХ и ИП сельскохозяйственного профиля	Хозяйства населения	Сельскохозяйственные организации
1990	-	26,3	73,7
1995	1,9	47,9	50,2
2000	3,2	51,6	45,2
2005	6,1	49,3	44,6
2010	7,2	48,3	44,5
2016	12,5	34,7	52,8
2020	14,9	26,6	58,5

Источник: *составлено автором на основании данных Росстата РФ за период 1990–2020 годов [5, 6]*

В настоящее время малые КФХ продолжают испытывать последствия негативной пандемической нагрузки. Ряд из них ушло из сферы реальной сельскохозяйственной экономики, перейдя в статус социальных субъектов, используя буферные возможности хозяйств и самосохраняющие тактики жизнедеятельности. Проблемы в экономической деятельности малых хозяйств осложняются приближающимся временем, когда фермерам будет необходимо отчитаться по взятым грантам, кредитам и иным финансовым обязательствам. В сегодняшних условиях это практически невозможно. Но в настоящее время уже принято ряд правительственных решений, которые дадут фермерам возможность экономического маневра – возможность отсрочить платежи и получить субсидиарную помощь.

2.3. Социальная уязвимость малых КФХ.

Социальный контекст пандемической угрозы, связанный с ростом неопределенности и угрозами потенциалу здоровья, способствует росту социальной нестабильности в жизнедеятельность сельских сообществ. Ковид-ограничения приводят к разрыву социальных связей, устоявшихся коммуникаций, в которые встроены представители фермерских хозяйств. Значительное количество сельчан (39 %) отметило, что их привычный образ жизни существенно изменился в результате пандемических ограничений [8, с. 82]. Особенно болезненно они восприняли сужение привычных социальных пространств: закрытие школ, детских учреждений, непродовольственных магазинов. Здесь же отчетливо проявилось снижение возможностей государства, органов местного самоуправления обеспечить основные права граждан на некую социальную упорядоченность, полноценное и своевременное лечение и социальную помощь. Поэтому вполне закономерно, что только 23,4 % населения были удовлетворены реакцией региональных властей на сложившуюся ситуацию [11].

Воздействие пандемического кризиса наиболее активно проявило себя в физическом и социально-психологическом аспектах. Несмотря на более медленные темпы распространения инфекции в селах (темпы заболеваемости в сельской местности были в 1,5 ниже, чем в городах) [2], представители малого фермерства, как и остальные сельчане, находились в физически уязвимом состоянии, подвергаясь инфицированию, что в итоге не могло не привести к снижению имеющегося у индивидов потенциала здоровья. Ущерб физическому состоянию субъектов спровоцировал рост социально-психологической тревожности в сельских сообществах [14].

В активной пандемической фазе среди сельчан фиксировался чрезвычайно высокий уровень беспокойства и страха заразиться, который достигал 60 % и был выше общероссийского. Основной ареал тревог и опасений включал высокий уровень беспокойства за здоровье близких (54 %) и страх за детей (44 %). Закономерно, что в ситуации более слабой обеспеченности медицинской помощью жители сельской местности более активно соблюдали меры противоэпидемиологической безопасности: 74 % – мыли руки чаще обычного, 64 % – носили маски, более 80 % – соблюдали социальную дистанцию, сократив обычные контакты [8, с. 82]. Здесь сельский образ жизни выступал естественным ограничительным барьером, сокращающим возможность распространения инфекции, т. к. пребывание на улице зачастую ограничивалось собственным участком, что подразумевало известную дистанцию при родственных и соседских контактах.

2.4. Специфика и тактика малых КФХ по противостоянию пандемии.

Сегодня наиболее важным аспектом функционирования малых КФХ является поиск социальных направлений, связанных с атрибутами восстановления устойчивости их функционирования. На наш взгляд, их ареал сосредоточен в социальной специфике жизнедеятельности представителей малых КФХ, которой в полной мере отвечает способность представителей данной группы самостоятельно противостоять вызовам экономической и социальной нестабильности. Социальная специфика данных форм хозяйствования объединяет факторы достаточной изоляции, сплоченности семейных групп, индивидуализации деятельности, дающие возможность минимизировать контакты с внешним окружением. Социальная гибкость малых форм хозяйствования позволяет им с наименьшими потерями преодолевать сложный пандемический период, позволяя перейти как в режим простого физического выживания, сохранив свои жизни и социальный потенциал, так и продолжить активный поиск «точек» реализации своей продукции [1]. Данное положение делает большинство представителей малых КФХ более надежным по сравнению с занятыми в малом бизнесе городов. Эксперты ФАО подтверждают существование аналогичных мировых трендов социального маневрирования малых сельскохозяйственных форм в условиях пандемии. Вектор их движения в основном был

направлен на сокращение объемов хозяйственной деятельности и использование буферных резервов безопасности, которые подразумевают продажу скота, использование сбережений, сокращение потребления [13].

Подтверждение использования данных специфических возможностей, присущих фермерскому способу жизнедеятельности, нашло свое отражение в динамике социальных индикаторов, отражающих параметры социальных аспектов занятости в данном секторе. Анализ данных Росстата (комплексные наблюдения условий жизни: 2011, 2018, 2020 годы) показал существенный рост таких показателей, как восприятие надежности существования, удовлетворенность доходами, режим работы, условиями труда. Они же характеризуют возможности представителей фермерского сословия самостоятельно противостоять пандемической нестабильности.

Таблица 4

Атрибуты устойчивости жизнедеятельности представителей малых КФХ (%).

Параметры	2011 год	2018 год	2020 год
Заработок	53,1	63,7	74,0
Надежность работы, сферы занятости	56,8	73,3	81,8
Режим работы	69,2	82,4	86,3
Условия труда	58,2	85,4	85,6
Профессиональная удовлетворенность	65,1	81,8	87,2
Моральная удовлетворенность	74,3	83,1	91,8

Источник: *составлено автором по данным Росстата РФ (комплексные наблюдения условий жизни населения в 2011, 2018, 2020 годах) [3].*

Несмотря на сохраняющееся состояние экономической уязвимости, временной период 2011–2020 годов продемонстрировал существенный запас прочности, присущей малым фермерским хозяйствам. Зафиксирован значительный рост удовлетворенности фермеров уровнем доходов с 53,1 % до 74 % и режимом труда с 69,2 % до 86,3 % в данной сфере занятости [3]. Существенный рост также зафиксирован в сфере удовлетворенности условиями труда в фермерском сегменте в качестве совокупности факторов производственной среды и трудового процесса – с 58 % до 87 %. В данном анализе особо актуален параметр надежности сферы фермерской занятости, который обеспечил устойчивость существования сельских субъектов при пандемическом кризисе. По субъективной самооценке фермеров по данному параметру зафиксирован наибольший рост процентных пунктов – с 56,8 % до 82 % [3]. Данный показатель также свидетельствует об особом осознании значимости для индивидов сферы фермерской занятости, т. к. именно она обеспечивает им надежность существования и возможность продолжения хозяйственной деятельности в условиях роста уязвимости их хозяйств. Полученные данные свидетельствуют о существенном росте социальных показателей, иллюстрирующих надежность самостоятельного хозяйствования при фермерском способе жизнедеятельности субъектов. А рост параметров профессиональной и моральной удовлетворенности фермерской занятостью, достигающий охвата более 90 % [3], выступает значимой социальной гарантией того, что фермеры и далее сохранят стремление оставаться в сегменте данного вида хозяйственной деятельности.

3. Выводы. Современная ситуация, связанная с эпидемией короновирусной инфекции (COVID-19) и ее последствиями, продолжает оставаться определяющим фактором, поддерживающим экономическую и социальную неопределенность в социумах разных масштабов.

Теоретические аспекты концепции уязвимости позволили установить, что основные проблемы функционирования малых КФХ в активный пандемический период были связаны с повышением общесистемной уязвимости основных сфер жизнедеятельности хозяйств, которые захватывали физическую, экономическую и социальную плоскости. Перебои в микроэкономике хозяйств выразились в существенном сокращении ареалов экономических взаимодействий, разрушении устоявшихся алгоритмов деятельности малых КФХ.

Определено, что условия ослабления государственного регулирования пандемической реальности актуализируют процессы самоорганизации сельских сообществ и использование специфических возможностей малых КФХ. Специфика хозяйствования и параметры занятости,

присущие данной сфере, позволили использовать их в качестве социальных инструментов упорядочения ряда напряженных моментов жизнедеятельности представителей фермерских хозяйств. Поиск направлений, связанных с восстановлением их устойчивого функционирования, связан с адаптивными стратегиями, которые нацелены на экономическое самосохранение и определенную усеченность жизнедеятельности их представителей. Преодоление кризисных состояний и выход малых КФХ на устойчивую траекторию, на наш взгляд, должен быть сосредоточен в оптимальном сочетании между жесткостью ограничительных мер и возможностями продолжения экономической деятельности хозяйств [12]. Для восстановления экономической устойчивости необходимо сконцентрироваться на возможностях активизации внутренних социальных ресурсов села – точках роста сельской экономики и упрочения социальных позиций сельчан, что достижимо лишь через инициативную деятельность субъектов по самостоятельному конструированию собственного жизненного пространства. В связи с этим основные приоритеты аграрной политики должны быть сосредоточены на:

– всесторонней финансовой помощи малым товаропроизводителям;

– повышении значения систем местного продовольственного обеспечения и формирования секторов малоформатной торговли;

– поощрении более равномерного расселения людей по территориям для снижения угроз эпидемий;

– развитии различных форматов кооперации малых КФХ.

Литература

1. Великий П. П., Бочарова Е. В. Динамика формирования многоканальности источников выживания сельской семьи / Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2014. –Т. 14. – № 1. – С. 30–37.

2. Голикова сравнила заболеваемость в городах и селах. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://ria.ru/20190704/1556194839.html (дата обращения 28.03.2022), свободный. Загл. с экрана.

3. Комплексное наблюдение условий жизни населения – 2011, 2018, 2020. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/inde (дата обращения 2.04.2022), свободный. Загл. с экрана.

4. Российские фермеры: С овощами будет проблема – гастарбайтеров нет, а местных с полей гоняет полиция - KP.Ru. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.kp.ru/daily/27115/4193734 / (дата обращения 08.04.2022), свободный. Загл. с экрана.

5. Сельское хозяйство в России – 2021. Статистический сборник, Росстат РФ. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://gks.ru/bgd/regl/b21_38/Main.htm (дата обращения 18.03.2022), свободный. Загл. с экрана.

6. Сельскохозяйственная микроперепись – 2021. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oper_itogi_SXMP_2021.pdf (дата обращения 15.02.2022), свободный. Загл. с экрана.

7. Семенов С. Н., Бочарова Е. В. Развитие функционально-структурного метода в системе управления социальным потенциалом АПК // Научное обозрение: теория и практика. – 2016. – № 2. – С. 107–116.

8. Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А. А. Ослон. – М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. – С. 82.

9. Фермеры России: битва за урожай и выживание (newizv.ru). Что больше всего беспокоит фермеров во время пандемии COVID-19 – AgroXXI. [Электронный ресурс]. [Режим доступа] (дата обращения 12.04.2022), свободный. Загл. с экрана.

10. Франкенбергер Т. Р., Дринкуотер М. Социальные уязвимости: природа, динамика, социологические подходы к анализу, квинтэссенция уязвимости – социология риска и безопасности (studme.org). (2000). Оперативное обеспечение жизнеобеспечения домашних хозяйств: целостный подход к решению проблемы нищеты и уязвимости / Форум по практическому применению подходов к устойчивому жизнеобеспечению. Понтиньяно (Сиена), ФАО. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://studme.org/192210/sotsiologiya/sotsialnye yazvimosti_priroda_dinamika_sotsiologicheskie_podhody_analiz (дата обращения 12.03.2022), свободный. Загл. с экрана.

11. COVID-19. Последствия для бизнеса и экономики. Приложение к докладу Президенту РФ. – 2020. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.garant.ru/files/5/8/1376885/doklad_bizness_ombudsmen_covid_19.pdf (дата обращения 5.04.2022), свободный. Загл. с экрана.

12. Hynek Roubíka Michal Lošťák Chama Theodore Ketuama Petr Procházka Jana Soukupová Josef Hakl Petr Karlík Michal Hejcman Current coronavirus crisis and past pandemics – What can happen in post-COVID-19 agriculture? / Sustainable Production and Consumption. Volume 30, March 2022. P. 752–760. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352550922000082 (дата обращения 16.04.2022), свободный. Загл. с экрана.

13. James Hammond Kim Siegal Daniel Milnera Perceived effects of COVID-19 restrictions on smallholder farmers: Evidence from seven lower- and middle-income countries / Agricultural Systems, Volume 198, April 2022, 103367. [Электронный ресурс] https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0308521X22000038 (дата обращения 15.04.2022) , свободный. Загл. с экрана.

14. SHARON J. HEPBURN Pandemic vulnerabilities, mortality and empathy in fieldwork / May 2020 Social

Anthropology 28(2) / DOI:10.1111/1469-8676.12818. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.researchgate.net/ publication/341487833_Pandemic_vulnerabilities_mortality_and_empathy_in_fieldwork (дата обращения 8.04.2022), свободный. Загл. с экрана.

References:

1. Velikij P. P., Bocharova E. V. Dinamika formirovaniya mnogokanal'nosti istochnikov vyzhivaniya sel'skoj sem'i / Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya. – 2014. –T. 14. – № 1. – S. 30–37.

2. Golikova sravnila zabolevaemost' v gorodah i selah. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://ria.ru/20190704/1556194839.html (data obrashcheniya 28.03.2022), svobodnyj. Zagl. s ekrana.

3. Kompleksnoe nablyudenie uslovij zhizni naseleniya – 2011, 2018, 2020. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/inde (data obrashcheniya 2.04.2022), svobodnyj. Zagl. s ekrana.

4. Rossijskie fermery: S ovoshchami budet problema – gastarbajterov net, a mestnyh s polej gonyaet policiya - KP.Ru. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.kp.ru/daily/27115/4193734 / (data obrashcheniya 08.04.2022), svobodnyj. Zagl. s ekrana.

5. Sel'skoe hozyajstvo v Rossii – 2021. Statisticheskij sbornik, Rosstat RF. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://gks.ru/bgd/regl/b21_38/Main.htm (data obrashcheniya 18.03.2022), svobodnyj. Zagl. s ekrana.

6. Sel'skohozyajstvennaya mikroperepis' – 2021. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oper_itogi_SXMP_2021.pdf (data obrashcheniya 15.02.2022), svobodnyj. Zagl. s ekrana.

7. Semenov S. N., Bocharova E. V. Razvitie funkcional'no-strukturnogo metoda v sisteme upravleniya social'nym potencialom APK // Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika. – 2016. – № 2. – S. 107–116.

8. Sociologiya pandemii. Proekt koronaFOM / Ruk. avt. koll. A. A. Oslon. – M.: Institut Fonda Obshchestvennoe Mnenie (inFOM), 2021. – S. 82.

9. Fermery Rossii: bitva za urozhaj i vyzhivanie (newizv.ru). CHto bol'she vsego bespokoit fermerov vo vremya pandemii COVID-19 – AgroXXI. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa] (data obrashcheniya 12.04.2022), svobodnyj. Zagl. s ekrana.

10. Frankenberger T. R., Drinkuoter M. Social'nye uyazvimosti: priroda, dinamika, sociologicheskie podhody k analizu, kvintessenciya uyazvimosti – sociologiya riska i bezopasnosti (studme.org). (2000). Operativnoe obespechenie zhizneobespecheniya domashnih hozyajstv: celostnyj podhod k resheniyu problemy nishchety i uyazvimosti / Forum po prakticheskomu primeneniyu podhodov k ustojchivomu zhizneobespecheniyu. Pontin'yano (Siena), FAO. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://studme.org/192210/sotsiologiya/sotsialnye yazvimosti_priroda_dinamika_sotsiologicheskie_podhody_analiz (data obrashcheniya 12.03.2022), svobodnyj. Zagl. s ekrana.

11. COVID-19. Posledstviya dlya biznesa i ekonomiki. Prilozhenie k dokladu Prezidentu RF. – 2020. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.garant.ru/files/5/8/1376885/doklad_bizness_ombudsmen_covid_19.pdf (data obrashcheniya 5.04.2022), svobodnyj. Zagl. s ekrana.

12. Hynek Roubíka Michal Lošťák Chama Theodore Ketuama Petr Procházka Jana Soukupová Josef Hakl Petr Karlík Michal Hejcman Current coronavirus crisis and past pandemics – What can happen in post-COVID-19 agriculture? / Sustainable Production and Consumption. Volume 30, March 2022. P. 752–760. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352550922000082 (data obrashcheniya 16.04.2022), svobodnyj. Zagl. s ekrana.

13. James Hammond Kim Siegal Daniel Milnera Perceived effects of COVID-19 restrictions on smallholder farmers: Evidence from seven lower- and middle-income countries / Agricultural Systems, Volume 198, April 2022, 103367. [Elektronnyj resurs] https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0308521X22000038 (data obrashcheniya 15.04.2022) , svobodnyj. Zagl. s ekrana.

14. SHARON J. HEPBURN Pandemic vulnerabilities, mortality and empathy in fieldwork / May 2020 Social Anthropology 28(2) / DOI:10.1111/1469-8676.12818. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.researchgate.net/ publication/341487833_Pandemic_vulnerabilities_mortality_and_empathy_in_fieldwork (data obrashcheniya 8.04.2022), svobodnyj. Zagl. s ekrana.

УДК 332.14

САГИДОВ ЮРИЙ НУРМАГОМЕДОВИЧ
д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ИСЭИ ДФИЦ РАН,
e-mail: sagidov39@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-5-39-46

НЕГАТИВЫ ИМПЕРАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТРАСЛЕВОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ СКФО)

Аннотация. Предмет и цель исследования. *Отраслевая специализация трудоизбыточных регионов в перспективе долговременного социально-экономического развития: анализ состояния и обоснование новых подходов к формированию структуры хозяйства.* ***Методология.*** *Основой исследования являются фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых, материалы нормативно-правового сопровождения разработки и практической реализации стратегических планов социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.* ***Результаты.*** *В статье аргументируется утверждение о том, что отраслевая специализация не при любых обстоятельствах приводит к устойчивому развитию регионов, и определяются те условия, при которых может быть достигнут желаемый эффект. Выполнены анализ и оценка существующего нормативно-правового сопровождения пространственного обустройства страны в процессах разработки и реализации долгосрочных программ социально-экономического развития. Установлено: хозяйственная ориентация регионов достигается нерыночными императивными методами регламентации зауженного состава отраслей специализации, что обусловлено деформированным представлением о сути принципиальных основ хозяйственной ориентации регионов. Выявлены негативы, обусловленные несовершенством нормативно-правовых основ отраслевой специализации, среди которых для регионов СКФО определителями множества причинно-следственных отрицательных факторов являются: разрыв взаимно обуславливающей связи между экономическим и социальным развитием, и консервация в перманентном состоянии экономической отсталости. Дан перечень причинно-следственных отрицательных факторов и угроз на региональном и национальном уровнях и определены меры их предотвращения.* ***Область применения результатов.*** *Результаты исследования дополняют теорию регионоведения и могут быть использованы при разработке программ долговременного развития регионов.* ***Выводы.*** *Необходимо создать программно-целевую структуру из представителей различных сфер политической, экономической и общественной деятельности способных на основе консенсуального подхода разработать Программу совершенствования системы нормативно-правовых актов по критериям политического и экономического обустройства России и ее регионов, реализация которой будет способствовать оздоровлению общественной среды и выводу страны на траекторию инновационного и технологического развития.*

Ключевые слова: *отраслевая специализация региона, трудоизбыточный регион, перманентное состояние отставания, нормативно-правовое сопровождение программ экономического развития, критерий соответствия социального и экономического развития.*

SAGIDOV YURI NURMAGOMEDOVICH
Dr.Sc of Economics, Professor, Chief Researcher of ISEI D PHI RAS,
e-mail: sagidov39@mail.ru

NEGATIVES OF MANDATORY INDUSTRY REGULATION SPECIALIZATION OF REGIONS IN A MARKET ECONOMY (BY THE EXAMPLE OF THE REGIONS OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT)

Abstract. The subject and purpose of the study. *Sectoral specialization of labor-surplus regions in the perspective of long-term socio-economic development: analysis of the state and justification of new approaches to the formation of the structure of the economy.* ***Methodology.*** *The research is based on the fundamental works of domestic and foreign scientists, materials of regulatory support for the development and practical implementation of strategic plans for the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation.* ***Results.*** *The article argues that industry specialization does not under any circumstances lead to the sustainable development of regions, and defines the conditions under which the desired effect can be achieved. The analysis and assessment of the existing regulatory and legal support of the spatial arrangement of the country in the development and implementation of long-term programs of socio-economic development are carried out. It is established that the economic orientation of the regions is achieved by non-market imperative methods of regulating the narrowed composition of the branches of specialization, which is due to a deformed idea of the essence of the fundamental foundations of the economic orientation of the regions. The negatives caused by the imperfection of the regulatory framework of industry specialization are revealed, among which, for the regions of the North Caucasus Federal District, the determinants of many causal negative factors are: the rupture of the mutually conditioning relationship between economic and social development and conservation in a permanent state of economic backwardness. A list of causal negative factors and threats at the regional and national levels is given and measures to prevent them are defined.* ***The scope of the results.*** *The results of the study complement the theory of regional studies and can be used in the development of programs for the long-term development of regions.* ***Conclusions.*** *It is necessary to create a supra-departmental program task force consisting of representatives of federal and regional authorities with the authority of legislative initiatives collected in the Program for Improving the system of regulatory legal acts, compliance with and compliance with which will rationalize the political and economic development of Russia and its regions according to the criteria for putting the country on the path of innovative and technological development.*
Keywords: *industry specialization of the region, labor surplus region, permanent state of backwardness, regulatory support of economic development programs, criterion of conformity of social and economic development.*

Введение. Теоретическое обоснование необходимости и принципы отраслевой (терминологически равнозначной: производственной, хозяйственной) специализации регионов, а также межрегиональной торговли получили целостную определенность в конце XVIII – начале XIX в. Из теории абсолютных преимуществ А. Смита [11] следует, что для достижения экономической эффективности регион должен продавать продукцию или услуги с меньшими издержками, а сам будет покупать в регионах, где уровень издержек ниже в других. То есть производство отдельных видов товаров и услуг должно быть в тех в регионах, где оно является экономически обоснованным по критериям лучших климатических условий, географического положения и наличия возможных видов ресурсов: трудовых, материальных, финансовых, природных, организационных.

Исследованию проблемы специализации регионов в постсоветском периоде существенное внимание уделяется отечественными учеными. Особенно значимы труды академика А. Г. Гранберга, рассматривавшего совместно с коллегами из СОПС вопросы пространственного размещения производительных сил страны [5]. В настоящее время пристального внимания заслуживают научные позиции экономиста-географа Н. В. Зубаревич, достоверность результатов исследования которой не вызывает сомнений, так как отражает глубину сущности явлений, принципиально игнорируя конъюнктуру волюнтаризма [8]. Немалый вклад внесли сотрудники школы академика А. И. Татаркина [6, 10, 12 и др.], а также академик А. Г. Аганбегян [1], рассматривавшие проблему саморазвития регионов на основе их специализации, рационального распределения и использования материальных и финансовых ресурсов развития.

Для нынешнего состояния России актуальность проблемы специализации регионов как од-

ного из инструментариев системы экономического обустройства приобретает значение нарастания по мере того, как страна теряет позиции в мировой экономике; по статистическим данным ЦРУ и МВФ, Россия сошла на одиннадцатое место в мировой экономике и занимает 52-е место по производительности труда. Беспокойство вызывают как разрушительные потери в промышленном потенциале страны, так и динамизирующее нарастание различий в социально-экономическом положении ее регионов, чреватое угрозами потери социальной стабильности в стране и регионах. Параметры различий наиболее отчетливо обозначаются показателями социально-экономического положения Северо-Кавказского федерального округа, который, по данным агентства «РИА Рейтинг», по показателям социально-экономического положения занимает последнее, восьмое, место среди федеральных округов России.

Однако надо отметить, что значение специализации регионов практически всеми исследователями абсолютизируется. Речь не идет о том, что автор настоящей статьи отрицает значение хозяйственной ориентации регионов. Но можно заметить, что безоговорочное использование этого инструментария в обустройстве экономики не оправдано. Нормативно-правовое сопровождение процесса специализации регионов носит характер императивного принуждения, что чуждо для рыночной экономики и на практике оборачивается ограничением инициативы управленческого и предпринимательского истеблишмента регионов в диверсификации сфер экономической деятельности. Особенно угнетающе влияют императивы ограничений на развитие регионов экономически периферийной части России. В этих регионах не должна быть отрицательная направленность вектора развития, ведущая, по определению латиноамериканского ученого R.Prebish(a) – адепта периферийного капитализма, к отсталости, которая «… проявляется во всем – в сфере техники и потребления, производственной структуре, в уровнях развития и демократии, в системе землепользования и формирования излишка, в демографическом росте» [15, с. 2].

В настоящем исследовании ставится цель обоснования иррациональности императивной регламентации хозяйственной специализации регионов, а также определения мер ухода от указанного состояния, сохраняя позитивное значение как таковой отраслевой специализации регионов.

Реалии нормативно-правового сопровождения отраслевой специализации регионов.

Отраслевая специализация региона страны представляет собой способ долговременной организации хозяйства региона, реализация которого должна сопровождаться нормативно-правовыми установками двух процессов – разработки стратегических планов социально-экономического развития и их исполнения в хозяйственной деятельности. То есть речь об использовании в управлении экономики инструментария стратегического планировании социально-экономического развития.

В Стратегии социально-экономического развития Ставропольского края на период до 2035 года приводится перечень 59 нормативно-правовых актов, вроде бы принятых в основу разработки Стратегии. На самом деле разработчики программ всех регионов СКФО, в том числе и Ставропольского края, не игнорируя установки всех без исключения актов, непосредственно в рабочем порядке руководствуются 4–8 нормативно-правовыми актами. Среди них базисную методологическую основу имеет «Концепция долговременного социально-экономического развития на период до 2020 года» (Принята распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р). Кроме того, все регионы руководствуются Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (от 28 июня 2014 г. от 23 марта 2017 года № 172-ФЗ), Указом Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» (от 16 января 2017 г. №13), Распоряжением Правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.» (от 13 февраля 2019 г. № 207-р) и Приказом министра экономического развития РФ «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации» (от 23 марта 2017 г. от 23 марта 2017 года № 132).

Авторы Стратегий развития СКФО и регионов, входящих в его состав, соблюдают одну из важных структурообразующих установок, предписанную им практически во всех нормативных актах, – хозяйственная деятельность округа и регионов должна быть обязательно ориентирована на аграрную и рекреационно-туристическую специализацию. В зависимости от природно-сырьевых и географических условий рекомендуется также развитие электроэнергетики, добыча отдельных видов сырья, обрабатывающие производства и транзитные функции. При

этом выполнению регионами предписанной установки придается значение обязательного соблюдения государственной экономической политики, которое становится критерием оценки их деятельности и предоставления межбюджетных трансфертов, грантов и различных преференций[1].

Регламентация отраслевых сфер, являющаяся по своей сути ограничителем отраслевой структуры, мотивируется необходимостью организации экономической деятельности регионов округа на основе учета их природно-климатических условий. Так, в отношении регионов СКФО в нормативных актах предусматривается воздерживаться от интенсивной интервенции инвестиций, особенно касающихся размещения крупных промышленных производств. Обосновывается это следующими причинами: сохраняющимися угрозами терроризма; наличием межэтнических конфликтов; отсутствием значимых уникальных и масштабных природных ресурсов, не позволяющих за счет развития их добычи и переработки обеспечить высокие темпы роста валового регионального продукта; слабостью исходной базы; высоким уровнем безработицы и низким уровнем денежных доходов. Все перечисленное требует увеличения федеральной помощи в целях обеспечения стабильности в регионах, что, считается, будет основой экономического роста в последующем. Кроме того, отмечается, что особенности наличных трудовых ресурсов и системы подготовки профессиональных кадров в регионах СКФО являются препятствием к размещению здесь сложных производств, для обслуживания которых необходимо будет привлекать квалифицированных работников из других регионов страны[2].

Вряд ли стоит отрицать необходимость хозяйственной специализации регионов. Но должна ли она быть безоговорочной, при которой может стать удавкой социально-экономического развития регионов? Особенно этот вопрос касается всех регионов экономически периферийных частей России, в числе которых состоят регионы СКФО. Ниже изложим видение, обосновывающее необходимость гибкости в подходе к инструментарию хозяйственной специализации регионов.

В качестве примера стратегического планирования рассматривается Республика Дагестан, которая, являясь в советский период, как и все регионы СКФО, субъектом Федерации с развитой индустрией, претерпела существенные потери в промышленности и, как следствие, в экономическом потенциале. А именно: если в советский период в структуре ВРП Дагестана объем промышленной продукции достигал 22 процента, то в настоящее время он не превышает 7 процентов. Республика оказалась аграрно ориентированной, но не потому, что были проведены какие-то меры по специализации, а потому, что республика потеряла промышленность.

Речь идет о завершенной разработке проекта Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан на период до 2030 года (Стратегия РД – 2030), прошедшей все этапы публичных обсуждений и представленной на утверждение.

В концептуальной части Стратегии РД – 2030, имея в виду то, что всеми нормативно-правовыми актами Дагестану предписана аграрно-хозяйственная ориентация в развитии, а также то, что после сокращения в республике материального сектора и развития ресторанного и развлекательного бизнеса, авторы намеренно деформируют представление о типе предстоящего развития, называя его постиндустриальным. По пионерному определению американского ученого Д. Белла постиндустриальное общество – это общество, в экономике которого в результате научно-технической революции существенного роста доходов населения приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг [3]. Авторы Стратегии ограничивают понимание сути постиндустриального общества приоритетом роста услуг росту производства товаров, называя регион, потерявший промышленность, регионом с постиндустриальным, как они называют, аграрно-полисервисным обустройством. При этом игнорируется важная качественная сторона постиндустриального обустройства – наличие развитой индустриальной базы и обязательность научно-технического прогресса.

Республика оказалась аграрно ориентированной из-за разрушений и потерь в промышленном комплексе, то есть в послеиндустриальном состоянии. Вряд ли логично послеиндустриальное состояние экономики считать постиндустриальным. Послеиндустриальное состояние – это потерянная индустрия, а постиндустриальный тип вовсе не означает отсутствие индустрии. Наоборот, этот тип хозяйства предполагает переход индустрии на более высокий уровень на основе роста роли человеческого капитала, внедрения информационно-

[1] Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» от16 января 2017 г. № 13).
[2] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Разработан и опубликован Министерством экономического развития РФ в марте 2013 года).

коммуникационных технологий и построения креативной (умной) экономики. Надуманное сведение послеиндустриального состояния к постиндустриальному закладывает подоплеку объективной оправданности нормативной регламентации аграрной специализации Дагестана в сочетании с развитием развлекательной сферы.

На протяжении тридцати прошедших лет преобладающее большинство стратегических программ развития Российской Федерации (в том числе, например, названная судьбоносной «Концепция долгосрочного социально-экономического развития на период до 2020 года») не было претворено в жизнь. В равной мере это утверждение относится и к предыдущим программам развития Дагестана; республика не приблизилась, а, по совокупности данных агентства «РИА Рейтинг», по показателям уровня социально-экономического положения осталась в числе аутсайдеров. Что касается проекта Стратегии РД-2030, то можно ставить под сомнение будет ли выполнена определенная в ней в качестве главной экономическая цель достижения темпов ежегодного роста экономики в 2–2,5 раза, превышающего средние российские темпы роста. В большей мере уверенности можно говорить о том, что будет выполнена другая цель – сохранение в регионах социальной стабильности, которая, согласно Конституции РФ, гарантируется государством независимо от экономической состоятельности регионов. Гарантии обеспечиваются за счет средств федерального бюджета, направляемых на различные вспомоществования – дотаций для восполнения бюджетной недостаточности, финансирования государственных целевых программ в основном социального назначения, содержания в регионе различных федеральных структур, погашения проявлений экстремизма и пр. Поэтому рассматриваемый проект «Стратегия – 2030» представляет собой не модель экономического развития Дагестана, а модель поддержания социальной стабильности.

Но возникает сомнение: сохранится ли и насколько долго социальная стабильность без экономического развития. По данным Росстата, количество рабочей силы в Дагестане составляет 1287,0 тыс. чел.; численность занятых трудом – 1022,9; уровень участия в составе рабочей силы – 55,1 процента (РФ – 62,3 %); уровень общей трудовой занятости населения составляет 52,8 процента (РФ – 58,4 %). По той номенклатуре приоритетных проектов аграрной и туристско-рекреационной направленности развития, которая предусматривается в Стратегии РД – 2030, немыслимо трудоустроить около 260 тыс. человек. А если ставить задачу достижения среднего по России уровня социально-экономического положения, то необходимы среднегодовые темпы роста экономики равными 15,4–16,0 процентов, что тоже немыслимо. Имея в виду то, что количество экономически несостоятельных регионов в России постоянно растет, возможности поддержки социальной стабильности в регионах на основе реализации гарантий государственных вспомоществований в перспективе времени представляются небезграничными. Н. В. Зубаревич связывает поддержание социальной стабильности в регионах настолько долгим, насколько Россия останется в состоянии тлеющего процесса экономической стагнации или перейдет в резкое падение [8].

Ситуация напряженности на рынке труда, связанная с ограничением сфер деятельности аграрно-туристической специализации, характерна для всех регионов СКФО. Поэтому безвозвратный выезд людей из округа в другие регионы страны и в зарубежье в целях трудового устройства превышает въезд. Особенно высокий коэффициент отрицательного миграционного прироста имеет Республика Северная Осетия – Алания – -49 (В России – +9). Авторы Стратегий регионов вынуждены придерживаться первичной установки КДР – 2020, отражаемой и в последующих прогнозах и стратегиях развития РФ, в которой в качестве одной из мер снижения безработицы и напряженности на рынке труда предусматривается выезд людей из трудоизбыточных регионов в другие регионы страны. То есть речь идет об исходе из регионов СКФО наиболее экономически пассионарной и интеллектуально облагороженной части населения. Поэтому при наличии исхода населения из регионов социальная стабильность, поддерживаемая не за счет роста экономического развития, обеспеченного собственными усилиями, в принципе не может считаться достигнутой и быть надежной и устойчивой.

Наибольшая результативность реализации модели поддержки социальной стабильности в Республике Дагестан была достигнута в период 2017–2020 годов, когда администрацией республики, возглавляемой авторитетным принципалом регионального уровня – В. А. Васильевым, были решены проблемы существенного снижения коррупционного навеса, максимального привлечения собственных средств и средств государственных гарантий с их рациональным использованием. Однако администрация В. А. Васильева не была лишена понимания того, что обеспечение социальной стабильности не на основе развития экономики, надеясь на государственные вспомоществования, не может в перспективе лет быть полным и устойчивым. Поэтому была привлечена бригада авторитетных столичных специалистов во главе с Председате-

лем СОПС для разработки Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан на период до 2035 года. К сожалению, в процессе уяснения и согласования бригадой разработчиков ресурсного обеспечения целей и задач развития РД выяснилось, что в нынешних условиях дефицита у государства инвестиционных ресурсов и необходимости приоритетного решения геополитических проблем (Крым, Арктика, Дальний Восток, Сирия и пр.) рассчитывать на выделение значительных федеральных средств на развитие экономики Дагестана нереально. Проблематичность федеральной поддержки экономического развития была одной из главных причин кризиса Стратегии РД-35 и прекращения ее разработки.

Из сказанного вытекает вывод о том, что в РД и в целом в регионах СКФО в период до 2030 года вряд ли будет существенное экономическое развитие.

Международный опыт свидетельствует и ООН дает определение, что развивающимися являются те государственные формирования, которые находятся на пути индустриализации. Авторы же программ долговременного развития регионов СКФО неукоснительно придерживаются нормативно-правовых установок, в том числе «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года», которые императивно регламентируют сохранение хозяйства регионов СКФО в форме аграрной направленности. В реальной практике такой подход оказывает тормозящее влияние на экономическое развитие.

В Указе Президента РФ «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» определены принципы указанной политики. Уделим внимание одному из них: обеспечение единства правового и экономического пространства РФ, равных возможностей для реализации установленных Конституцией РФ экономических, политических и социальных прав граждан РФ на всей территории страны. К сожалению, относительно регионов экономически периферийной части России этот принцип в реальной практике не соблюдается. Есть примеры того, что попытки проявления предпринимательской инициативы по возрождению обрушившихся в послесоветском периоде крупных промышленных предприятий не только не поддерживались в кабинетах исполнительных органов власти, но даже пресекались на подступах постановки вопроса с мотивировкой непромышленной аграрной ориентацией регионов СКФО. Не лучше обстоит положение с внешнеэкономической деятельностью. Как известно, субъекты Федерации не наделены суверенными правами внешнеэкономической деятельности; реализация каких-либо намерений развитию интеграционных связей с зарубежными экономическими партнерами, минуя кабинеты центральных органов власти, невозможна. И в этих случаях регионы СКФО находятся в несравнимо проигрышных конкурентных условиях с развитыми регионами страны. Мотивируются отказы разными причинами: слабостью исходных условий, аграрной ориентацией региона, национальной безопасностью и пр. За всеми этими причинами есть и латентная, пагубная не только для регионов СКФО, но и для страны, причина – недоверие и боязнь центробежных устремлений. Закрадывается мысль о наличии волюнтаризма, допускающего содержание регионов СКФО, находящихся в исключительно благоприятных геостратегических условиях, на привязи дотационных пуповин вместо предпочтения развитию внешнеэкономических интеграционных связей.

То есть аграрная специализация региона представляется как директивный императив, не подлежащий какому-либо сомнению или ревизии. Это способствует и будет способствовать консервации состояния, в котором находятся регионы СКФО: низкого уровня социально-экономического развития и острой нехватки рабочих мест.

Но возникает одно соображение. Если обратиться к отражению сути отраслевой специализации регионов в трудах ученых более раннего периода перехода России к рынку, например академика А. Г. Гранберга [5], или в исследованиях, близких к текущему времени, Багян Г.А. [16], то она не изменилась; определяется как использование регионами своих особых природно-климатических ресурсных условий, позволяющих в рыночных условиях производить конкурентную продукцию или услуги. Если рыночные отношения складываются здоровыми, то рынок будет побудителем отраслевой специализации, соответствующей ресурсным условиям, и по логике мышления не требуется императивная регламентация отраслевой специализации, исключающей другие сферы производства и услуг, необходимые для дополнения занятости населения трудом, не обеспечиваемая в полной мере в отраслях специализации.

Напрашивается вывод: развитие регионов СКФО должно осуществляться по модели взаимно обуславливающего сочетания социального и экономического развития на основе возрождения как аграрно-туристических и иных сфер экономической деятельности, ориентированных на использование своих особых природно-ресурсных условий, так и возрождения на основе привлекаемых внешних ресурсов крупных предприятий промышленности, ориентированных на выпуск продукции полной потребительской готовности для рынка регионов страны и экс-

портного назначения. Примерами развития подобной модели являются Новые индустриальные страны (НИС): Сингапур, Малайзия, Тайвань, Южная Корея, которые достигли высокого уровня развития и продукцию которых, например автомобили марки КИА, мы видим на наших дорогах.

Почему речь идет именно о крупных предприятиях? Дело в том, что они имеют двойное значение. Во-первых, возможно решение проблемы трудозанятости. Во-вторых, крупные предприятия с их инновационными технологиями могут быть генераторами технической культуры, распространителями облака этой культуры на все сферы экономической деятельности в регионе, и в том числе на аграрные структуры и даже в бытовую сферу.

Выводы. Проекты долговременного развития регионов СКФО выполняются с учетом и соблюдением действующих институциональных установок, и представленная критическая характеристика не означает отрицание их реализации с заменой на иной проект, поскольку, как известно, лучше иметь плохие программы, чем их не иметь. Однако и мириться с таким положением нельзя.

Поэтому представляется необходимым разработать Программу широкой кампании законотворческих инициатив представительных и исполнительных органов власти и общественных организаций, целью которой должно быть совершенствование системы нормативно-правовых актов, позволяющее рационализировать политическое и экономическое обустройство России и ее регионов и выводящее страну на траекторию инновационного и технологического развития. Общая цель, конкретизированная в аспекте регионов СКФО, может состоять из двух подцелей. Целью первой части, которая будет выполняться параллельно и в сроки выполнения действующих Стратегий, может быть: инициирование представительных органов власти страны и регионов на внесение поправок в нормативно-правовые акты, обеспечивающие формирование институциональной среды, способствующей росту роли инициатив самих регионов в генерации собственных и привлечении внешних инвестиционных ресурсов развития с возможностью использования эффекта федерального обустройства страны, предполагающего содействие Центра в сближении уровней развития регионов.

Другой мерой, конкретизированной в отношении СКФО, может быть следующее: регионы СКФО, будучи расположенными в перекрестье транспортных коридоров «Восток-Запад» и «Север-Юг», находятся в условиях, позволяющих диверсифицированное развитие экономики на основе выгодного интеграционного партнерства, развивая не только реальные отрасли хозяйства, но и отрасли сферы обращения и услуг. В СКФО могут быть возрождены финансово-инвестиционные центры обслуживания государств бассейна Каспийского моря, а также международной торговли и логистики.

Немаловажное значение имеет решение проблем формирования власти и институтов гражданского общества по критериям достижения служения власти обществу. К сожалению, в Стратегиях СКФО предусматривается сохранение существующей тенденции создания и прикармливания структур институтов гражданского общества, угодных власти, превращая их в свои придатки. При этом наблюдается уничижительное отношение к возрождению структур гражданского общества, способных контролировать власть. Это препятствует осуществлению внешнего контроля деятельности власти.

Литература

1. Аганбегян А. Г. Размышления о финансовом форсаже. По мотивам книги «Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика // Деньги и кредит. – 2015. – № 8. – С. 69.
2. Багян Г. А. Пути решения актуальных проблем государственного управления в Российской Федерации / Г. А. Багян, В. И. Лукащук // Modern Science. – 2020. – № 5-1. – С. 450–454.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Перевод с английского под редакцией В. Л. Иноземцева. – М., Академия, 1999. – 740 с.
4. Гичиев Н.С. Кластерная концепция экономического развития: теоретический аспект (обзор литературы) // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. – № 1 (123). – С. 35–46.
5. Гранберг А. Г. Основы региональной политики. – М. ГУ ВШЕ. 2006. – 608.
6. Дорошенко С. В. Саморазвитие региона в контексте экономического эволюционизма. [Электронный ресурс] https://www.elibrary.ru/dawnload/elibrare_13616371_70813119pdf (дата обращения – 19. 04. 2022).
7. Дохолян С. В., Петросянц В. З., Деневизюк Д. А., Садыкова А. М. Структурные сдвиги и структурная перестройка экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2018. – № 7 (93). – С. 63–71.
8. Зубаревич Н. В. В зоне риска четверть населения страны. – 2022. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://yanx.ru/search/?lr=28&clid=2196598&text=%D0%B7%D1%83%D0%B1%D0%B0, свободный. Загл. с экрана.

9. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145.
10. Лаврикова Ю. Г, Акбердина В. В., Душин А. В., Сидоров Е. Н., Д. А. Татаркин Д. А. Регионы России: классификация по признаку саморазвития // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 19(154). – С. 2–15.
11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов (книги I–III) / Пер. с англ., вводная статья и комментарии Е. М. Майбурда. – М.: Наука, 1993. – 572 с.
12. Татаркин А. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. – 2016. – Т.12. – Вып. 1. – С. 9–26. doi 10.17059/2016-1-1.
13. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail. The Origins of power, Prosperity, and Poverty. NewYork: Grown Business. 2017.
14. Kusnets S. (1966). Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven and London: Yale University Press.
15. Prebisch R. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? – М.: ИЛА. 1992. – 367 с.

References:
1. Aganbegyan A. G. Razmyshleniya o finansovom forsazhe. Po motivam knigi «Finansovye strategii modernizacii ekonomiki: mirovaya praktika // Den'gi i kredit. – 2015. – № 8. – S. 69.
2. Bagyan G. A. Puti resheniya aktual'nyh problem gosudarstvennogo upravleniya v Rossijskoj Federacii / G. A. Bagyan, V. I. Lukashchuk // Modern Science. – 2020. – № 5-1. – S. 450–454.
3. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Perevod s anglijskogo pod redakciej V. L. Inozemceva. – M., Akademiya, 1999. – 740 s.
4. Gichiev N.S. Klasternaya koncepciya ekonomicheskogo razvitiya: teoreticheskij aspekt (obzor literatury) // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. – 2021. – № 1 (123). – S. 35–46.
5. Granberg A. G. Osnovy regional'noj politiki. – M. GU VSHE. 2006. – 608.
6. Doroshenko S. V. Samorazvitie regiona v kontekste ekonomicheskogo evolyucionizma. [Elektronnyj resurs] https://www.elibrary.ru/dawnload/elibrare_13616371_70813119pdf (data obrashcheniya – 19. 04. 2022).
7. Doholyan S. V., Petrosyanc V. Z., Denevizyuk D. A., Sadykova A. M. Strukturnye sdvigi i strukturnaya perestrojka ekonomiki // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. – 2018. – № 7 (93). – S. 63–71.
8. Zubarevich N. V. V zone riska chetvert' naseleniya strany. – 2022. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://yanx.ru/search/?lr=28&clid=2196598&text=%D0%B7%D1%83%D0%B1%D0%B0, svobodnyj. Zagl. s ekrana.
9. Zubarevich N. V. Strategiya prostranstvennogo razvitiya: prioritety i instrumenty // Voprosy ekonomiki. – 2019. – № 1. – S. 135–145.
10. Lavrikova YU. G, Akberdina V. V., Dushin A. V., Sidorov E. N., D. A. Tatarkin D. A. Regiony Rossii: klassifikaciya po priznaku samorazvitiya // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. – 2010. – № 19(154). – S. 2 –15.
11. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov (knigi I–III) / Per. s angl., vvodnaya stat'ya i kommentarii E. M. Majburda. – M.: Nauka, 1993. – 572 s.
12. Tatarkin A. Regional'naya napravlennost' ekonomicheskoj politiki Rossijskoj Federacii kak instituta prostranstvennogo obustrojstva territorij // Ekonomika regiona. – 2016. – T.12. – Vyp. 1. – S. 9–26. doi 10.17059/2016-1-1.
13. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail. The Origins of power, Prosperity, and Poverty. NewYork: Grown Business. 2017.
14. Kusnets S. (1966). Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven and London: Yale University Press.
15. Prebisch R. Periferijnyj kapitalizm: est' li emu al'ternativa? – M.: ILA. 1992. – 367 s.

УДК 332.14

ИДЗИЕВ ГАДЖИМУРАД ИДЗИЕВИЧ
д.э.н., ведущий научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, г. Махачкала, Россия, e-mail: textima@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-5-47-55

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ В УСЛОВИЯХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Аннотация. Цель работы. *Современная оценка уровня решения проблем территориального развития в Российской Федерации наглядно показывает, что остаются нерешенными целый ряд проблем, такие, как: переход на новую модель управления, основанную на конкуренции; разграничение и определение полномочий органов власти в иерархической системе управления; системность функционирования и координация отдельных элементов механизма управления региональной экономикой и др.* ***Метод или методология проведения работы.*** *В статье приводятся данные о неоправданно высокой степени различия российских регионов по основным социально-экономическим показателям, свидетельствующие о неэффективности государственной политики пространственного развития. На основе анализа современных теорий регионального развития выделены их положительные и отрицательные стороны.* ***Результаты.*** *Региональная дифференциация дает возможность для выдвижения гипотезы о специфичности траектории регионального развития, которая должна учитывать ресурсный, институциональный и структурный потенциалы, а также необходимость разработки отдельных стратегий для различных типов регионов.* ***Выводы.*** *В современных политических условиях санкций, закрытия границ и ограничения импорта технологичной продукции для отсталых регионов, которых подавляющее большинство в стране, открывается возможность инновационного развития и обеспечения конкурентоспособности экономики на основе новой индустриализации. Новая индустриализация для таких регионов в данном случае может рассматриваться как инструмент политики пространственного регулирования.*
Ключевые слова: *экономика региона, дифференциация, инновационное развитие, экономическая теория, конкуренция, модернизация.*

IDZIEV GADZHIMURAD IDZIEVICH
Dr.Sc of Economics, Leading Researcher at the Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, email: textima@mail.ru

THEORETICAL APPROACHES TO TERRITORIAL MANAGEMENT ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE CONDITIONS OF DIFFERENTIATION OF RUSSIAN REGIONS

Abstract. The purpose of the work. *A modern assessment of the level of solving problems of territorial development in the Russian Federation clearly shows that a number of problems remain unresolved, such as: transition to a new management model based on competition; differentiation and definition of the powers of authorities in a hierarchical management system; systematic functioning and coordination of individual elements of the regional economy management mechanism, etc.* ***The method or methodology of the work.*** *The article presents data on the unjustifiably high degree of differences between Russian regions in the main socio-economic indicators, indicating the inefficiency of the state policy of spatial development. Based on the analysis of modern theories of regional development, their positive and negative sides are highlighted.* ***Results.*** *Regional differentiation makes it possible to put forward a hypothesis about the specificity of the*

trajectory of regional development, which should take into account resource, institutional and structural potentials, as well as the need to develop separate strategies for different types of regions. ***Conclusions.*** *In the current political conditions of sanctions, border closures and restrictions on the import of technological products for backward regions, which are the vast majority in the country, the possibility of innovative development and ensuring the competitiveness of the economy on the basis of new industrialization opens up. In this case, new industrialization for such regions can be considered as an instrument of spatial regulation policy.*
Keywords: *regional economy, differentiation, innovative development, economic theory, competition, modernization.*

1. Введение. Проблемы управления сбалансированным пространственным развитием территорий России притягивают все больше внимания как практиков, так и научное сообщество. Современная оценка уровня решения проблем пространственного территориального развития в Российской Федерации, в т. ч. и на муниципальном уровне, наглядно показывает, что остаются нерешенными целый ряд проблем. Можно выделить основные из них: недостаточно исследованными остаются вопросы перехода основных элементов региональных социально-экономических систем на новую модель управления, основанную на рыночных факторах и конкуренции, и не все субъекты федерации в равной степени готовы к такому переходу; существует проблема четкого разграничения и определения полномочий органов власти в иерархической системе управления на разных уровнях – федеральном, региональном, муниципальном; не обоснованы и четко не обозначены социально-экономические и финансовые нормативы, которые обязаны осуществлять функции финансово-экономических инструментов для достижения целей сбалансированного и комплексного пространственного социально-экономического развития; нет системности в функционировании отдельных элементов механизма управления региональной экономикой, что тормозит переход на новую модель регионального управления [1].

Для РФ характерной является общая пространственная экономическая неоднородность, и если это утверждение правдиво, то можно предположить, что различия уровней социально-экономического развития субъектов федерации объясняются тем, что эти субъекты принадлежат к различным типам экономик. Проблема сбалансированного пространственного развития России усугубляется наличием в стране большого числа отсталых регионов. В частности, в докладе аналитического центра при Правительстве России на основе синтетической классификации выделяются 9 групп регионов – от финансово-экономических центров до менее развитых аграрных (последняя 9 группа), куда попадает большинство регионов СКФО [2]. Авторы доклада предлагают рассматривать региональные особенности развития РФ с двух точек зрения: официально установленное географическое деление страны на федеральные округа, авторская методология определения синтетических показателей классификации субъектов федерации.

При распределении регионов по группам использовались следующие параметры: количественные показатели социально-экономического развития, качественные показатели институционального развития, долгосрочные факторы развития отдельно взятого региона и структура доминирующих отраслей. В ходе анализа была выявлена стабильность показателей, которые характеризуют региональные группы по типу и уровню развития.

Проблемы несбалансированного пространственного развития территорий современной России создают серьезную угрозу государственной безопасности и непосредственно связаны с неоправданно высокой степенью различия регионов по основным социально-экономическим показателям: валовый региональный продукт на душу населения, денежные доходы, среднемесячная начисленная заработная плата, инвестиции в основной капитал [3, 4, 5, 6]. При этом наблюдается динамика постоянного роста разницы в социально-экономическом положении регионов (табл.).

Политика пространственного регулирования территориального развития на региональном и муниципальном уровне тесно связана с решением ряда фундаментальных проблем, таких, как: 1) разграничение предмета, функций и полномочий федерального, регионального и муниципального уровней управления; 2) организация адекватной системы финансирования развития территорий разного уровня; 3) организация действенной системы управления на основе учета интересов взаимодействующих институтов общественно-экономического процесса и связей между ними [7].

Таблица

Экстремальные оценки социально-экономического положения регионов РФ*

Показатели	Максимальные Регион	Минимальные Регион	Кратность различия
Интегральный показатель рейтинга социально-экономического положения, в баллах: 2013 г.	82,827 г. Москва	14,275 Респ. Ингуш.	5,81
2016 г.	80,891 г. Москва	14,136 Респ. Тыва	6,16
2020 г.	83,929 г. Москва	10,685 Еврейская АО	7,85
Валовый региональный продукт на душу населения, в % от среднего по России: 2000 г.	730 Тюменск. обл.	45 Респ.Тыва	16,2
2013 г.	530 Тюменск. обл.	20 Респ. Ингушет.	26,5
2015 г.	960 Ненецкий АО	26 Респ. Ингуш.	36,9
2019 г.	1165 Ненецкий АО	23 Респ. Ингуш.	50,7

***Источник:** Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. – URL : http://riarating.ru/infografika/20170530/630063754.html и данные Росстат.*

Политика пространственного регулирования территориального развития на региональном и муниципальном уровне тесно связана с решением ряда фундаментальных проблем, таких, как: 1) разграничение предмета, функций и полномочий федерального, регионального и муниципального уровней управления; 2) организация адекватной системы финансирования развития территорий разного уровня; 3) организация действенной системы управления на основе учета интересов взаимодействующих институтов общественно-экономического процесса и связей между ними [7].

2. Основная часть. Неоправданно высокая дифференциация регионов России по основным социально-экономическим показателям и наличие большого числа менее развитых, проблемных регионов затрудняет применение единой для всей страны теории регионального развития. И, как показывает практика последних десятилетий, даже может тормозить развитие отдельных регионов.

В последнее время экономическая наука много внимания уделяет разработке моделей и инструментов управления пространственным развитием территорий, которые позволят ре-

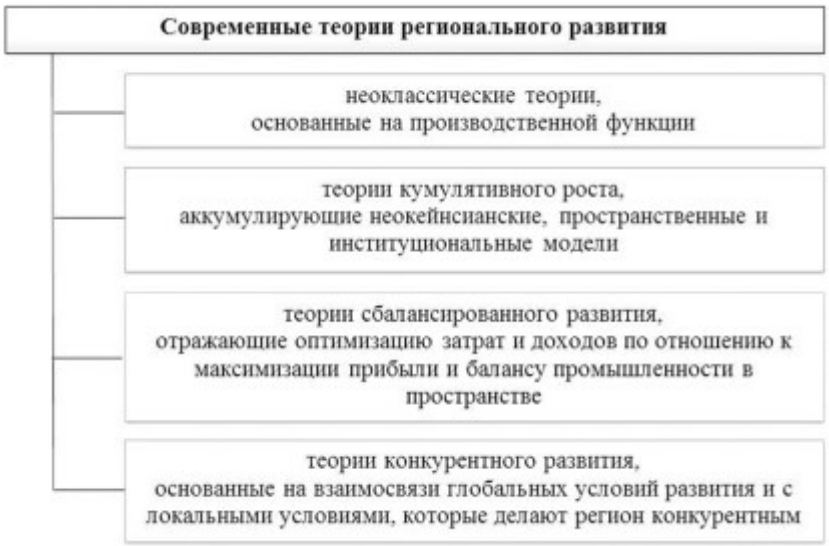


***Рис. 1.** Современные теории регионального развития*

шить проблему сбалансированного развития регионов [8].

Можно выделить следующие основные направления современных теорий регионального развития (рис. 1):

В основе неоклассических теорий и моделей территориального развития лежат факторы, определяющие производственный потенциал региона с наложением пространственных факторов. При таком подходе территории определяются как производственные единицы, между которыми с помощью различных факторов устанавливаются взаимосвязь и взаимовлияние, в конечном итоге приводящие к равновесию [9].

Неоклассические теории и модели территориального развития основываются на «производственной функции с убывающей и постоянной отдачей масштаба, сходимости или конвергенции регионов, межрегиональной торговли и межрегиональной мобильности факторов производства, перемещений и расстояний, сбалансированного или равновесного роста и условий свободной конкуренции» [10].

Изначально исследования трансформации уровня территориального развития основывались на факторах производства, и впервые этот метод был предложен Дж. Бортсом. Данный подход был доминирующим в середине двадцатого века и продолжает быть актуальным и сегодня. Он основывается на факторах роста производственного потенциала региональной экономики, таких, как: уровень развития технологии, финансово-инвестиционные показатели, объем и качество трудовых ресурсов, природные богатства. Предполагается, что экономический рост в отсталых регионах происходит более быстрыми темпами, чем в развитых, что в долгосрочной перспективе приводит к сближению уровней развития территорий внутри одной страны. Таким образом, экономический рост регионов может рассматриваться как результат более эффективного распределения факторов производства и, как следствие, доходов между регионами посредством рыночных инструментов.

Х. Зиберт разработал более совершенный вариант теории территориального развития, основанной на производственной функции. В теории Х. Зиберта региональный производственный потенциал зависит не только от таких затрат, как земля, капитал, труд и уровень развития технологии. В его модель производственной функции добавляются транспортные затраты, а также особенности социальной сферы.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что теории и модели неоклассического направления обладают целым рядом достоинств, позволяющих: «измерять региональные эффекты; определять направления движения факторов производства, а также степень накопления капитала по регионам; выявлять степень влияния производственных и пространственных факторов на темпы роста экономики регионов; предсказывать сходимость (конвергенцию), благодаря наличию положительной зависимости между темпом роста экономики и различием между текущим и равновесным уровнем дохода в экономике; применять их на практике и осуществлять проверки» [11].

Базу теории кумулятивного роста составляют тезисы о формировании в пространственной экономике центров роста. Основным направлением теории является концепция «взаимной и кумулятивной обусловленности», разработанная Г. Мюрдалем. В модели Г. Мюрдаля обосновывается закономерность, что на основе специализации и эффекта масштаба незначительные локальные преимущества региона со временем преумножаются. Вывод Г. Мюрдаля – рост экономики регионов происходит неравномерно, и, соответственно, уровни экономического развития отдельных регионов не сближаются [12].

Активным последователем концепции «полюсов роста» был французский ученый Ф. Перру, сформулировавший тезис о том, что экономический рост государства в разных территориях происходит неравномерно и возникает в некоторых местах, так называемых полюсах или точках роста с непостоянной интенсивностью и с некоторым непостоянным эффектом на всю экономику страны. Таким образом, экономический рост не обеспечивает конвергенцию уровней экономического развития регионов, однако возможно некоторое выравнивание с помощью каналов перераспределения эффектов увеличения.

Согласно теории «полюсов роста» Ж.-Р. Будвиля, рост производства в различных сферах экономики происходит неравномерно. Выделяются пропульсивные или динамичные отрасли, рост в которых происходит более высокими темпами чем в остальных. Ласуэн Х.Р. в своей концепции рассматривает более детально полюса или точки экономического роста и выявляет их особенности.

Сторонник теории «центр-периферия» Дж. Фридман в своих работах обусловливает тезис о том, что экономический рост концентрируется только в крупных мегаполисах и определяет четыре этапа создания центров роста (обозначенные ядрами) в стране (рис. 2).

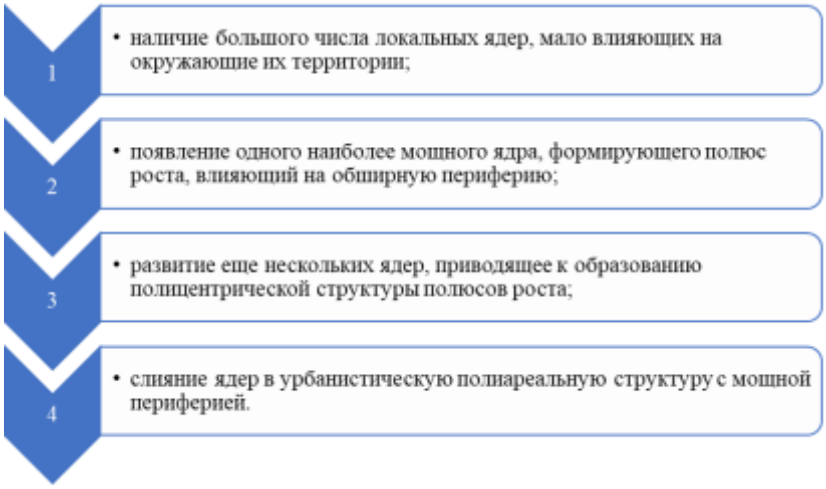


Рис. 2. *Этапы формирования центров (ядер) роста*

Теории сбалансированного развития основываются на концепции размещения производства или промышленного штандорта А.Вебера, а также так называемой «теории индустриального пространства». Данная концепция направлена на поиск и обеспечение баланса, делается акцент на рентабельности цели и просчитывании условий и обстоятельств, в которых может находиться отдельный регион. Приверженцами этого направления считаются Хартер, Мартинич, Серк-Ханссен, Смит, Питерс, Хиршман. Основным тезисом их исследования является то, что оптимальное решение сбалансированного развития территорий достигается созданием разнообразных пространственных условий [13].

Основной постулат теории «прямой и обратной связи» А. Хиршмана является то, что экономический рост в целом по стране происходит неравномерно. Экономический рост отдельных территорий предполагает наличие в достаточном количестве определенных ресурсов и качеств, которых не хватает у других, что является причиной их отсталости. Хиршман встал на сторону приверженцев концепции «несбалансированного роста», что должно стимулировать ускоренное развитие отсталых регионов на основе мобилизации потенциальных резервов в интересах регионального развития. На основе чего делается вывод: «Пространственный рост экономики в стране происходит неравномерно, в результате уровни экономического развития территорий сближаются, но не выравниваются» [14].

В основе теории конкурентного развития лежит теория конкуренции М. Портера второй половины XX в., ведущим звеном которой является способность адаптации к технологическим изменениям [15]. В качестве первопричины возникновения конкуренции он рассматривает её фундаментальную экономическую структуру и ставит конкуренцию в зависимость от вероятности появления на региональном рынке новых игроков, товаров-заменителей, рыночного взаимовлияния и взаимодействия поставщиков и потребителей, особенностей конкурентной борьбы между различными субъектами рынка. С этих позиций М. Портер обозначает конкуренцию как «расширенное соперничество».

Согласно теории Портера, для достижения превосходства на каком-либо рынке необходимо выработать соответствующую конкурентную стратегию. В основе конкурентной стратегии лежит формирование конкурентных преимуществ, их оценка и совершенствование.

Портер определяет «конкурентные преимущества высшего порядка», которые имеют специфический характер и не могут быть заимствованы конкурентами. Формирование «конкурентных преимуществ высшего порядка» происходит при условии долговременных и интенсивных инвестиций не только в основные производственные фонды, а еще и в специализированное образование персонала, проведение НИОКР, маркетинг и т.п.

Таким образом, на основе анализа современных теорий регионального развития можно выделить их положительные и отрицательные стороны (рис. 3).

Можно предположить, что для сбалансированного развития государства, состоящего из субъектов федерации, относящихся к различным типам экономик, необходима разработка отдельных региональных стратегий социально-экономического развития, учитывающих ресурсные, институциональные и структурные возможности, и эти стратегии могут быть основаны на разных теориях экономического развития.

	Положительные	Отрицательные
Неоклассические теории Дж. Бортс, Х. Зиберт. Р. Солоу, Т. Сван, Г. Мэнкью, Д. Ромер, А. Уэйл, Р. Барро, Х. Сала-и-Мартин, Р. Холла и Ч. Джонса.	во-первых, обладание большими возможностями для решения проблемы сходимости, поскольку недостаточное развитие физического капитала может компенсироваться человеческим капиталом и наоборот, во-вторых, определение скорость и конвергенции, т.е. времени преодоления половины расстояния, отделяющего экономику региона от ее устойчивого состояния.	невозможность оценки степени, скорости конвергенции регионов в рамках одной страны, недоучет региональных или пространственных факторов
Теории кумулятивного роста Г. Мюрдаль, А. Хиршман, Ф. Перру, Х. Ричардсон, Дж. Фридман, Т. Хегерстранд, Ж-Р. Будвиль П. Потье, Х.Р. Ласуэн, Х. Гирш.	учет реальных региональных факторов; использование инноваций и их распространения как основного фактора роста территорий; обладание определенными возможностями выравнивания межрегиональных уровней экономического развития путем диффузии нововведений и индустриализации; наличие больших возможностей практического применения, из-за простоты исходных предпосылок и определенности объекта роста.	несчитывание значения малых предприятий, зачастую определяющих характер региональной экономики; не оказывается должного внимания внутренней согласованности региональной производственной системы; игнорируются возрастающая отдача от масштаба, эффекты от масштаба рынка и несовершенной (монопольной) конкуренции, приближенной к реальности; не реализуются основные правила новой теории торговли, новой теории роста и новых форм территориальной организации производства.
Теории сбалансированного развития Хартер, Мартинич, Серк-Ханссен, Смит, Питерс, Хиршман.	мобилизация потенциальных резервов в интересах развития, оптимальное решение может быть достигнуто созданием различных пространственных условий	пространственный рост экономики в стране происходит неравномерно, в результате уровни экономического развития территорий сближаются, но не выравниваются.
Теория конкурентного развития М. Портер.	формирования конкурентной стратегии, направленной на достижение превосходства на определенном рынке, выделение уникальных «конкурентных преимуществ высшего порядка»	не учитываются факторы институциональной среды, такие как законодательство, традиции, моральные аспекты и др.

Рис. 3. *Сильные и слабые стороны в теориях регионального развития*

В 2008 г. распоряжением правительства была принята «Концепция долгосрочного социально-экономического развития регионов Российской Федерации до 2020 г.», а основные недостигнутые на тот момент целевые показатели этой Концепции были сформулированы в майских указах президента РФ 2018 г. Основной постулат обозначен следующим образом: «Сформируются новые территориальные центры роста как в районах освоения новых сырьевых ресурсов, так и в традиционных регионах концентрации инновационного, промышленного и аграрного потенциала России, снизятся масштабы регионального неравенства»[1].

В июне 2014 г. был принят Федеральный закон N 172-ФЗ о стратегическом планировании в Российской Федерации, вследствие чего значительно трансформировался механизм управления пространственным развитием территорий. Принятие данного закона влечет за собой необходимость новых исследований по формированию эффективной системы управления на региональном и муниципальном уровнях, направленной на последовательную и успешную реализацию социально-экономических реформ.

Распоряжением Правительства РФ в 2019 году утверждена «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.», в которой одним из приоритетов пространственного развития является: «опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития…»[2].

Однако в прогнозе долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г., подготовленном Министерством экономического развития России, прямо говорится: «Сохраняется высокий уровень межрегиональных различий по душевым показателям ВРП, доходам населения, объемам инвестиций в основной капитал, бюджетной обеспеченности»[3]. И в ближайшей перспективе данная тенденция не изменится.

Во многих исследованиях, посвященных проблемам пространственного развития современной России, звучит однозначный вывод, что современная государственная политика территориального развития является малоэффективной, а в некоторых эпизодах практически не реализуется, так как нет четкого понимания предмета и целей ее осуществления [16, 17]. На наш взгляд, за основу можно взять определения, представленные в исследованиях Новоселова

[1] Концепция долгосрочного социально-экономического развития регионов Российской Федерации до 2020 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р.
[2] Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.» [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/552378463 (дата обращения 12.02.2022).
[3] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf (дата обращения 20.08.2021).

А.С., Маршаловой А.С., Ждан Г.В., которые в своей работе «Методологические проблемы и организационная структура управления пространственным развитием регионов» определяют предмет и объект государственной региональной политики: «Предметом государственной региональной политики должна являться пространственная организация экономики и условий жизнедеятельности населения. Объектами являются регионы, в отношении которых государство принимает принципиальные решения, определяющие их будущую специализацию и роль в социально-экономическом развитии государства» [18].

Например, что касается проблемных регионов, СКФО в целом и Республики Дагестан в частности, то в большинстве нормативных документов Министерства экономического развития РФ, а также в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. им отводится роль удаленных от центра, аграрно-ориентированных регионов. Вследствие чего многие программы развития регионального промышленного сектора не получают должной поддержки, что усугубляет степень их проблемности и в дальнейшем чревато еще большим отставанием в социально-экономическом развитии, ростом дотационности и снижением благосостояния населения, что подтверждается динамикой увеличения дифференциации регионов России по основным показателям (см. табл.).

Однако следует отметить, что даже в проблемных регионах СКФО уже предпринимаются шаги по формированию инновационной модели развития. Огромное значение для интенсификации развития экономики проблемных регионов имеют крупные промышленные предприятия. Именно крупные предприятия оказывают существенное влияние на культурно-технический уровень в регионе, так как основываются на применении передовых технологий и обеспечении высококвалифицированной рабочей силой. Изменившаяся структура экономики региона, снижение доли промышленного производства в ВРП, а также существенное ослабление экономики во многом явились следствием падения производства на крупных предприятиях.

Современная политическая ситуация в мире говорит о том, что за промышленностью сохраняется роль ведущей инновационной сферы производства. Промышленность является основным производителем товаров производственного и личного потребления, от степени развития которого зависят темпы научно-технического обновления и рост производительности труда в других сферах и отраслях. Поэтому формирование обдуманной промышленной политики и улучшение механизмов ее реализации выступает стержневым моментом перехода к модернизации всей экономики, устойчивому ее развитию.

3. Заключение. Сложившиеся в настоящее время экономические условия объективно требуют от государства новых механизмов реализации промышленной политики, ориентированных на экономический рост, основанный на инновациях как на макро-, так и на мезоуровнях экономики. Без высокотехнологичной промышленности инновации не станут реальным товаром. Эти проблемы могут быть решены только на основе ускоренной комплексной технологической модернизации промышленности, особенно в проблемных регионах. В этих условиях особенно актуальным становится исследование вопросов, связанных с развитием отраслей, производящих наукоемкую, высокотехнологичную продукцию. В первую очередь это предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК), которые могут стать «локомотивами», тянущими за собой остальные отрасли промышленности.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что региональная дифференциация дала возможность для выдвижения гипотезы о специфичности траектории регионального развития, которая должна учитывать ресурсные, институциональные и структурные возможности, а также необходимость разработки отдельных стратегий развития для различных типов регионов.

В условиях появления проблемных и депрессивных регионов необходима более осознанная и активная государственная политика, касающаяся решения возникающих экономических проблем в регионах. Начать надо с проблем стратегирования пространственного развития, задачей которого является, в частности, преодоление отсталости и депрессивности большей части российских регионов. Новая индустриализация для таких регионов, в данном случае, может рассматриваться как инструмент политики пространственного регулирования. Для проблемных регионов новая индустриализация станет основой инновационного развития и обеспечения конкурентоспособности всей экономики региона.

Литература

1. Лексин, В. Н., Швецов, А. Н. Реформы и регионы : системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. – М. : Ленанд, 2012.

2. Голяшев, А. В., Григорьев, Л. М. Типы российских регионов : устойчивость и сдвиги в 2003–2013 гг. : аналитический доклад. – М., 2014.
3. Петросянц, В.З . Системное регулирование развития проблемных регионов в условиях инновационных преобразований экономики // Управленческие науки в современном мире. 2016. Т. 2. № 2. С. 283–287.
4. Ахмедуев, А. Ш., Меджидов, З. У. Теоретические аспекты о сущности и роли территорий с особым экономическим статусом в обеспечении пространственного развития регионов России // Вопросы региональной экономики. 2019. № 3 (40). С. 3–7.
5. Дохолян, С. В. Анализ комплексного развития проблемных регионов СКФО // Экономика устойчивого развития. 2020. № 4 (44). С. 59–66.
6. Sagidov, Yu., Denevizyuk, D., Gichiev, N. Encouraging Russian regions to transition on self-development : methodological aspect // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. – Amsterdam, 2021. P. 583–588.
7. Селезнев, А. З. Инновационная концепция конкурентных преимуществ // Феномен рыночного хозяйства : векторы и особенности эволюции. – М. : LSP, 2017. С. 220–230.
8. Bukhvald, E. M. The strategy for development of small and medium entrepreneur-ship in Russia till 2030 : ambitions and realities // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016. No. 1 (43). P. 66–80.
9. Crespo-Cuaresma, J., Palokangas, T., Tarasyev, A. Dynamic Systems, Green Growth and Sustainable Development // Springer Series on "Dynamic Modeling and Econometrics in Economics and Finance". 2013.
10. Межевич, Н. М., Жабрев, А. А. Региональная дифференциация – фактор социально-экономического развития регионов // Экономика и управление. 2011. С.156–165.
11. Линский, Д. В. Теории кумулятивного регионального роста и развития // Материалы международной научно-практической конференции. София, 2012. С. 6–8.
12. Сагидов, Ю. Н. Подходы к развитию региона с экономикой периферийного характера (на примере Республики Дагестан) // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 29. С. 2–9.
13. Катькало, В. С. Эволюция теории стратегического управления : монография. – СПб. : Высшая школа менеджмента, 2011.
14. Пономаренко, Г. Н. Сравнительная характеристика теорий регионального развития // Вестник университета. 2012. С.25–36.
15. Porter, M. E. Competitive Strategu: Technigues for Analizing Industries and Competitrs ; пер. Исхакова В.К. – New York : The Free Press, 1980. – М. : Дело, 2000.
16. Gamidullaev, B. N., Dokholyan, S. V., Gamidullaev, R. B., Sultanov, G. S., Surakatov, N. S. State evaluation procedure of management cycles in management processes reengineering at an enterprise // Espacios. 2019.Vol. 40. No. 28. P. 17.
17. Idziev, G. I., Eldarov, E. M., Magomedbekov, G. U., Gadzhiev, M. D. Deindustrialization of Russia's Peripheral Regions: The Case of the Republic of Dagestan // Revista Espacios. 2020. T. 41. No. 8. P. 23–29.
18. Новоселов, А. С., Маршалова, А. С., Ждан, Г. В. Методологические проблемы и организационная структура управления пространственным развитием регионов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 1 (49). – URL : https://eee-region.ru/article/4908/.

References:

1. Leksin, V. N., SHvecov, A. N. Reformy i regiony : sistemnyj analiz processov reformirovaniya regional'noj ekonomiki, stanovleniya federalizma i mestnogo samoupravleniya. – M. : Lenand, 2012.
2. Golyashev, A. V., Grigor'ev, L. M. Tipy rossijskih regionov : ustojchivost' i sdvigi v 2003–2013 gg. : analiticheskij doklad. – M., 2014.
3. Petrosyanc, V.Z . Sistemnoe regulirovanie razvitiya problemnyh regionov v usloviyah innovacionnyh preobrazovanij ekonomiki // Upravlencheskie nauki v sovremennom mire. 2016. T. 2. № 2. S. 283–287.
4. Ahmeduev, A. SH., Medzhidov, Z. U. Teoreticheskie aspekty o sushchnosti i roli territorij s osobym ekonomicheskim statusom v obespechenii prostranstvennogo razvitiya regionov Rossii // Voprosy regional'noj ekonomiki. 2019. № 3 (40). S. 3–7.
5. Doholyan, S. V. Analiz kompleksnogo razvitiya problemnyh regionov SKFO // Ekonomika ustojchivogo razvitiya. 2020. № 4 (44). S. 59–66.
6. Sagidov, Yu., Denevizyuk, D., Gichiev, N. Encouraging Russian regions to transition on self-development : methodological aspect // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. – Amsterdam, 2021. P. 583–588.
7. Seleznev, A. Z. Innovacionnaya koncepciya konkurentnyh preimushchestv // Fenomen rynochnogo hozyajstva : vektory i osobennosti evolyucii. – M. : LSP, 2017. S. 220–230.
8. Bukhvald, E. M. The strategy for development of small and medium entrepreneur-ship in Russia till 2030 : ambitions and realities // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016. No. 1 (43). P. 66–80.
9. Crespo-Cuaresma, J., Palokangas, T., Tarasyev, A. Dynamic Systems, Green Growth and Sustainable Development // Springer Series on "Dynamic Modeling and Econometrics in Economics and Finance". 2013.
10. Mezhevich, N. M., ZHabrev, A. A. Regional'naya differenciaciya – faktor social'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov // Ekonomika i upravlenie. 2011. S.156–165.
11. Linskij, D. V. Teorii kumulyativnogo regional'nogo rosta i razvitiya // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sofiya, 2012. S. 6–8.
12. Sagidov, YU. N. Podhody k razvitiyu regiona s ekonomikoj periferijnogo haraktera (na primere Respubliki Dagestan) // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2012. № 29. S. 2–9.
13. Kat'kalo, V. S. Evolyuciya teorii strategicheskogo upravleniya : monografiya. – SPb. : Vysshaya shkola menedzhmenta, 2011.
14. Ponomarenko, G. N. Sravnitel'naya harakteristika teorij regional'nogo razvitiya // Vestnik universiteta.

2012. S.25–36.
15. Porter, M. E. Competitive Strategu: Technigues for Analizing Industries and Competitrs ; per. Iskhakova V.K. – New York : The Free Press, 1980. – M. : Delo, 2000.
16. Gamidullaev, B. N., Dokholyan, S. V., Gamidullaev, R. B., Sultanov, G. S., Surakatov, N. S. State evaluation procedure of management cycles in management processes reengineering at an enterprise // Espacios. 2019.Vol. 40. No. 28. P. 17.
17. Idziev, G. I., Eldarov, E. M., Magomedbekov, G. U., Gadzhiev, M. D. Deindustrialization of Russia's Peripheral Regions: The Case of the Republic of Dagestan // Revista Espacios. 2020. T. 41. No. 8. P. 23–29.
18. Novoselov, A. S., Marshalova, A. S., ZHdan, G. V. Metodologicheskie problemy i organizacionnaya struktura upravleniya prostranstvennym razvitiem regionov // Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal. № 1 (49). – URL : https://eee-region.ru/article/4908/.

УДК 330.322

АРСЛАНОВ ШАМИЛЬ ДЖАВАДОВИЧ
к.э.н., доцент, старший научный сотрудник отдела социально-экономической политики региона,
Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия,
e-mail: ars_dgu@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-5-56-65

ИНВЕСТИЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА: ПОЛИТИКА ФОРМИРОВАНИЯ БЛАГОПРИЯТНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА

Аннотация. Цель исследования *состоит в изучении политики формирования благоприятного инвестиционного климата как направления инвестиционного развития.* ***Методология исследования*** *основана на корректном использовании методов анализа и синтеза, а также систематизации, сравнения, экономического и логического анализа.* ***Результаты.*** *Проанализированы направления и перспективы инвестиционного развития региона. Установлено, что существующая государственная система поддержки инвестиционной деятельности регионов СКФО не соответствует условиям объективной реальности и не отвечает задачам формирования благоприятного инвестиционного климата.* ***Выводы.*** *Инвестиционное развитие региона предполагает направленное действие инвестиционной политики на достижение благоприятности сложившегося инвестиционного климата, который, в свою очередь, не возможен без эффективного правового регулирования.*

Ключевые слова: *инвестиционное развитие, инвестиционная сфера, регион, политико-правовое регулирование.*

ARSLANOV SHAMIL DJAVADOVICH
Ph.D. in Economics, Associate Professor, Senior Researcher at the Department of Socio-Economic Policy of the region,
Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
e-mail: ars_dgu@mail.ru

INVESTMENT DEVELOPMENT OF THE REGION: FORMATION POLICY A FAVORABLE INVESTMENT CLIMATE

Abstract. The purpose *of the study is to study the policy of creating a favorable investment climate as a direction of investment development.* ***The research methodology*** *is based on the correct use of methods of analysis and synthesis, as well as systematization, comparison, economic and logical analysis.* ***Results.*** *The directions and prospects of investment development of the region are analyzed. It is established that the existing state system of support for investment activities of the regions of the North Caucasus Federal District does not meet the conditions of objective reality and does not meet the objectives of creating a favorable investment climate.* ***Conclusions.*** *The investment development of the region presupposes the directed action of the investment policy to achieve the favorability of the current investment climate, which, in turn, is not possible without effective legal regulation.*

Keywords: *investment development, investment sphere, region, political and legal regulation.*

Введение. Научные проблемы исследования и анализа процессов повышения инвестиционной привлекательности региона на сегодняшний день все еще сохраняют свою максимальную приоритетность как со стороны стратегических позиций развития всей социально-экономической системы государства, так и с любых позиций развития социально-

экономических систем его субъектов.

Именно поэтому продолжающийся поиск, а также проработка актуальных направлений и инновационных моделей аккумулирования инвестиционных ресурсов на региональном уровне позволяет формировать необходимый комплекс мер по активизации и интенсификации инвестиционной деятельности.

Основная часть. Характеризуя весь комплекс инвестиционных процессов, которые реализуются в регионах РФ, можно выделить два основных термина: инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат.

Анализируя оба термина, можно с высокой долей уверенности говорить о том, что оба термина изучены и раскрыты. Однако за большим числом трактовок обоих терминов скрывается различия взглядов ученых-исследователей на сущность терминов и их соотношение.

Большинство отечественных ученых трактуют инвестиционную привлекательность на государственном уровне по-разному, однако различные трактовки чаще всего органично дополняют друг друга.

Так, например, Аксёнова С. и Иванов Г.И. считают, что инвестиционная привлекательность может быть определена с позиций инвестиционного климата, уровня развития инвестиционной инфраструктуры и возможностей привлечения инвестиционных ресурсов [1,2].

Инвестиционная привлекательность региона в виде определенного баланса между его потенциалом и рисками представлена в работе Изюмова О.Н. [3].

Совокупностью признаков, свойств и возможностей, влияющих на привлечение инвестиционных ресурсов, определяется инвестиционная привлекательность по мнению Лилева Н., Пронина А.С. и Петрова А.А. [4,5,6].

Соотношение объективных характеристик региона и желаний инвестора составляют суть инвестиционной привлекательности по мнению Печёнкина А.В. [7].

Удалов Д.А. считает, что инвестиционную привлекательность необходимо рассматривать как некую совокупность инвестиционных характеристик, которые позволяют обозначить условия для принятия инвестиционно-значимого решения [8].

Чиненов М.В. придерживается мнения, что инвестиционная привлекательность это, в первую очередь, объективные предпосылки для инвестирования [9].

Инвестиционную привлекательность как внутреннее свойство социально-экономических систем, характеризующее их с точки зрения привлечения инвесторов, определяют Якупова Н.М. и Яруллина Г.Р. [10].

Не менее актуальной является и характеристика инвестиционной привлекательности региона с точки зрения анализа целеполагания «субъектов инвестиционного процесса».

Во многих научных трудах встречаются и несколько иные характеристики инвестиционной привлекательности региона. Так, например, Л.В. Плахова [11] рассматривает инвестиционную привлекательность региона как интегральный или синергический фактор, определяющий его конкурентоспособность, а П.Н. Суркин [12] определяет инвестиционную привлекательность как некий «системный информационный ресурс, позволяющий принимать инвестиционно-значимые решения» [12].

В условиях сложившегося многообразия взглядов и подходов к рассмотрению инвестиционной привлекательности единственно общим остается вывод о том, что именно достаточно высокий уровень инвестиционной привлекательности обладает мотивирующим действием при принятии решения инвестором о выборе объекта инвестирования и начале инвестиционной деятельности. В то же время с понятием «инвестиционная привлекательность региона» неразрывно связано такое понятие, как «инвестиционный климат региона». Сущность термина «инвестиционный климат региона» также имеет множество трактовок среди отечественных ученых-исследователей.

Инвестиционный климат в современном экономическом словаре определяется как совокупность экономических, политических и финансовых условий, определяющих интерес инвесторов [13].

Как обобщённую характеристику совокупности различных социально-экономических предпосылок, влияющих на решение инвестора, рассматривают инвестиционный климат Аскинадзи В.М. и Максимова В.М. [14].

Балдин К.В. и Быстров О.Ф. понимают под инвестиционным климатом совокупность факторов, которые предопределяют степень риска инвестиций и возможность их эффективного использования [15].

Деева А.И. определяет инвестиционный климат как определенную среду, формирующую

инвестиционные процессы [16].

Иванов Г.И. считает, что базовой основой инвестиционного климата выступают правовые, экономические и социальные условия осуществления инвестиционной деятельности [2].

Крылов Н.В., Игошин Н.В., Мищенко В.В. и Игонина Л.Л. видят инвестиционный климат как обобщенную характеристику совокупности предпосылок, влияющих на привлекательность и целесообразность инвестирования [17,18,19,20].

Шахназаров А., Ройзман И. и Яшин А.В. видят инвестиционный климат как некую сложившуюся подсистему за определенный промежуток времени, определяющую масштабы инвестиционной деятельности [21,22].

Анализ рассмотренных взглядов и подходов к понятиям «инвестиционная привлекательность региона» и «инвестиционный климат региона», приводит к выводу, что благоприятный инвестиционный климат, который является результатом оптимального воздействия инвестиционной политики на инвестиционный потенциал и риски, приводит к повышению инвестиционной привлекательности региона.

Соответственно категорию «инвестиционный климат» можно представить, в виде сложного комплекса различных характеристик, свойственных как странам и регионам, так и отраслям, которые в той или иной степени связаны с привлечением инвестиционных ресурсов.

Соответственно в такой неисчерпывающийся комплекс «входят следующие виды характеристик: политические, экономические, правовые, социальные, организационные, социальные и культурные» [23].

Соответственно об инвестиционном климате также можно говорить, как о понятии, которое обладает системностью, т. е. инвестиционный климат сам является сложной системой и взаимодействует с экономическими субъектами как часть другой более сложной системы.

Также необходимо отметить, что не всегда инвестиционный климат региона соответствует инвестиционной привлекательности/активности в нем.

Подобное несоответствие является результатом несовпадения инвестиционного климата региона с его инвестиционной привлекательностью.

Объясняется это тем, что объективно существующие данные региона не всегда выступают в роли оценки его инвестиционной привлекательности, соответственно, возникает необходимость анализа и учета субъективных факторов в процессе принятия инвестиционно-значимого решения.

Возможна и недооценка инвестиционного потенциала региона, а также и чрезмерная переоценка его инвестиционных рисков, в тех случаях когда они не совпадают с субъективными ожиданиями и требованиями инвесторов.

Из чего следует, что необходим детальный анализ и понимание совокупности интересов и ожиданий различных категорий инвесторов. Поскольку одни инвесторы могут быть заинтересованы в получении стабильного дохода от вложенных инвестиций при минимальном риске, а другие могут быть нацелены на развитие бизнеса, в то время как третьи – на решение организационно-государственных задач.

По общепринятым правилам, «отечественные учёные-исследователи в своем большинстве рассматривают инвестиционную привлекательность региона с позиции интересов предпринимательских структур и мотива прибыльности» [24].

Однако для региона, как цельной экономической экосистемы, в целом куда более важно построить такую рыночную структуру, которая имела бы своим ориентиром социальный, экологический и инновационный эффекты.

Достижение такой масштабной задачи требует помимо развития механизмов рыночного саморегулирования, и развитие базовых механизмов государственно-правового регулирования инвестиционной деятельности, способные стать сглаживающим инструментом реализации рыночных механизмов.

С подобной точки зрения особый интерес представляет позиция Г.Б. Клейнера [25], который считает, что необходимо рассматривать в инвестиционной сфере, по меньшей мере, трех игроков: государство, экономику (рынок или бизнес) и общество.

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к выводу, что формирование благоприятного регионального инвестиционного климата основывается не только на финансовых инвестициях в различные секторы экономики, но и на так называемых «социальных» и «экологических инвестициях».

При этом большинство современных научных исследований инвестиционных процессов в регионах России лишь частично затрагивают социальные и экологические факторы. Хотя мировой опыт развития инвестиций деятельности доказывает, что «успешное развитие социаль-

но-экономических систем практически невозможно без соответствующего развития образования, здравоохранения и пенсионной системы» [26].

В контексте исследуемых проблем необходимо также рассмотреть и систему факторов, обеспечивающих рост благоприятности инвестиционного климата региона.

В широком смысле «фактор – это существенное обстоятельство в каком-либо явлении, процессе или исходная составляющая чего-либо» [11].

Соответственно, факторы благоприятного инвестиционного климата региона представляют собой некую движущую силу, определяющую характер изменения инвестиционной привлекательности региона, направления и тенденции его формирования.

Что, в свою очередь, предопределяет объективную необходимость классификации всего многообразия факторов, составляющих категорию «инвестиционный климат региона», для определения их качественного и количественного воздействия на инвестиционную привлекательность региона.

«Классификация факторов на объективные и субъективные» [14] предложена В.М Аскинадзи и В.Т. Максимовой [14]. В свою очередь, Гришина И. и Ройзман А. [27] предлагают выделение двух комплексных факторов: «инвестиционный потенциал региона, инвестиционные риски региона» [4].

Л.Л. Игонина [18] особенно выделяет только «систему негативных факторов, определяющих инвестиционный климат» [18]. В свою очередь, Л.В. Плахова [11] рассматривает факторы инвестиционной привлекательности, направленные на формирование конкурентных преимуществ региона. И.Ю. Ткаченко [28] группирует факторы привлекательности иностранных инвестиций на политические, макроэкономические и микроэкономические.

Как комплекс различных факторов инвестиционный климат/привлекательность рассматривает А.О. Шеховцев [29], относя к ним: «экономико-географическое положение, наличие и качество природных ресурсов, уровень развития экономики, наличие и качество трудовых ресурсов, уровень развития инфраструктуры и т.д.» [29].

Большинство ученых-исследователей при определении инвестиционного климата на основе факторного подхода опираются на взаимосвязанные характеристики широкого набора факторов, влияющих на инвестиционный климат.

Основываясь на изученных мнениях и подходах к классификации/группировке факторов инвестиционной привлекательности и инвестиционного климата региона, а также учитывая позиции синтеза теоретических подходов к группировке факторов инвестиционного климата региона, можно предложить следующую обобщённую классификационную характеристику (табл. 1).

Таблица 1

Факторы, определяющие инвестиционный климат

Признак	Определение
Возникновение	Выделяются как внешние, так и внутренние. Оба фактора направленны на выделение и исследование собственных потенциалов и рисков осуществления инвестиционной деятельности.
Интерес	Существуют объективные и субъективные. Определяют инвестиционную активность населения.
Структура	Подразделяются на инвест. потенциал, инвест. риск и законодательные условия. Определяют активность инвестора в совокупности с обьективными рисками.
Влияние	Могут быть как благоприятными, так и неблагоприятными. Позволяют устанавливать степень благоприятности и неблагоприятности инвестиционного климата.
Продолжительность	Бывают долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные. Устанавливают временные прогнозы/ожидания развития инвестиционного климата.
Формирование	Экологические, инновационные, инвестиционно-финансовые, социально-экономические, политико-правовые и т.д.
Предсказуемость	Предсказуемые/прогнозируемые и непредсказуемые/непрогнозируемые.
Управляемость	Управляемые/регулируемые и неуправляемые/нерегулируемые.
Значимость	Возможны как значимые, так и незначимые. Устанавливают определенную степень значимости в зависимости от субъективных ожиданий инвестора.

Расширенная и дополненная классификация факторов инвестиционного климата региона позволит: получить максимально полное и точное представление о его состоянии (улучшение/ухудшение); составить выборку из наиболее адекватных и максимально релевантных факторов, на основе которой строится информационно-аналитическая база, позволяющая принимать инвестиционно-значимые решения.

Резюмируя проведенное исследование, можно отметить, что инвестиционный климат региона это достаточно многомерная и многофакторная научная категория, характеризующаяся определенной совокупностью не сводимых друг к другу факторов.

Инвестиционное развитие региона невозможно без эффективной государственной инвестиционной политики, главная цель которой это формирование механизмов и рычагов государственно-правового воздействия на инвестиционный климат посредством введения новых и усиления действующих механизмов управления, а также совершенствования актов нормативно-правового регулирования инвестиционной деятельности.

Исследуя инвестиционное развитие регионов СКФО, необходимо, в первую очередь, рассмотреть жизнеспособность их инвестиционной политики. Для чего, в первую очередь, определим ключевое направление работы государства в инвестиционной сфере региона:

– содействие росту уровня жизни населения;

– обеспечение занятости населения и развития самозанятости;

– создание благоприятных условий для привлечения инвестиций’

– увеличение налоговых поступлений от субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности и т.д.

Оценить перечисленные направления деятельности государственных органов власти можно с помощью рейтингов развития регионов РФ. За основу нашего исследования возьмем данные рейтингов таких рейтинговых агентств, как «РИА Рейтинг» и «РА Аналитика», поскольку данные именно этих рейтинговых агентств используются ФОИВ в качестве инструмента анализа и корректировки региональной социально-экономической политики.

По данным перечисленных рейтинговых агентств, на сегодняшний день инвестиционная привлекательность 6 республик, входящих в состав СКФО (табл. 2), имеет самые низкие показатели.

Таблица 2

Рейтинговые показатели регионов СКФО за 2019/2020 гг.*

Регион	Социально-экономическое положение	Качество жизни населения	Научно-технологическое развитие	Финансовое благосостояние населения	Уровень безработицы	Закредитованность населения	Инвестиционные риски	Инвестиционный рейтинг
РД	57/49	64/85	78	77	83/78	4/4	84/84	IC9
РИ	82/79	79/78	85	85	85/85	1/1	83/85	IC9
КБР	77/77	75/77	74	81	78/74	11/11	81/81	IC9
КЧР	81/81	84/83	81	83	79/81	50/34	78/76	IC9
РСО-А	78/80	76/70	72	70	84/72	60/67	80/80	IC9
ЧР	68/63	71/74	82	80	82/82	5/3	82/82	IC9
СК	30/37	23/63	52	64	43/52	44/38	30/30	

***Источник:** составлено автором на основе данных «РИА Рейтинг» [30] и «РА Аналитика» [31].*

На основе исследования представленных данных агентств «РИА Рейтинг» и «РА Аналитика» можно прийти к выводу о том, что на сегодняшний день:

– РД, как и остальные республики СКФО, имеет низкий уровень социально-экономического развития и столь же низкий уровень жизни населения;

– инвестиционная привлекательность РД, как и остальных республик СКФО, имеет один из самых низких показателей при наличии высоких инвестиционных рисков и слабого инвестиционного потенциала.

В подобных условиях задача создания благоприятного инвестиционного климата, стоящая перед органами государственной власти республик СКФО, не просто остается вопросом первоочередной важности, а приобретает жизнеобеспечивающий характер. И решение этой задачи лежит в сфере эффективного государственно-правового регулирования инвестиционной

деятельности в регионе посредством реализации государственной инвестиционной политики.

Современная инвестиционная политика регионов СКФО опирается на региональный инвестиционный стандарт, который в 2021 г., согласно Приказу Министерства экономического развития РФ № 591 [32], претерпел существенные изменения в части:

1) «подготовки инвестиционной декларации субъекта Российской Федерации;

2) создания агентства развития субъекта Российской Федерации;

3) создания инвестиционного комитета субъекта Российской Федерации» [32].

Необходимость таких изменений может быть объяснена либо определенной неспособностью субъектов РФ самостоятельно эффективно выстраивать инвестиционную политику, либо желанием федерального центра унифицировать подход к формированию инвестиционных политик субъектов РФ.

Подтверждением тому является низкая эффективность органов исполнительной власти республик СКФО в реализации следующих направлений инвестиционной политики:

1) освоение бюджетных инвестиций;

2) привлечение частных инвестиций;

3) улучшение инвестиционной привлекательности/климата региона.

Так, освоение бюджетных средств, к примеру в РД, на 1 число 10 месяца 2021 г., по данным СП РД [33], просело по всем показателям исполнения комплекса Национальных проектов (рис. 1 и 2).

Рис. 1. *Финансирование национальных проектов на 01.10.2021 г. (млн руб.)*

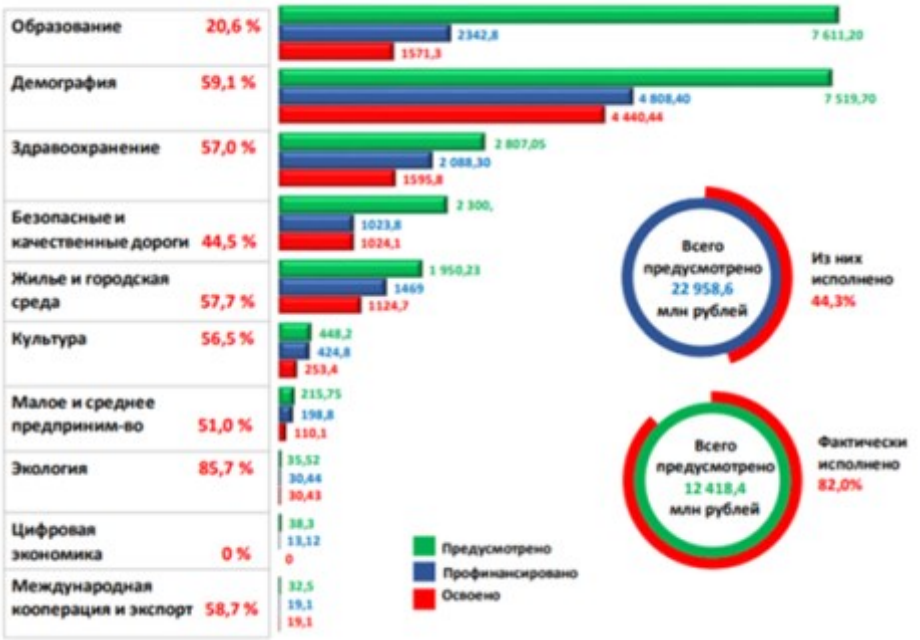


Рис. 2. *Финансирование и освоение расходов на реализацию национальных (региональных) проектов на 01.10.2021 г. (млн руб.)*

Также, согласно данным СП РД, из «48 контрактов, незаключенных по состоянию на 1 октября 2021 г., 25 планируется заключить в октябре, а 23 контракта по нацпроекту “Малое и среднее предпринимательство” в декабре 2021 г.» [33].

Все перечисленное говорит о невыполнении ответственными органами исполнительной власти РД п.9 протокола расширенного заседания Правительства РД от 17 февраля 2021 г., а также пункт 2.3 протокола Координационного совещания по обеспечению правопорядка в Республике Дагестан от 9 апреля 2021 г. № 07-17/2 о необходимости заключении контрактов на 2021 г. в полном объеме до 5 сентября 2021 г.

Главной причиной срыва планового срока заключения контрактов по реализации нацпроектов, по мнению СП РД, «это низкое качество подготовки аукционной документации при размещении заказа» [40].

Поскольку подобная ситуация характерна не только для республик СКФО, но и для большинства субъектов РФ, Правительство РФ приняло решение [34] о том, что с 1 января 2022 г. все национальные проекты вольются в единую систему государственных программ.

Ожидаемые изменения системы государственно-правового управления национальной социально-экономической системой несомненно отразятся на и без того «нерадужной» ситуации в сфере нормативно-правового регулирования инвестиционной деятельности

Все вышеперечисленное приводит к выводу о том, что в свете предстоящих изменений необходим пересмотр и системы государственно-правового регулирования инвестиционной сферы.

Неизбежность изменений в сфере регулирования инвестиционной деятельности приводит к возникновению весьма актуального вопроса – «Как улучшить качество правового регулирования и оценить эффект этого улучшения?».

Отвечая на этот вопрос, необходимо учесть положения теории эффективности правовых явлений, которая оценивает/рассчитывает эффективность правового регулирования, используя комплексный анализ функций правового регулирования.

Базируясь на анализе правового регулирования, мы можем составить матрицу ее эффективности, которая будет содержать вектор-строку и вектор-столбец.

Объединение строк и столбцов даст общую картину эффективности правового регулирования, которая может быть рассчитана либо по формуле: $E_1 = 1 - N_1/O_1$, где E_1 – эффективность; N_1 – количество неосуществленных функций по данному отношению; O_1 – общее количество случаев, либо на основе экспертных оценок.

Из чего следует, что ни в коем случае нельзя оценивать правовое регулирование, а также

Рис. 3. *Алгоритм преодоления низкой эффективности правового регулирования*

эффективность правового регулирования, основываясь только на одном числовом показателе, поскольку такая оценка не будет соответствовать объективной обстановке дел на основании того, что должны учитываться как различные функции регулирования, так и общественные отношения.

Основываясь на комплексной оценке правового регулирования, мы можем выявить и устранить причины ее низкой эффективности, применяя следующий алгоритм действий (рис. 3).

Результаты. Установлена взаимосвязь инвестиционной привлекательности, инвестиционного климата с инвестиционным развитием региона.

Предложена обобщённая классификация характеристик, позволяющая получить максимально полное и точное представление о состоянии инвестиционного климата.

Установлена необходимость пересмотра системы государственно-правового регулирования инвестиционной сферы, базирующейся на эффективности правового регулирования.

Предложен алгоритм действий, позволяющий выявлять и устранять причины низкой эффективности правового регулирования.

Выводы. Инвестиционное развитие региона предполагает направленное действие инвестиционной политики на достижение благоприятности сложившегося инвестиционного климата, который, в свою очередь, невозможен без эффективного правового регулирования.

Литература

1. Аксёнова, С. Инвестиционная привлекательность отдельных регионов России для иностранного капитала. – М. : Лаборатория книги, 2010.
2. Иванов, Г. И. Инвестиционный менеджмент : учеб. пособие. – Ростов н/Д : «Феникс», 2001.
3. Изюмова, О. Н. Экономическая сущность и природа инновационного потенциала и инвестиционной привлекательности региона / Управление экономическими системами. – URL : http://www.uecs.ru/uecs-34-342011/item/690-2011-10-14-09-07-49.
4. Лилев, Н. Инвестиционная привлекательность предприятия. – М. : Лаборатория книги, 2010.
5. Петров, А. А. К вопросу о разработке организационно-экономического механизма инвестиционной привлекательности региона // Проблемы современной экономики. 2007. №1(21).
6. Пронин, А. С. Управление процессом привлечения инвестиций в регионе. – М. : РАГС, 2000.
7. Печёнкина, А. В. Методы оценки привлекательности региона для субъектов бизнеса : дис. ... канд. экон. наук. – Иркутск, 2008.
8. Удалов, Д. А. Инвестиционная привлекательность как основной критерий для принятия инвестиционного решения. Сущность и проблемы её оценки в условиях переходной экономики // Риск: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. 2009. № 4.
9. Чиненов, М. В. Инвестиции : учеб. пособие. – М. : КНОРУС, 2007.
10. Якупова, Н. М., Яруллина, Г. Р. Оценка инвестиционной привлекательности предприятия как фактора его устойчивого развития // Проблемы современной экономики. 2010. № 3 (35).
11. Плахова, Л. В. Формирование системы управления инвестиционной деятельностью в регионе : дис. ... д-ра экон. наук/ – М., 2008.
12. Суркин, П. Н. Развитие инструментария оценки инвестиционной привлекательности организации : дис. ... канд. экон. наук. – М., 2012.
13. Большой экономический словарь ; под ред. А.Н. Азрилиана. – М. : Институт новой экономики, 1999.
14. Аскинадзи, В. М., Максимова, В. М. Инвестиционное дело. – М. : Университетская книга, 2012.
15. Инвестиции : системный анализ и управление ; под ред. К.В. Балдина. – М. : Изд.-торг. корп. «Дашков и К», 2012.
16. Деева, А. И. Экономическая оценка инвестиций : учеб. пособие. – М. : МИКХиС, 2005.
17. Инвестиционный менеджмент : учеб. пособие / кол. авторов под ред. В.В. Мищенко. – М. : КНОРУС, 2010.
18. Игонина, Л. Л. Инвестиции : учеб. пособие / Л.Л. Игонина ; под ред. В.А. Слепова. – М. : Экономистъ, 2005.
19. Игошин, Н. В. Инвестиции. Организация управления и финансирование : учебник для вузов. – М. : ЮНИТИ-Дана, 2001.
20. Крылов, Н. В. Инвестиции в реальный сектор экономики. – М. : Лаборатория книги, 2009.
21. Шахназаров, А., Ройзман, И. Инвестиционная привлекательность регионов // Инвестиции в России. 1996. № 9.
22. Яшин, А. В. Формирование и оценка инвестиционного климата регионов : автореф. ... канд. экон. наук. – Уфа, 2009.
23. Ряховский, Д. И. Анализ инвестиционного климата в России и разработка рекомендаций по привлечению иностранного капитала : монография. – М. : ИЭАУ, 2008.
24. Лаврентьева, Н. Д. Оценка инвестиционного климата и привлекательности экономических систем : автореф. ... канд. экон. наук. – Нижний Новгород, 2009.
25. Вихорева, О. М., Карловская, С. Б. Государство и провалы рынка : зарубежные страны и Россия // Вестник МГУ. 2006. №1. С.75–84.
26. Крылов, Н. В. Инвестиции в реальный сектор экономики. – М. : Лаборатория книги, 2009.

27. Асаул, А. Н., Пасяда, Н. И. Инвестиционная привлекательность региона. – СПб. : СПбГАСУ, 2008. – URL : http://asaul.com/index.php/spisok pechatnihtrudov /118 -monograph/301-investicionnaja-privlekatelnost -regiona.
28. Ткаченко, И. Ю. Инвестиции : учеб. пособие / И.Ю. Ткаченко, Н.И. Малых. – М. : Изд. центр «Академия», 2009.
29. Шеховцев, А. О. Основные факторы инвестиционной привлекательности Дальнего Востока и перспективы её повышения // Инвестиционная привлекательность регионов : причины различий и экономическая политика государства : сб. статей ; под ред. В.А. Мау, О.В. Кузнецовой.
30. Регионы России. Рейтинговое агентство РИА Рейтинг [Электронный ресурс]. – URL : https://riarating.ru/ (дата обращения 21.10.2021 г.).
31. Инвестиционный риск российских регионов в 2020 г. Рейтинговое агентство Аналитика [Электронный ресурс]. – URL : https://raex-a.ru/ (дата обращения 21.10.2021 г.).
32. Приказ Минэкономразвития РФ 30 сентября 2021 г. № 591 «О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»)».
33. Счетная палата РД. – URL : http://www.spdag.ru/ (дата обращения 21.10.2021 г.)
34. Постановление Правительства РФ от 26 мая 2021 г. №786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации». – URL : https://docs.cntd.ru/document/603677013 (дата обращения 21.10.2021 г.).

References:
1. Aksyonova, S. Investicionnaya privlekatel'nost' otdel'nyh regionov Rossii dlya inostrannogo kapitala. – M. : Laboratoriya knigi, 2010.
2. Ivanov, G. I. Investicionnyj menedzhment : ucheb. posobie. – Rostov n/D : «Feniks», 2001.
3. Izyumova, O. N. Ekonomicheskaya sushchnost' i priroda innovacionnogo potenciala i investicionnoj privlekatel'nosti regiona / Upravlenie ekonomicheskimi sistemami. – URL : http://www.uecs.ru/uecs-34-342011/item/690-2011-10-14-09-07-49.
4. Lilev, N. Investicionnaya privlekatel'nost' predpriyatiya. – M. : Laboratoriya knigi, 2010.
5. Petrov, A. A. K voprosu o razrabotke organizacionno-ekonomicheskogo mekhanizma investicionnoj privlekatel'nosti regiona // Problemy sovremennoj ekonomiki. 2007. №1(21).
6. Pronin, A. S. Upravlenie processom privlecheniya investicij v regione. – M. : RAGS, 2000.
7. Pechyonkina, A. V. Metody ocenki privlekatel'nosti regiona dlya sub"ektov biznesa : dis. ... kand. ekon. nauk. – Irkutsk, 2008.
8. Udalov, D. A. Investicionnaya privlekatel'nost' kak osnovnoj kriterij dlya prinyatiya investicionnogo resheniya. Sushchnost' i problemy eyo ocenki v usloviyah perekhodnoj ekonomiki // Risk: Resursy. Informaciya. Snabzhenie. Konkurenciya. 2009. № 4.
9. CHinenov, M. V. Investicii : ucheb. posobie. – M. : KNORUS, 2007.
10. YAkupova, N. M., YArullina, G. R. Ocenka investicionnoj privlekatel'nosti predpriyatiya kak faktora ego ustojchivogo razvitiya // Problemy sovremennoj ekonomiki. 2010. № 3 (35).
11. Plahova, L. V. Formirovanie sistemy upravleniya investicionnoj deyatel'nost'yu v regione : dis. ... d-ra ekon. nauk/ – M., 2008.
12. Curkin, P. N. Razvitie instrumentariya ocenki investicionnoj privlekatel'nosti organizacii : dis. ... kand. ekon. nauk. – M., 2012.
13. Bol'shoj ekonomicheskij slovar' ; pod red. A.N. Azriliana. – M. : Institut novoj ekonomiki, 1999.
14. Askinadzi, V. M., Maksimova, V. M. Investicionnoe delo. – M. : Universitetskaya kniga, 2012.
15. Investicii : sistemnyj analiz i upravlenie ; pod red. K.V. Baldina. – M. : Izd.-torg. korp. «Dashkov i K», 2012.
16. Deeva, A. I. Ekonomicheskaya ocenka investicij : ucheb. posobie. – M. : MIKKHiS, 2005.
17. Investicionnyj menedzhment : ucheb. posobie / kol. avtorov pod red. V.V. Mishchenko. – M. : KNORUS, 2010.
18. Igonina, L. L. Investicii : ucheb. posobie / L.L. Igonina ; pod red. V.A. Slepova. – M. : Ekonomist", 2005.
19. Igoshin, N. V. Investicii. Organizaciya upravleniya i finansirovanie : uchebnik dlya vuzov. – M. : YUNITI-Dana, 2001.
20. Krylov, N. V. Investicii v real'nyj sektor ekonomiki. – M. : Laboratoriya knigi, 2009.
21. SHahnazarov, A., Rojzman, I. Investicionnaya privlekatel'nost' regionov // Investicii v Rossii. 1996. № 9.
22. YAshin, A. V. Formirovanie i ocenka investicionnogo klimata regionov : avtoref. ... kand. ekon. nauk. – Ufa, 2009.
23. Ryahovskij, D. I. Analiz investicionnogo klimata v Rossii i razrabotka rekomendacij po privlecheniyu inostrannogo kapitala : monografiya. – M. : IEAU, 2008.
24. Lavrent'eva, N. D. Ocenka investicionnogo klimata i privlekatel'nosti ekonomicheskih sistem : avtoref. ... kand. ekon. nauk. – Nizhnij Novgorod, 2009.
25. Vihoreva, O. M., Karlovskaya, S. B. Gosudarstvo i provaly rynka : zarubezhnye strany i Rossiya // Vestnik MGU. 2006. №1. S.75–84.
26. Krylov, N. V. Investicii v real'nyj sektor ekonomiki. – M. : Laboratoriya knigi, 2009.
27. Asaul, A. N., Pasyada, N. I. Investicionnaya privlekatel'nost' regiona. – SPb. : SPbGASU, 2008. – URL : http://asaul.com/index.php/spisok pechatnihtrudov /118 -monograph/301-investicionnaja-privlekatelnost-regiona.
28. Tkachenko, I. YU. Investicii : ucheb. posobie / I.YU. Tkachenko, N.I. Malyh. – M. : Izd. centr «Akademiya», 2009.
29. SHekhovcev, A. O. Osnovnye faktory investicionnoj privlekatel'nosti Dal'nego Vostoka i perspektivy eyo

povysheniya // Investicionnaya privlekatel'nost' regionov : prichiny razlichij i ekonomicheskaya politika gosudarstva : sb. statej ; pod red. V.A. Mau, O.V. Kuznecovoj.
30. Regiony Rossii. Rejtingovoe agentstvo RIA Rejting [Elektronnyj resurs]. – URL : https://riarating.ru/ (data obrashcheniya 21.10.2021 g.).
31. Investicionnyj risk rossijskih regionov v 2020 g. Rejtingovoe agentstvo Analitika [Elektronnyj resurs]. – URL : https://raex-a.ru/ (data obrashcheniya 21.10.2021 g.).
32. Prikaz Minekonomrazvitiya RF 30 sentyabrya 2021 g. № 591 «O sisteme podderzhki novyh investicionnyh proektov v sub"ektah Rossijskoj Federacii («Regional'nyj investicionnyj standart»)».
33. Schetnaya palata RD. – URL : http://www.spdag.ru/ (data obrashcheniya 21.10.2021 g.)
34. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26 maya 2021 g. №786 «O sisteme upravleniya gosudarstvennymi programmami Rossijskoj Federacii». – URL : https://docs.cntd.ru/document/603677013 (data obrashcheniya 21.10.2021 g.).

УДК 331.108.26

ГИМБАТОВ ШАМИЛЬ МАГОМЕДОВИЧ
к.э.н., ведущий научный сотрудник
Институт социально-экономических исследований
Дагестанского федерального исследовательского
центра РАН, г. Махачкала
email:gimba@list.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-5-66-72

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН[1]

Аннотация. *Целью статьи является исследование причин экономического отставания региона с позиции особенностей системы воспроизводства трудовых ресурсов и формирования трудового потенциала Республики Дагестан. В рамках данной статьи под трудовым и демографическим потенциалам регионом подразумеваются человеческие ресурсы региона в единстве их количественной и качественной характеристики в контексте обеспечения экономического развития и роста производительности труда. Вводным предположением является тезис о том, что современный уровень развития трудового потенциала Республики Дагестана, не соответствует современным экономическим вызовам. В статье с позиции особенностей системы воспроизводства, формирования, распределения и использования трудовых ресурсов Республики Дагестан дана оценка системы реализации трудового и демографического потенциала региона.*
Ключевые слова: *Трудовые ресурсы, образование, занятость.*

GIMBATOV SHAMIL MAGOMEDOVICH
Ph.D. in Economics, Leading Researcher
at the Institute of Socio-Economic Research of the
Dagestan Federal Research Center of the Russian
Academy of Sciences, Makhachkala
email:gimba@list.ru

PROBLEMS OF FORMATION OF LABOR AND DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Abstract. *The purpose of the article is to study the causes of the economic lag of the region from the standpoint of the peculiarities of the system of reproduction of labor resources and the formation of the labor potential of the Republic of Dagestan. Within the framework of this article, the labor and demographic potential of the region means the human resources of the region in the unity of their quantitative and qualitative characteristics in the context of ensuring economic development and labor productivity growth. An important assumption is the thesis that the current level of development of the labor potential of the Republic of Dagestan does not correspond to modern economic challenges. The article assesses the system of realization of the labor and demographic potential of the region from the perspective of the peculiarities of the system of reproduction, formation, distribution and use of labor resources of the Republic of Dagestan.*
Keywords: *Labor resources, education, employment.*

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках Гранта Главы РД

Введение. Одна из причин нынешней, относительно непростой, ситуации в сфере занятости в Республике Дагестан - неэффективное использование демографического и трудового потенциала населения, в том числе молодого поколения.

Неэффективность системы формирования и управления трудовым потенциалом и воспроизводством трудовых ресурсов являются барьером экономического развития и не обеспечивает качественный переход демографического потенциала Дагестана в человеческий капитал, который структурно и содержательно соответствовал бы требованиям инновационных экономических систем. Как следствие, формируются условия для возникновения фундаментальных барьеров на пути экономического развития региона.

Отсюда и ключевые вопросы, которые выходят на первый план и формируют исследовательские задачи для определения направлений развития системы эффективного использования трудового потенциала. Это, в том числе и вопросы, связанные с инфраструктурными, институциональными и структурными изменениями экономики региона, которые необходимо реализовать для завершения качественной трансформации трудовых ресурсов Республики Дагестан [1].

На рисунке 1 представлена современная повестка, которая на наш взгляд должна учитываться при формировании и развитии системы воспроизводства трудовых ресурсов в регионе.

На переднем крае нами обозначена необходимость пересмотра целей и задач развития трудовых ресурсов в регионе, которые должны отражать актуальные реалии экономического уклада в нашей стране и мире, в рамках стратегических документов Российской Федерации [2].

Рис. 1. *Современная повестка формирования трудового потенциала*

В первую очередь, к ним относится усиление проблем, связанных с энергетическим обеспечением, вопросами продовольственной безопасности, развития здравоохранения и учета экологической ситуации. Следующим вектором современной повестки, существенно меняющим эффективность современных экономических отношений, является процесс активной смены технологического уклада, который характеризуется повсеместным внедрением наукоемких технологий и цифровизации производственных процессов. На уровне социально-трудовых отношений описанные тренды развития экономики напрямую вынуждают менять методы и системы управления во всех сферах народнохозяйственного комплекса. Архаичные подходы управления, которые игнорируют необходимость опираться при принятии решений на современные системы аналитики входящих данных, использовать автоматизированные системы управления, опираться на проектный подход и формирование цифровых моделей для анализа различных сценариев последствий от принятия оперативных и стратегических решений - неконкурентноспособны.

При этом, кроме учета экономической и технологической повестки, необходимо понимание реальной социальной ситуации в равной мере как на глобальном, так и на локальном уровне, так как социальные тренды напрямую воздействуют на направление характера стратегических решений и по сути являются как отражением их результата, косвенно и непосредственно воздействуя на выбор управленческого инструментария.

1. Анализ условий формирования рабочей силы и проблемы развития рынка труда в Республике Дагестан

Ситуация в сфере занятости в последние десятилетия на территории Республики Дагестан является результатом хронического отставания экономики и образовавшегося за последние десятилетия комплекса социальных проблем. Характерными особенностями рынка труда региона и экономики в целом являются: переизбыток трудовых ресурсов; высокие темпы роста численности трудовых ресурсов; низкий уровень обеспеченности объектами и услугами социальной сферы; низкий уровень собственных налоговых поступлений и высокий уровень дотационности бюджета; низкая инвестиционная привлекательность. [3]

Численность рабочей силы в 2019 г. в стране составила примерно 76 млн человек (в СКФО – 4,6 млн). Среди регионов СКФО почти по 1,4 млн человек рабочей силы находятся в Республике Дагестан и в Ставропольском крае. Число занятых в абсолютном выражении самое большое также в Ставропольском крае и Республике Дагестан – 1,2 и 1,1 млн человек соответственно. Выросло и количество безработных в возрасте старше 50 лет – их доля в общей структуре составляет 15,9%, или чуть более 760 тысяч человек (против неполных 600 тысяч в августе 2019 года).

Сложная экономическая ситуация и отсутствие возможности поиска квалифицированного труда усугублялась в прошедшие годы относительно высоким темпами прироста населения в регионе. Одновременно с этим наблюдается процесс постепенного замедления процессов воспроизводства населения, что в ближайшем будущем способно снизить напряженность на рынке труда в целом, но в тоже время может вызвать в когортах молодого поколения рабочей силы проблемы, связанные с более высокой концентрацией молодежи среди безработного населения.

В настоящее время, проблемы эффективного развития рынка труда и всей системы воспроизводства трудовых ресурсов, продуцируют рост безработицы и миграционной убыли населения [4]. На фоне изменений динамики естественного прироста населения в Республике Дагестан происходит изменение структуры воспроизводства трудовых ресурсов, сокращение трудоспособного и увеличение доли пожилого населения [5].

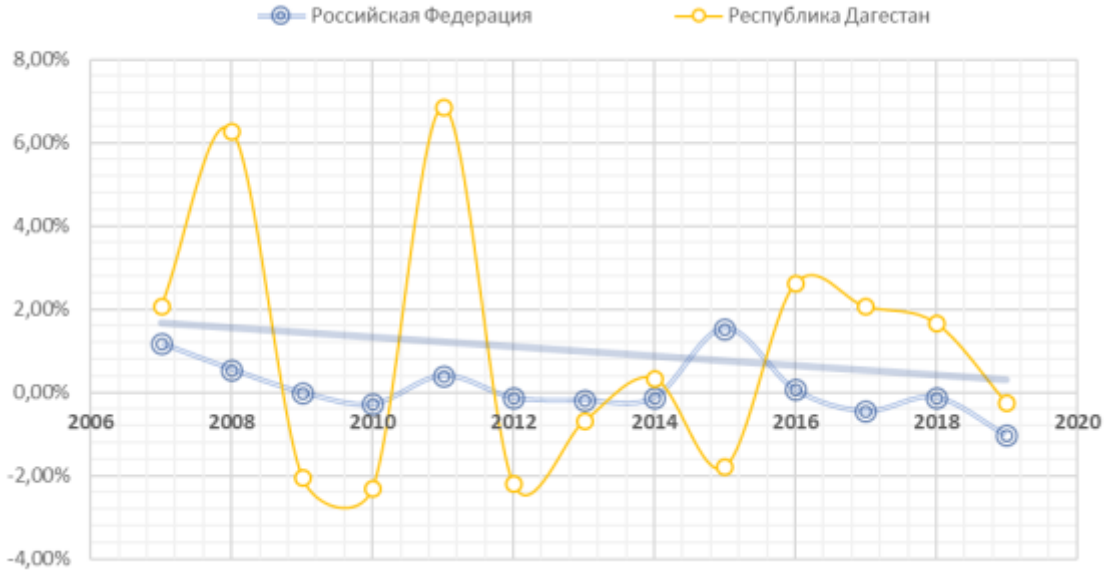


Рис. 2. *Динамика прироста численности рабочей силы в Республике Дагестан, СКФО и РФ (%).*
Источник: *рассчитано автором на основе https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/hzhqtw2w/pril-rab-sila20.rar*

Обратим внимание на достаточно примечательную динамику изменений прироста численности рабочей силы в Республике Дагестан, для которой характерны резкие перепады, по сравнению с динамикой рабочей силы в целом по России (см. рис. 2).

В условиях новых социальных вызовах, связанных с распространением короновирусной инфекции, усиливаются проблемы в сфере занятости, сокращается количество рабочих мест и растет численность безработных. В Республике Дагестан почти 16% числились в 2020 г. безработными [6].

В 2020 г. из 4,8 млн человек нетрудоустроенных, 21,8% приходился на молодежь в возрасте до 25 лет, то есть более миллиона молодых людей не могут найти работу (годом ранее в этой категории было чуть меньше 800 тысяч человек).

2. Проблемы функционирования системы образования Республики Дагестан

Эффективно функционирующая экономика предполагает системное взаимодействие рынка образовательных услуг и рынка труда. Неготовность системы образования быть мобильной по отношению к происходящим в социально-экономической сфере изменениям, создает диспропорции между спросом и качеством предложения на региональных рынках труда.

В целом в Российской Федерации из порядка 72 млн занятого населения - 33% имеют высшее образование, 44% являются специалистами со средним специальным образованием, а 1/5 занятого населения является квалифицированными рабочими специалистами.

В Республике Дагестан в численности занятых, прошедших подготовку квалифицированных рабочих всего 26% против 45% по России в целом. При этом удельный вес занятых, имеющих только «среднее общее образование», или, другими словами, только школьное образование порядка 29% (в стране в целом таких граждан не более 16%).

Со средним общим образованием и только основным общим среди безработного населения Республики Дагестан 53% безработных, тогда как по России в целом около 35% при этом на порядок больше в Дагестане безработных исключительно только с основным общим образованием (т.е. до 9 класса средней школы).

Рис. 3. *Безработные в СКФО по уровню образования (в процентах). Составлено автором на основе данных выборочного обследования Росстата «Труд и занятость в России, 2021».*

Таким образом более половины из всех безработных имеют только среднее и общее образование (рис.3.).

Республика Дагестан регион с одним из самых низких показателей развития сферы высшего, профессионального и среднего образования уровня. На протяжении последних десяти лет

идет планомерное сокращение воспроизводственного процесса трудовых ресурсов в сфере высшего образования внутри региона. Как абсолютные, так и относительные данные свидетельствуют о двукратном снижении количества студентов и организаций (см. табл. 1).

Таблица 1

Образовательные организации высшего образования и научные организации, осуществляющие образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в Республике Дагестан (на начало учебного года)

Показатели	2010/ 2011	2015/ 2016	2016/ 2017	2017/ 2018	2018/ 2019
Число организаций	58	40	34	31	30
Численность студентов, тыс. человек	108,1	71,0	62,0	55,4	52,6
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 человек населения, человек	371	235	204	181	171
Из общей численности студентов - женщины, тыс. человек	55,5	34,0	30,5	27,3	26,1

Источник: *составлено по данным Федеральной службы государственной статистики Республики Дагестан [6].*

По итогам различных независимых друг от друга образовательных рейтингов регионов России, проводимых независимыми экспертными организациями, и, в частности интернет-изданием «Капитал страны» (таблица 1), агентством RAEX и аналитиками НИУ Высшей школы экономики, представляющих оценку образовательного потенциала регионов страны Республика Дагестан находится на одной из самых низких позиций развития сферы высшего образования среди субъектов России. Часть из данных рейтингов проводилась около 5 лет назад, в связи с чем может справедливо возникнуть вопрос об их актуальности, но в целом надо признать, что они отражают общую ситуацию, сложившуюся в системе подготовки профессиональных кадров в регионе за последние десятилетия. Оценка обычно производилась по укрупненным направлениям отражающих: обеспеченность образовательными услугами, финансовую обеспеченность, территориальную доступность, научную результативность и т.д. [7]

Среднеитоговое место во всех обозначенных выше рейтингах у Республик Дагестан находится на 80-м значении. Наиболее высокая оценка была присвоена аналитиками Высшей школы экономики по уровню обеспеченности качественными местами (44 место). При этом по уровню финансовых возможностей получения образования в Республике Дагестан на одном из последних мест согласно данному рейтингу [8].

Рейтинг регионов России по уровню реализации образовательного потенциала в естественно-математической и инженерно-технической сферах подготовленный рейтинговым агентством RAEX [9] разместил Республику Дагестан на 75 месте. При этом соседи Дагестана по СКФО - Ставропольский край, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия-Алания находятся на порядок выше в данном рейтинге (на 21, 56 и 63 местах, соответственно).

Проблемы в сфере высшего образования, как базового элемента системы воспроизводства трудовых ресурсов, естественным образом перетекают из системы школьного образования.

Федеральная служба по надзору в сфере образования в марте 2021 года представило результаты проводимой ведомством оценки регионов России по качеству школьного образования в регионах России на основе расчета 13 качественных показателей по уровню результативности обучения в школах, практик ориентированности школьного образования и управления системой образования [10]. Наглядные данные о качестве образования в дагестанских школах демонстрируются оценкой уровня подготовки выпускников школ. Для этого рассчитываются показатели достижения минимального и высокого уровня подготовки на основе данных о региональных результатах ЕГЭ-2021, ОГЭ-2021 и ВПР-2021. Для получения значения показателя рассчитываются доли участников этих оценочных процедур, которые либо не преодолевают минимальную границу, либо преодолевают ее с минимальным запасом в 1-2 балла или в случае с показателем достижения высокого уровня преодолевают с запасом в 1-2 балла границу, соответствующую высокому уровню подготовки.

Так, к примеру, показатель «Использование компьютеров», который отражает практику использования в школах компьютеров на уроках информатики и рассчитывается как доля школ в регионе, в которых ученики выбирали ЕГЭ-2021 по информатике. Республика Дагестан на последней позиции по данному показателю, а среди муниципалитетов региона только

у г. Махачкалы значение показателя находится на высоком уровне. При анализе в сравнении с другими субъектами РФ с низким уровнем показателя «Использование компьютера» только в Дагестане более 98% муниципалитетов имеют наименьший уровень развития IT направления.

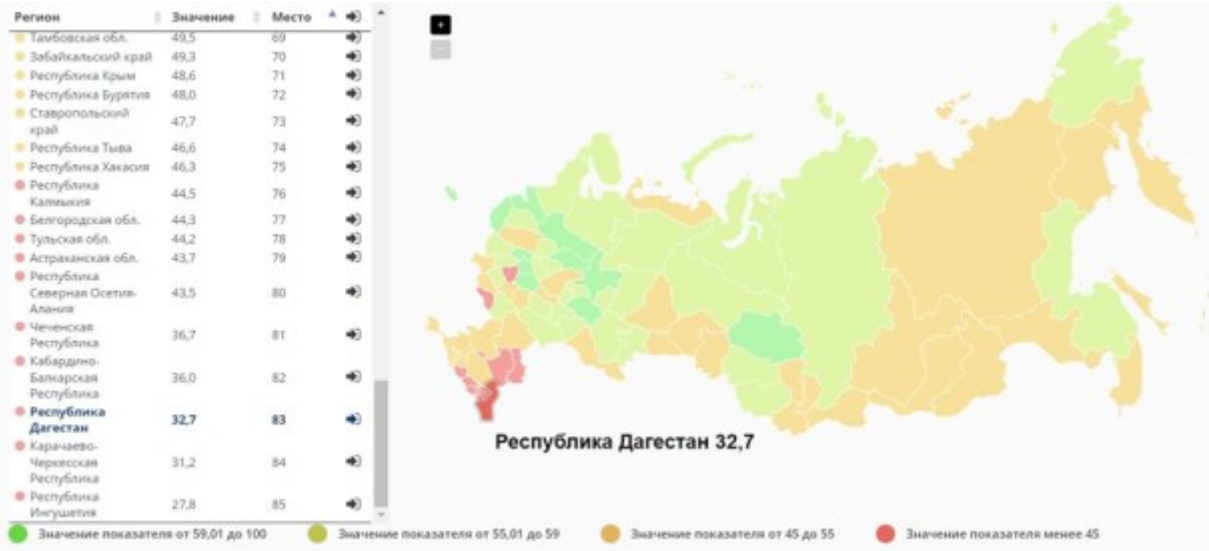


Рис. 4. *Функциональная грамотность*

Другой показатель «Функциональная грамотность», который рассчитывается как средневзвешенный процент выполнения в регионе заданий ВПР-2021, направленных на оценку умений применять полученные знания в практических ситуациях. И в данной оценке, к сожалению, у Дагестана одно из низких значений (рис. 4).

Данные представленного мониторинга, к сожалению, являются подтверждением общепринятого мнения о недостаточном качестве среднего общего образования в республике. Конечно, надо понимать, что рассчитанная оценка для городских территориях региона и особенно для Махачкалы, будет относительно высокой. И надо учитывать достаточно высокую долю сельских территорий в Дагестан.

Заключение. Реализация трудового потенциала человека в условиях специфических условий на рынке труда возможна только при условии модернизации всей системы подготовки профессиональных кадров, которая в свою очередь должна быть ориентирована на повышение конкурентоспособности специалистов. При этом необходимо учитывать целый ряд проблем, существующий в настоящее время в данной сфере:

Основные проблемы, которые косвенно и напрямую воздействуют на общую социальную ситуацию в регионе, по-нашему мнению, прежде всего, связаны с изменением образа жизни и новыми социально-экономическими вызовами, среди которых:

– Низкий уровень трудового потенциала населения, проблемы трудоустройства молодежи и общая трудоизбыточность региона.

– Стихийный миграционный отток населения, нерегулируемая урбанизация и активное переселение сельского населения в города.

– Происходит процесс постепенного сокращения разрыва между показателями трудового замещения в СКФО и РФ.

– Отмечается слабая степень взаимодействия работодателей и вузов.

– Формальность, либо поверхностное прохождения учебной, производственной практик на предприятиях.

– Несоответствие материально-технической базы, учебно-практических возможностей современным требованиям.

Очень важно, чтобы органы исполнительной власти, имели четкое представление о возникающих тенденциях на рынке труда, существующем и потенциальном спросе в различных отраслях экономики и активно участвовали в формировании «портфеля компетенций» востребованных на региональном рынке труда. Такой механизм позволит сложить четкое представление у населения при выборе соответствующих профессий. В какой-то степени это позволит избежать профессионально-квалификационного дисбаланса между спросом и предложением

на рынке труда.

Как представляется, одно из решений, отмеченных в данном исследовании проблем, активное стимулирование предпринимательской активности молодежи. При этом необходим постоянный комплексный мониторинг в таких сферах как: система подготовки кадров, ситуации на рынке труда, миграционное движение населения и т.д.

Вследствие многообразия инструментов, а также в силу социальной важности управления трудовыми ресурсами и эффективного функционирования рынка труда Республики Дагестан регулирование процессами занятости в регионе нуждается в методологическом изменении. При этом выбор приоритетов при реализации политики занятости, должен основываться на определении эффективного инструментария государственного регулирования сферы труда и от существующих социально-экономические условий, в том числе базироваться на научно обоснованном представлении о факторах и особенностях воспроизводства трудовых ресурсов и тенденциях демографического развития населения в регионах.

Литература

1. Гасанов М.А. Формирование эффективной инфраструктуры - важный фактор общественно-политической трансформации в Республике Дагестан (оценка и перспективы). В сборнике: Республиканские общественно-политические гусаевские чтения. сборник материалов конференции. Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан. Махачкала, 2021. С. 88-110.
2. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642»О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» Источник [Электронный ресурс] http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449 (дата обращения 15.04.2022)
3. Дохолян С.В. Анализ индикаторов оценки уровня проблемности региона. Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 9 (131). С. 45-53.
4. Кутаев Ш.К., Гимбатов Ш.М . Факторы улучшения ситуации на рынке труда. Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3 (48). С. 69-73.
5. Гимбатов Ш.М. Формирование проблемы старения населения в Республике Дагестан. Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 7 (117). С. 83-87.
6. Российский статистический ежегодник. [Электронный ресурс] // Статистический сборник. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_13/Main.htm (дата обращения 29.08.2021г.)
7. Хаджалова Х.М. Человеческий потенциал регионов северного кавказа: состояние и развитие. Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 4. С. 551-566.
8. Доступность высшего образования в регионах России / А. Д. Громов, Д. П. Платонова, Д. С. Семенов, Т. Л. Пырова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 32 с. – 300 экз. – (Современная аналитика образования. № 8). [Электронный ресурс] https://ioe.hse.ru/data/2017/01/30/1114281696/САО%208_финал-электронный.pdf (дата обращения 29.08.2021г.)
9. Рейтинг регионов России по уровню реализации образовательного потенциала в естественно-математической и инженерно-технической сферах (2022 год). [Электронный ресурс] https://raex-rr.com/pro/regions/other_ratings/regions_by_education_potential_in_tech/2022/methods/ (дата обращения 29.04.2022 г.)
10. Показатели субъектов Российской Федерации по итогам 2021 года Источник: Официальный сайт Рособрнадзора. [Электронный ресурс] https://maps-oko.fioco.ru/ (дата обращения 29.04.2022 г.)

References:

1. Gasanov M.A. Formirovanie effektivnoj infrastruktury - vazhnyj faktor obshchestvenno-politicheskoj transformacii v Respublike Dagestan (ocenka i perspektivy). V sbornike: Respublikanskie obshchestvenno-politicheskie gusaevskie chteniya. sbornik materialov konferencii. Ministerstvo po nacional'noj politike i delam religij Respubliki Dagestan. Mahachkala, 2021. S. 88-110.
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 01.12.2016 g. № 642»O Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii» Istochnik [Elektronnyj resurs] http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449 (data obrashcheniya 15.04.2022)
3. Doholyan S.V. Analiz indikatorov ocenki urovnya problemnosti regiona. Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2021. № 9 (131). S. 45-53.
4. Kutaev SH.K., Gimbatov SH.M . Faktory uluchsheniya situacii na rynke truda. Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2019. № 3 (48). S. 69-73.
5. Gimbatov SH.M. Formirovanie problemy stareniya naseleniya v Respublike Dagestan. Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2020. № 7 (117). S. 83-87.
6. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. [Elektronnyj resurs] // Statisticheskij sbornik. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_13/Main.htm (data obrashcheniya 29.08.2021g.)
7. Hadzhalova H.M. CHelovecheskij potencial regionov severnogo kavkaza: sostoyanie i razvitie. Kreativnaya ekonomika. 2020. T. 14. № 4. S. 551-566.
8. Dostupnost' vysshego obrazovaniya v regionah Rossii / A. D. Gromov, D. P. Platonova, D. S. Semenov, T. L. Pyrova; Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut obrazovaniya. – M.: NIU VSHE, 2016. – 32 s. – 300 ekz. – (Sovremennaya analitika obrazovaniya. № 8). [Elektronnyj resurs] https://ioe.hse.ru/data/2017/01/30/1114281696/SAO%208_final-elektronnyj.pdf (data obrashcheniya 29.08.2021g.)
9. Rejting regionov Rossii po urovnyu realizacii obrazovatel'nogo potenciala v estestvenno-matematicheskoj i inzhenerno-tekhnicheskoj sferah (2022 god). [Elektronnyj resurs] https://raex-rr.com/pro/regions/other_ratings/regions_by_education_potential_in_tech/2022/methods/ (data obrashcheniya 29.04.2022 g.)
10. Pokazateli sub"ektov Rossijskoj Federacii po itogam 2021 goda Istochnik: Oficial'nyj sajt Rosobrnadzora. [Elektronnyj resurs] https://maps-oko.fioco.ru/ (data obrashcheniya 29.04.2022 g.)

УДК 316.334.55:332.144(470.44)

АБДУЛМАНАПОВ ПИРМАГОМЕД ГАБИБУЛЛАЕВИЧ
к.э.н., старший научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала,
e-mail: raha77@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-5-73-79

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Целью исследования *является изучение особенностей миграционного поведения населения Республики Дагестан и выявление социально-экономических и психологических причин, формирующих миграционные установки трудоспособных групп населения региона. В процессе исследования использовались* ***методы научного познания:*** *анкетного, статистического, экономико-математического моделирования. Информационную базу исследования составили данные официальной статистики и материалы социологического обследования населения. Выборочное социологическое обследование проведено путем анкетного опроса. Для этого был разработан инструментарий, позволяющий провести анализ миграционного поведения с позиции формирования миграционных установок и определения факторов, препятствующих их реализации.* ***Результаты.*** *Выявлено, что Дагестан по настоящее время продолжает терять трудовой потенциал из-за высокой миграционной активности населения. Несмотря на двукратное снижение миграционной убыли за последнее десятилетие, отрицательный миграционный прирост остается на достаточно высоком уровне. Число выбывающих значительно превышает числа прибывающих в регион по всем возрастным группам. Среди выбывающего населения на сегодня три четверти относятся к трудоспособному возрасту. Существенная доля склонных к миграции жителей желает уехать в другие регионы страны и мотивирована стремлением дать все лучшее своим детям и высоким заработком на новом месте жительства.* ***Выводы.*** *Анализ основных результатов социологического исследования показывает, что миграционные настроения населения в Республике Дагестан в настоящее время остаются на достаточно высоком уровне. Около одной трети взрослого населения в той или иной мере хотели бы сменить место жительства в пределах родного региона. Столько же при определенных условиях согласились бы выехать в другие регионы страны в поисках лучшей жизни. Желание и стремление дагестанцев к миграции формируются отсталостью в экономическом развитии республики и проблемами в социальной сфере. Кроме того, миграционный опыт знакомых и родственников, которым удалось улучшить финансовое состояние своих семей посредством смены места жительства, становится весомым аргументом в принятии положительного решения в пользу реализации миграционных установок.*

Ключевые слова: *миграция, миграционное поведение, миграционные установки, демографическое поведение.*

ABDULMANAPOV PIRMAGOMED GABIBULLAYEVICH
Ph.D. in Economics, Senior Researcher at the Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala,
e-mail: raha77@mail.ru

MIGRATION ATTITUDES OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN IN MODERN CONDITIONS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. The purpose *of the study is to study the peculiarities of migration behavior of the population of the Republic of Dagestan and to identify socio-economic and psychological reasons that form the migration attitudes of able-bodied groups of the population of the region. In the course of the research,* ***methods of scientific*** *cognition were used: questionnaire, statistical, economic and mathematical modeling. The information base of the study was made up of official statistics and materials of a sociological survey of the population. A sample sociological survey was conducted by means of a questionnaire survey. For this purpose, a toolkit has been developed that allows an analysis of migration behavior from the perspective of the formation of migration attitudes and the identification of factors hindering their implementation.* ***Results.*** *It has been revealed that Dagestan continues to lose its labor potential due to the high migration activity of the population. Despite a twofold decrease in migration loss over the past decade, negative migration growth remains at a fairly high level. The number of departures significantly exceeds the number of arrivals in the region for all age groups. Among the retiring population today, three-quarters are of working age. A significant proportion of residents prone to migration want to move to other regions of the country and are motivated by the desire to give the best to their children and high earnings in a new place of residence.* ***Conclusions.*** *The analysis of the main results of the sociological research shows that the migration sentiment of the population in the Republic of Dagestan currently remains at a fairly high level. About one third of the adult population in one way or another would like to change their place of residence within their native region. The same number, under certain conditions, would agree to travel to other regions of the country in search of a better life. The desire and aspiration of Dagestanis to migrate are formed by the backwardness in the economic development of the republic and problems in the social sphere. In addition, the migration experience of friends and relatives who have managed to improve the financial condition of their families by changing their place of residence becomes a weighty argument in making a positive decision in favor of implementing migration policies.*
Keywords: *migration, migration behavior, migration attitudes, demographic behavior.*

Введение. В последние годы в регионах России наблюдаются негативные тенденции миграционного и демографического развития. Угрозы демографической стабильности наблюдаются даже в благополучных территориях Северного Кавказа. В условиях пандемии угрозы обострились и обозначили наиболее уязвимые процессы. В Республике Дагестан нарушение тенденций демографического развития обусловило потребность в социологических исследованиях в области миграционного поведения населения. Данные исследования позволяют выявить возрастно-половой состав выбывающих мигрантов, определить комплекс экономических и психологических факторов, оказывающих влияние на принятие решения о смене постоянного места жительства.

Целью данного исследования являлось изучение особенностей миграционного поведения населения Республики Дагестан и выявление социально-экономических и психологических причин, формирующих миграционные установки трудоспособных групп населения региона.

Выборочное социологическое обследование проведено путем анкетного опроса. Для этого был разработан инструментарий, позволяющий провести анализ миграционного поведения с позиции формирования миграционных установок и определения факторов, препятствующих их реализации. Исследование относится к аналитическому типу теоретико-прикладного характера и одномоментного вида. Социологический опрос проводился во второй половине 2020 г. в Республике Дагестан, в котором приняли участие 332 человек. Обработка анкетного материала проводилась с применением программы SPSS.

Миграционная ситуация в регионе. Одним из факторов формирования трудового потенциала региона является миграция населения. Миграционные процессы способны оказывать как позитивное влияние на трудовой потенциал, так и негативное. В том случае когда в привлекаемом посредством миграции населении преобладает квалифицированная рабочая сила в молодых трудоспособных возрастах, миграционный процесс вносит весомый вклад в качественный уровень развития трудовых ресурсов. Но в противоположность этому явлению действуют процессы, связанные с оттоком из территории человеческих ресурсов, в т. ч. профессионально подготовленной рабочей силы в трудоспособном возрасте.

За последний год из республики выбыло всего 43,5 тыс. человек, а прибыло лишь 39 тыс.

человек. Миграционный прирост общей численности населения Республики Дагестан как разница между число прибывших и числом выбывших в настоящее время является отрицательным. Из региона уезжает людей больше, чем сюда приезжает. По данным миграционной службы за 2020 г. убыль численности населения Дагестана из-за миграции составила 4,5 тыс. человек. Причем, отрицательное сальдо сложилось по всем возрастным группам (рис. 1).

Рис. 1. *Распределение мигрантов по возрастным группам за 2020 г. (число прибывших и число выбывших), человек*

Но по сравнению с 2010 г. отрицательный миграционный прирост снизился более чем в два раза.

Соотношение основных возрастных групп в миграционных потоках позволяют характеризовать качественную составляющую трансформации трудового потенциала. Так, в 2020 г. по сравнению с 2010 г. возрастная структура потоков выбывающих и прибывающих без существенных изменений. В числе прибывших в 2010 и 2020 гг. доля населения старше трудоспособного возраста составила 6%. Возрастная категория моложе трудоспособного возраста с 2,5 тыс. человек в 2010 г. повысилась до 7 тыс. в 2020 г., повысив свою долю в структуре с 7% до 18%. Такое увеличение удельного веса детского населения произошло полностью за счет мигрантов трудоспособного возраста, которых стало на 1 тыс. меньше (рис. 2).

Рис. 2. *Распределение мигрантов по возрастным группам (число прибывших), человек*

Среди выбывающего из Республики Дагестан населения на сегодня три четверти относятся к трудоспособной возрастной категории. По сравнению с 2010 г. снизились как их удельный вес в возрастной структуре выбывающих мигрантов, так и абсолютное значение. В численном выражении выбывающий из региона миграционный поток трудоспособного возраста уменьшился почти на 5,5 тыс. человек. Больше стало покидать республику за последнее десятилетие население моложе трудоспособного возраста – на 3,5 тыс. человек. А населения пенсионного возраста и в 2010 г., и в 2020 г. уезжает из Дагестана примерно в 2,5 тыс. человек (рис. 3).

Рис. 3. *Распределение мигрантов по возрастным группам (число выбывших), человек*

Таким образом, «возвратный» миграционный поток в Дагестане в настоящее время в значительной степени компенсирует потери качества трудовых ресурсов, оцененных возрастными параметрами, в результате выезда из территории лиц данной категории. Но при этом можно считать, что существенных изменений в качестве трудового потенциала в результате встречного влияния двух миграционных факторов в 2020 г. не проявилось.

Результаты опроса населения. Миграционный потенциал региона остается на сравнительно высоком уровне. Однако большинство опрошенных местных жителей, которые готовы переехать, все же планирует сменить место жительства внутри республики. Это подтверждается и на фактических данных миграции населения. Особенностью региона является то, что процесс урбанизации еще продолжается, и люди активно переезжают из сельской местности в городскую [2].

Более 31% опрошенных изъявили желание поменять место жительства в пределах Республики Дагестан (табл.). Наибольшие миграционные потери республики происходят за счет межрегиональной миграции. Желание уехать из Дагестана вместе с семьей проявили около 32%. Почти все муниципальные районы в настоящее время теряют население за счет миграционной убыли.

Таблица

Миграционные настроения в Республике Дагестан, в %

Тенденция	Процент
Желание поменять место жительства в пределах Республики	31,1
Желание уехать вместе с семьей за пределы Дагестана	31,7

Нежелание менять место жительства внутри республики дагестанцы обосновывают разными причинами (рис. 4). Более половины опрошенных объясняют свою низкую миграционную активность привязанностью к родным местам. В качестве второй важной причиныи28% респондентов указывают семейные обстоятельства. Также 11% населения считает, что в переезде на новое место нет необходимости, так как устраивает имеющаяся работа и заработок.

Из желающих мигрировать за пределы Республики Дагестан большинство хотели бы уехать в другие регионы России – 72% (рис. 5). На втором месте желающие уехать в ближнее зарубежье – около 17%. Еще 11% респондентов изъявили желание выехать с семьёй в страны дальнего зарубежья – в основном это Германия.

На миграционное притяжение и отторжение населения влияют, прежде всего, такие факторы, как наличие работы, уровень заработков, экологическая ситуация, уровень профессионального образования, урбанизация и т. д. [7]. Основными причинами желания местных жителей республики переехать в другой населенный пункт за пределами родного региона являются стремление дать все лучшее своим детям (40,7%) и высокий уровень заработка на новом месте жительства (26,7%) (рис. 6). Нестабильность в регионе побуждает к миграции 9% женского населения, а еще 10% хотели бы сменить место жительства по причине отсталости социальной инфраструктуры в Дагестане.

Рис. 4. *Основные причины отказа от внутрирегиональной миграции населения Республики Дагестан*

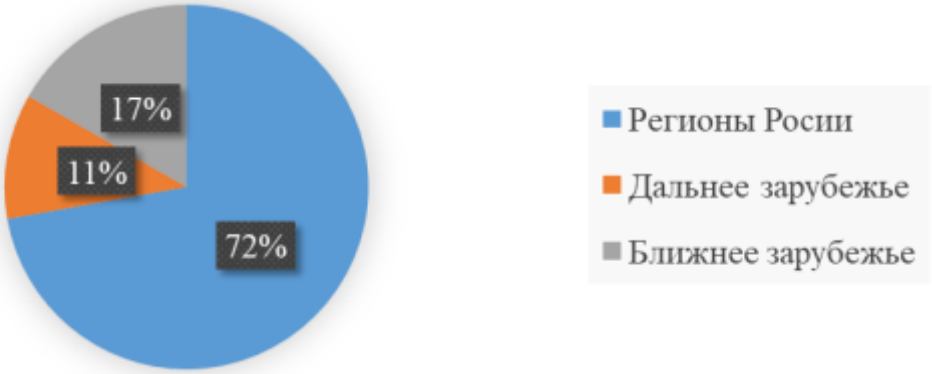


Рис. 5. Основные направления миграционных потоков

Рис. 6. *Причины желания уехать из Республики Дагестан*

Отсутствие у дагестанцев желания уехать из республики на постоянное место жительства, в первую очередь, обусловлено семейными обстоятельствами – более 50%. Около 20% опрошенных устраивает своя работа и заработок, что нивелирует миграционные установки. Высокий уровень оплаты труда на новом месте является стимулом к миграции лишь для 13,3% опрошенных. Кроме того, около 52% населения, изъявившего желание к переезду на новое место жительства за пределами республики, не хотят работать не по своей специальности.

Относительно продолжительности срока миграции за пределами региона ответы у опрошенных разнятся. Примерно, одна треть населения не готова более трех лет находится в трудовой миграции. Но столько же людей хотят уехать из родной республики навсегда. Чуть больше 20% жителей Дагестана предпочитают выехать на срок от 3 до 10 лет.

Миграционные процессы во всем мире обуславливаются стремлением улучшить свою жизнь [3]. Люди переезжают туда, где проще жить, легче заработать, где более развита социальная инфраструктура, где более безопасно. Такими же целями руководствуются и дагестанцы, решаясь на миграционный переезд. По мнению 75% опрошенных, у их родственников и знакомых, уехавших из республики в качестве трудовых мигрантов, жизнь улучшилась на новом месте проживания. Более 20% считает, что у мигрантов уровень жизни остался прежним. И лишь 5% ответили, что у их родственников жизнь после переезда стала хуже.

Выводы. Анализ основных результатов социологического исследования показывает, что миграционные настроения населения в Республике Дагестан в настоящее время остаются на достаточно высоком уровне. Около одной трети взрослого населения в той или иной мере хотели бы сменить место жительства в пределах родного региона. Столько же при определенных условиях согласились бы выехать в другие регионы страны в поисках лучшей жизни. Желание и стремление дагестанцев к миграции на новое постоянное место жительства формируются и подпитываются отсталостью в экономическом развитии республики по сравнению с большинством субъектов федерации и проблемами в социальной сфере. А также миграционный опыт знакомых и родственников, которым удалось улучшить финансовое состояние своих семей посредством смены места жительства, становится весомым аргументом в принятии положительного решения в пользу реализации миграционных установок.

Литература

1. Абдулманапов, П. Г. Репродуктивное поведение населения Республики Дагестан // Народонаселение. 2008. № 4. С. 121–127.
2. Абдулманапов, П. Г., Хаджалова, Х. М. Самосохранительное поведение молодёжи демографически благополучного региона // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 1 (23). С. 208–215.
3. Абидов, М. Х. Современные подходы к формированию миграционной политики в России // УЭПС: Управление, экономика, политика, социология. 2015. №1. С. 80–84.
4. Артюхин, М. И., Пушкевич, С. А., Щурок, Э. М. Миграционные установки социально-демографических групп населения Беларуси : социологический анализ. doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.2.6.
5. Архангельский, В. Н., Иванова, А. Е., Рыбаковский, Л. Л. Результативность демографической политики России / В.Н. Архангельский, А.Е. Иванова, Л.Л. Рыбаковский ; под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М. : Изд-во «Экон-Информ», 2016.
6. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2020 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, В. Н. Архангельский [и др.] ; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. – М. : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2021.
7. Хаджалова, Х. М. Оценка социально-экономического развития регионов СКФО в аспекте обеспечения высокого уровня качества жизни // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. 2015. № 1. С. 91–103.
8. Kostina, S., Zaitseva, E. Reproduction of human resources in urban and rural areas of Russia: what the number of children depends on // Proceedings of the 2nd International Conference on Education Reform, Management and Applied Social Science (ERMASS 2019). – Xiamen, 2019 [Электронный ресурс]. – URL : http://dpi-proceedings.com/index.php/ dtssehs/issue/view/386 (дата обращения 12.02.2020)
9. Defronzo, J. Cross-Sectional Areal Analyses of Factors Affecting Marital Fertility : Actual versus Relative Income // Journal of Marriage and Family. 1976. Vol. 38(4). P. 669–676.

References:

1. Abdulmanapov, P. G. Reproduktivnoe povedenie naseleniya Respubliki Dagestan // Narodonaselenie. 2008. № 4. S. 121–127.
2. Abdulmanapov, P. G., Hadzhalova, H. M. Camosohranitel'noe povedenie molodyozhi demograficheski blagopoluchnogo regiona // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. 2016. № 1 (23). S. 208–215.
3. Abidov, M. H. Sovremennye podhody k formirovaniyu migracionnoj politiki v Rossii // UEPS: Upravlenie, ekonomika, politika, sociologiya. 2015. №1. S. 80–84.
4. Artyuhin, M. I., Pushkevich, S. A., SHCHurok, E. M. Migracionnye ustanovki social'no-demograficheskih grupp naseleniya Belarusi : sociologicheskij analiz. doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.2.6.

5. Arhangel'skij, V. N., Ivanova, A. E., Rybakovskij, L. L. Rezul'tativnost' demograficheskoj politiki Rossii / V.N. Arhangel'skij, A.E. Ivanova, L.L. Rybakovskij ; pod red. L.L. Rybakovskogo. – M. : Izd-vo «Ekon-Inform», 2016.
6. Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii. Nacional'nyj demograficheskij doklad-2020 / T. K. Rostovskaya, A. A. SHabunova, V. N. Arhangel'skij [i dr.] ; otv. red. T. K. Rostovskaya, A. A. SHabunova; FNISC RAN. – M. : ITD «PERSPEKTIVA», 2021.
7. Hadzhalova, H. M. Ocenka social'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov SKFO v aspekte obespecheniya vysokogo urovnya kachestva zhizni // UEPS: upravlenie, ekonomika, politika, sociologiya. 2015. № 1. S. 91–103.
8. Kostina, S., Zaitseva, E. Reproduction of human resources in urban and rural areas of Russia: what the number of children depends on // Proceedings of the 2nd International Conference on Education Reform, Management and Applied Social Science (ERMASS 2019). – Xiamen, 2019 [Elektronnyj resurs]. – URL : http://dpi-proceedings.com/index.php/ dtssehs/issue/view/386 (data obrashcheniya 12.02.2020)
9. Defronzo, J. Cross-Sectional Areal Analyses of Factors Affecting Marital Fertility : Actual versus Relative Income // Journal of Marriage and Family. 1976. Vol. 38(4). P. 669–676.

УДК 332.146.2

ПАВЛОВ ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ
д.э.н., профессор, академик РАЕН, главный научный сотрудник Лаборатории промышленной политики и экономической безопасности Института проблем рынка РАН,
e-mail: pavlovvi@bk.ru

ЗОИДОВ ХУРШЕДЖОН КОБИЛДЖОНОВИЧ
младший научный сотрудник Лаборатории компьютерного моделирования социально-экономических процессов Центрального экономико-математического института РАН,
e-mail: mirkhurshed@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-5-80-86

ОСОБЕННОСТЬ И ПРЕИМУЩЕСТВА ИННОВАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ[1]

Аннотация. Цель работы. *В статье обосновывается особенность новой бюджетно-налоговой системы как приоритета развития электроэнергетики и преимущества перед традиционной бюджетно-налоговой системой, особенно в период существенного ограничения международной торговли из-за широкомасштабных санкций США, стран ЕС и других стран, поддерживающих политику США.* ***Метод и методология работы.*** *В процессе исследования использованы методы эволюционно-институциональной теории, эконометрического моделирования и аналитической оценки.* ***Результаты и выводы.*** *Внедрение инновационной парадигмы бюджетно-налоговой системы можно отнести к импортозамещению, так как действующая в настоящее время налоговая система заимствована из зарубежных стран с российской спецификой НДФЛ со ставкой доходов 13 % и дополнительной ставкой 2 % с превышающих 5 млн рублей в год морально устарела. Инновационная парадигма бюджетно-налоговой системы, используя минимальное количество исходной информации и возможности использования инструментов государственной казначейской системы и цифровизации, ликвидирует базу для коррупционных структур и наполнений бюджетов всех уровней исполнительной власти в объемах, необходимых для выполнения ими своих функций.* ***Область применения результатов.*** *Результаты исследования могут быть использованы органами власти России для ликвидации существующих проблем в области обеспечения экономической безопасности, при реализации структурных реформ, реформы системы государственных финансов, изменении налоговой политики.*

Ключевые слова: *инновационная парадигма, бюджетно-налоговая система, электроэнергия, энергетическая рента, федеральный бюджет, фонд оплаты труда, ВВП, доходы.*

PAVLOV VYACHESLAV IVANOVICH
Dr.Sc of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Laboratory of Industrial Policy and Economic Security of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences,
e-mail: pavlovvi@bk.ru

ZOIDOV KHURSHEJON KOBILJONOVICH
Junior Researcher at the Laboratory of Computer Modeling of Socio-Economic Processes of the Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences,
e-mail: mirkhurshed@mail.ru

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00585 а.

FEATURE AND ADVANTAGES OF INNOVATIVE PARADIGMS OF THE FISCAL SYSTEM

Abstract. The purpose of the work. *The article substantiates the peculiarity of the new fiscal system as a priority for the development of the electric power industry and advantages over the traditional fiscal system, especially during a period of significant restrictions on international trade due to large-scale sanctions of the United States, EU countries and other countries supporting U.S. policy.* ***Method and methodology of work.*** *In the course of the research, the methods of evolutionary and institutional theory, econometric modeling and analytical evaluation were used.* ***Results and conclusions.*** *The introduction of an innovative paradigm of the budget and tax system can be attributed to import substitution, since the current tax system is borrowed from foreign countries with Russian specifics of personal income tax with an income rate of 13% and an additional rate of 2% from exceeding 5 million rubles per year is morally outdated. The innovative paradigm of the budget and tax system, using the minimum amount of initial information and the possibility of using the tools of the state treasury system and digitalization, eliminates the basis for corrupt structures and filling budgets of all levels of executive power in the amounts necessary for them to perform their functions.* ***The scope of the results.*** *The results of the study can be used by the Russian authorities to eliminate existing problems in the field of economic security, when implementing structural reforms, reforming the public finance system, and changing tax policy.*

Keywords: *innovation paradigm, fiscal system, electricity, energy rent, federal budget, wage fund, GDP, income.*

Энергетическая рента-источник финансирования развития электроэнергетики единого экономического пространства России и стран-членов СНГ

1. Значения электроэнергии в XXI веке и ее роль в экономике страны и жизнедеятельности населения.

В современных условиях электроэнергия является важнейшим стратегическим видом материального ресурса, имеющего многогранное значение. **Во-первых,** социальное значение, так как без электроэнергии невозможна комфортная жизнедеятельность населения страны. **Во-вторых,** производственно-экономическое, ибо без электроэнергии немыслимо как функционирование предприятий всех отраслей экономики, так и повышение производительности труда в тех или иных видах трудовой деятельности, будь то работа в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве или на транспорте, в торговле или науке. Без электроэнергии невозможно воспользоваться современными информационными технологиями. **В-третьих,** политическое значение, ибо тот, кто стоит у рубильника и по тем или иным причинам (субъективным или объективным) имеет возможность отключать потребителей от источников электроэнергии, волей или неволей становится вершителем судеб многих миллионов людей и трудовых коллективов.

Действительно, трудно представить себе город, поселок, село и даже деревню, где можно обеспечить надлежащие условия проживания и трудовой деятельности населения без электрической энергии, которая пронизывает все пространство и как воздух необходима от мала до велика.

Электроэнергия, являясь товаром особого рода, приводя в движение машины и механизмы, многократно увеличивает производительность труда, и неслучайно важное значение придается энерговооруженности труда как отдельного работника, так и экономики в целом.

Трудно переоценить роль электроэнергии и с политической стороны, ибо, лишая города, поселки, деревни и даже целые регионы электроэнергии, можно достигать требуемых политических целей.

Исходя из вышеизложенного, энергетическая рента, являющаяся важнейшей стержневой составляющей экономики страны, двигателем научно-технического процесса и залогом благосостояния и политической стабильности общества, должна иметь повышенную надежность и безотказность всех ее элементов. А это требует постоянного и планомерного обновления основных производственных фондов электроэнергетики и наращивания ее генерирующих мощностей с необходимой производственной и непроизводственной инфраструктурой для передачи электроэнергии от производителей до ее конечных потребителей.

От этого во многом зависит энергетическая безопасность страны.

Обеспечение энергетической безопасности России требует разработки и реализации энергетической стратегии на долгосрочную перспективу, предусматривающую создание дополнительных новых энергетических мощностей.

Учитывая, что существующая в настоящее время бюджетно-налоговая и денежно-кредитная системы не могут гарантировать получение электроэнергетикой денежных средств в требуемых ей объемах, необходимо применение специфических механизмов и инструментов, которые не могут быть созданы в рамках действующей в настоящее время морально устаревшей бюджетно-налоговой системы и которые должны быть заменены более прогрессивной и современной системой [4–15].

2. Обоснование необходимости замены морально устаревшей бюджетно-налоговой системы.

Необходимость замены действующей в настоящее время бюджетно-налоговой системы обусловлена тем, что она по своей основной сути базируется на устаревшей фискальной методологии, сложившейся еще в докапиталистическом способе производства и подвергнувшейся за столетия некоторой трансформации. И неслучайно во всем мире к действующей налоговой системе предъявляются серьезные претензии, так как в ней имеется множество лазеек увода денежных средств от налогов, которые в ряде случаев вроде бы и разрешимы властями, но чрезмерное увлечение которыми вызывает повышенный интерес у налоговых и правоохранительных органов. Более того, ежегодно в налоговое законодательство вносится множество изменений, что лишает бизнес предсказуемости и создает инвестиционный климат малопривлекательным.

Более того, в последнее время вносятся изменения, затрагивающие интересы малообеспеченных слоев населения страны, которые, защищая свои денежные средства от инфляции, открывали в банках депозитные счета.

Так, в 2021 году Минфин России и ФНС России ввели налог на доходы банковских вкладов, превышающих 1 млн рублей, со ставкой 13 %, а в 2022 году довели ее до 15 %, если сумма нескольких банковских вкладов превышает 5 млн рублей, причем сделано это было в наикротчайшие сроки. Следует отметить, однако, что ради сокращения напряженности в обществе, и особенно в масштабных слоях населения, которое составляет большинство в России, после введения США, странами ЕС и другими странами широкомасштабных санкций к России властные структуры приостановили налогообложение доходов с банковских вкладов, а Госдума также молниеносно их узаконила…

Для обоснования ежегодных изменений в налоговой сфере разработчики налоговой системы придумали термин «ежегодная донастройка».

3. Энергетическая рента как источник финансирования капиталоемких государственных программ.

Модели УБНС предусматривают выделение из экономической и энергетической рент, предназначенной исключительно для государственных нужд, расходуемых органами власти для финансирования развития электроэнергетики, создания профессиональной армии и защиты экологии, то есть тех направлений, которые либо требуют больших затрат с длительными периодами окупаемости и которые не под силу частному бизнесу, либо необходимы для повышения обороноспособности государства и жизнеобеспечения его населения. При необходимости часть средств энергетической ренты может быть направлена на решение проблем ЖКХ или других первоочередных задач общегосударственного масштаба, утвержденных Государственной Думой и Советом Федерации Федерального собрания Российской Федерации.

Величина энергетической ренты, перечисляемой каждым хозяйствующим субъектом в казначейство, определяется по формуле [6].

$$\text{Энергетическая рента } (R\text{эн}) = \left[\left(\sqrt{\frac{\sqrt{\frac{m' \times V}{Ko}} \leq 1 \times Ko}{V}}\right)^{p'} - \sqrt{\left(\sqrt{\frac{\sqrt{\frac{m' \times V}{Ko}} \leq 1 \times Ko}{V}}\right)^{X}}\right] \times V,$$

где: Ко – издержки оборотного капитала за определенный период времени;

V – фонд оплаты труда в издержках за определенный период времени;

m' – общественно необходимая норма прибавочной стоимости;

Х – степень корректирования средней нормы прибавочной стоимости (степень участия общества [государства] в создании ВВП).

Не следует пугаться видимой сложности приведенных выше формул, т. к. все необходимые экономические расчеты выполняются с помощью компьютерной программы, предусматривающей все необходимые модели.

Преимущество моделей и механизма инновационной парадигмы УБНС перед действующей в настоящее время в России подтверждается результатами расчетов основных макробюджетных параметров экономики Российской Федерации на 2017–2019 годы.

Таблица 1

Потенциал доходов бюджетной системы страны на 2017–2019 годы

Наименование параметров	2017*	2018*	2019*
I. Исходный данные			
1.1. Фонд заработной платы	27274	32729	37638
1.2. Доля оплаты труда в издержках, %	32	32	32
II. Результаты расчетов			
2.1. Издержки производства и обращения, млрд руб. K_0	85231	102278	117619
2.2. Материальные затраты (См), млрд руб.	57957	69549	79981
2.3. Экономическая рента (Re), млрд руб.	36274	43530	50058
2.3.1. в том числе: энергетическая рента (Re), млрд руб.	4909	5810	6775
2.4. Квазирента (Са) млрд руб.	20285	23585	27122
в том числе:			
2.4.1. Накопления хозяйствующих субъектов, млрд руб.	7100	8255	9493
2.4.2. Финансирование науки, млрд руб.	4615	5365	6170
2.4.3. Пенсионный фонд РФ, млрд руб.	8570	9965	11459
2.5. Федеральный бюджет, млрд руб.	11291	13579	15582
2.6. Бюджет субъектов РФ, млрд руб.	7227	8691	9972
2.7. Бюджет местных органов власти, млрд руб. (районы, округа)	4625	5562	6382
2.8. Бюджет муниципальных образований млрд руб.	2960	3560	4085
2.9. Государственные внебюджетные фонды (страхования и медицинские фонды), млрд руб.	5262	6328	7262
2.10. НДФЛ (13 % от п. 1.1), млрд руб.	3546	4255	4893
III. Основные результаты расчетов			
3.1. Федеральный бюджет, млрд руб.	20815	24754	28527
3.2. Консолидированный бюджет субъектов РФ, млрд руб.	18358	22068	25332
3.3. Государственные внебюджетные фонды, млрд руб.	13832	16293	18721
в том числе:			
3.3.1. Пенсионный фонд РФ, млрд руб.	8570	9965	11459
ВВП минимально необходимый, млрд руб.	83933	99844	114818

**Оплата труда наемных работников (без скрытой), 2015 год.*
***Оплата труда наемных работников с поэтапным выходом на уровень 2015 года с учетом скрытой (37820 млрд руб.). Россия в цифрах. – М.: Росстат, 2016. – С. 187.*

Из данных, приведенных в таблице 1, следует, что в 2017–2019 годах объем энергетической ренты составлял бы порядка 17 трлн рублей: 4909 млрд рублей – в 2017 году, 5810 млрд рублей – в 2018 году и 6775 млрд рублей – в 2019 году, при этом объем ВВП минимально необходимым был бы, соответственно, равен 83933 млрд рублей – в 2017 году, 99844 – в 2018 году и

114818 млрд рублей – в 2019 году.

Представляет определенный интерес сопоставление значений таких показателей, как фонд заработной платы, ВВП и доходы федерального бюджета РФ за период 2017–2019 годов с использованием инновационной парадигмы бюджетно-налоговой системы со значениями этих показателей за период 2017–2019 годов и 2022–2024 годов с использованием, соответственно, инновационной парадигмы бюджетно-налоговой системы и действующей бюджетно-налоговой системой.

Таблица 2

Сопоставление показателей бюджетного проектирования

Наименование и их единица измерения	2017–2019 годы [6].			2022–2024 годы [9].		
1.Фонд заработной платы, млрд рублей	2017 год	2018 год	2019 год	2022 год	2023 год	2024 год
	27274	32729	37638	31699	33905	36235
2. ВВП, млрд рублей	83833	99844	114818	133328	141881	151513
3. Доходы федерального бюджета РФ, млрд рублей	20815	24754	28527	25021,9	25540,2	25831,8
4. Доля Фонда заработной платы в ВВП, %	32,5	32,8 27,8	32,8	23,8	23,9	23,9
5. Доля доходов федерального бюджета к ВВП, %	24,8	24,8	24,8	18,8	18,0	17,0

1) ВВП 2017–2019 годов – минимально необходимым.

Сопоставленные показатели бюджетного проектирования (фонд заработной платы, ВВП, доходы федерального бюджета, доли фонда заработной платы к ВВП и доли доходов федерального бюджета к ВВП) подтверждает тот факт, что объем ВВП на 2022–2024 годы существенно превышает объем ВВП за 2017–2019 годы, однако доля доходов федерального бюджета РФ на 2022–2024 годы значительно меньше, чем в 2017–2019 годах, хотя в абсолютных значениях они не так велики.

Для определения причин столь незначительных долей доходов федерального бюджета РФ в 2022–2024 годах (17–18,8 %) или завышенного объема ВВП необходимо проведение дополнительного исследования, сложность которого объясняется отсутствуем достоверной исходной информации.

4. Преимущество инновационной парадигмы бюджетно-налоговой системы.

Преимущество инновационной парадигмы бюджетно-налоговой системы перед действующей в настоящее время бюджетно-налоговой системой достаточно обстоятельно видно из данных, приведенных в таблице 3, в которой приводятся данные бюджетного проектирования на 2017–2119 годы по проектированию Минфина России и потенциала, определенного с использованием инновационной парадигмы бюджетно-налоговой системы.

Из данных, приведенных в таблице 3, следует, что к основному преимуществу инновационный парадигмы бюджетно-налоговой системы относится возможность одновременного проектирования бюджетов всех уровней: федерального, консолидированных бюджетов субъектов РФ, муниципального уровня и государственных внебюджетных фондов.

Более того, объем доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ практически сопоставим с доходами федерального бюджета РФ, особенно если добавятся денежные поступления от НДФЛ, поступления от которого будут за счет применения прогрессивной ставки, используя для этого российскую бесступенчатую модель, автоматически сокращающую ставку для бедных и повисающую для богатых слоев населения страны [7]. Пенсионному фонду РФ не потребуются трансферты из федерального бюджета РФ.

Таблица 2

Сопоставление доходов бюджета бюджетной системы страны, млрд руб.

Наименование показателей	2017		2018		2019	
	Минфин	потенциал	Минфин	потенциал	Минфин	потенциал
Доходы, всего	28515	53005	29906	63115	31748	72580
% ВВП	32,8	63,2	32,4	63,2	32,1	63,2
Федеральный бюджет	13492 15,5 % ВВП	20815 24,84 % ВВП	13955 15,1 % ВВП	24754 24,8 % ВВП	14823 15 % ВВП	28527 24,8 % ВВП
Консолидированные бюджеты субъекты Российской Федерации	8346 9,6 % ВВП	18358 21,9 % ВВП	8873 9,6 % ВВП	22068 22,1 % ВВП	9448 9,6 % ВВП	25332 22,1 % ВВП
Государственные внебюджетные фонды	10523 6677*	13832 16,5 % ВВП	10799 7078*	16293 16,3 % ВВП	11245 7477*	18721 16,3 % ВВП
В том числе:						
Пенсионный фонд	8182 4420*	8570 10,2 % ВВП	8358 4716*	9965 10 % ВВП	8713 4985*	11459 10 % ВВП
ВВП	86936	83833**	92302	99844**	98906	114818**
Фонд заработной платы	20476 23,5 % ВВП	27274*** 32,5 % ВВП	21637 23,4 % ВВП	32729*** 32,7 % ВВП	22737 83 % ВВП	37638*** 32,8 % ВВП

**Без учета трансфертов, учитываемых при определении позиции «Доходы, всего».*
***ВВП минимально необходимый.*
****Оплата труда наемных работников в 2015 году (без скрытой), а в 2018 и 2019 годах – поэтапный выход на уровень 2015 года с учетом скрытой оплаты труда (37820 млрд руб.).*

Заключение. Внедрение инновационной парадигмы бюджетно-налоговой системы можно отнести к импортозамещению, так как действующая в настоящее время налоговая система заимствована из зарубежных стран с российской спецификой НДФЛ со ставкой доходов 13 % и дополнительной ставкой 2 % с превышающих 5 млн рублей в год морально устарела.

Инновационная парадигма бюджетно-налоговой системы, используя минимальное количество исходной информации и возможности использования инструментов государственной казначейской системы и цифровизации, ликвидирует базу для коррупционных структур и наполнений бюджетов всех уровней исполнительной власти в объемах, необходимых для выполнения ими своих функций.

Литература

1. Зоидов К. Х. Система межбюджетных отношений в России и других странах ЕАЭС: циклическая динамика развития, существующие риски, вызовы и перспективы развития // Региональные проблемы преобразования экономики, 2016. – № 12(74). – С. 222–235.
2. Зоидов К. Х., Беломестнов В. Г., Борталевич С. И., Беломестнов И. В., Зоидов Х. К. Экономическая безопасность в условиях эволюционного развития социально-экономических систем / Под ред. к.ф.-м.н., доцента К. Х. Зоидова. – М.: ИПР РАН, 2021. – 208 с.
3. Зоидов К. Х., Янкаускас К. С. Формирование эффективной модели регулирования финансово-бюджетных отношений между федеральными и региональными уровнями в условиях интеграции и нестабильности. Часть I // Региональные проблемы преобразования экономики, 2016. – № 3(65). – С. 114–128.
4. Зоидов К. Х., Янкаускас К. С. Формирование эффективной модели регулирования финансово-бюджетных отношений между федеральными и региональными уровнями в условиях интеграции и нестабильности. Часть II // Региональные проблемы преобразования экономики, 2016. – № 4(66). – С. 82–94.
5. Павлов В. И. Зоидов Х. К. Инновационной парадигме бюджетно-налоговой системе по сравнению с действующей налоговой системой не требуется ежегодная «донастройка» // Региональные проблемы преобразования экономики, 2021. – № 12 (134). – С. 191–196.
6. Павлов В. И. Зоидов Х. К. Первоочередные и социально значимые шаги, повышающие платежеспособный спрос и устойчивость развития российской экономики // Региональные проблемы преобразования экономики, 2021. – № 10 (132). – С. 7–12.
7. Павлов В. И. Российская бесступенчатая модель НДФЛ как инструмент финансово-бюджетной

системы, автоматически сокращающий ставку для бедных и повышающий для богатых слоев населения страны // Управление риском. – 2018. – № 2 (86). – С. 34–39.
8. Павлов В. И., Зоидов Х. К. Инновационная парадигма налоговой системы как стандарт цифровизации бюджетного проектирования // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. – № 11 (133). – С. 132–141.
9. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов».
10. Цветков В. А., Зоидов К. Х., Янкаускас К. С., Кобил Ш. К. Моделирование влияния бедности, безработицы, волатильных процентных ставок и неравенства на экономическую безопасность государства / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова, к. ф.-м. н., доцента К. Х. Зоидова. – М.: ИПР РАН, 2021. – 328 с.
11. Alchian, Armen A. Uncertainty, Evolution and Economic Theory // Journal of Political Economy, 1950, vol. 58, p. 211–221.
12. Nelson R. R., Winter S. J. An evolutionary theory of economic change. M.: Finstatinform, 2000. 474 p.
13. The Conference Board Total Economy Database, September 2010.. M., 2010. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: http://www.conferenceboard.org/data/economydatabase (дата обращения 15.10.2016), свободный. – Загл. с экрана.
14. Ziyadullaev N. S., Zoidov K. Kh., Ziyadullaev U. S., Rakhmatova Z. I., Simonova Yu. S., Zoidov Z. K. Economic security of the national banking system in the context of globalization / Under the editorship of corresponding member RAS V.A. Tsvetkov, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor K.Kh. Zoidov. M.: MEI RAS, 2017. 528 p.
15. Zoidov K. Kh., Jankauskas K. S., Zoidov Z. K. Modeling of the system of financial-budgetary relations of the countries of the post-soviet space in the conditions of instability // Regional problems of economic transformation, 2018. No. 12 (98). P. 422–438.

References:

1. Zoidov K. H. Sistema mezhbyudzhetnyh otnoshenij v Rossii i drugih stranah EAES: ciklicheskaya dinamika razvitiya, sushchestvuyushchie riski, vyzovy i perspektivy razvitiya // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki, 2016. – № 12(74). – S. 222–235.
2. Zoidov K. H., Belomestnov V. G., Bortalevich S. I., Belomestnov I. V., Zoidov H. K. Ekonomicheskaya bezopasnost' v usloviyah evolyucionnogo razvitiya social'no-ekonomicheskih sistem / Pod red. k.f.-m.n., docenta K. H. Zoidova. – M.: IPR RAN, 2021. – 208 s.
3. Zoidov K. H., YAnkauskas K. S. Formirovanie effektivnoj modeli regulirovaniya finansovo-byudzhetnyh otnoshenij mezhdu federal'nymi i regional'nymi urovnyami v usloviyah integracii i nestabil'nosti. CHast' I // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki, 2016. – № 3(65). – S. 114–128.
4. Zoidov K. H., YAnkauskas K. S. Formirovanie effektivnoj modeli regulirovaniya finansovo-byudzhetnyh otnoshenij mezhdu federal'nymi i regional'nymi urovnyami v usloviyah integracii i nestabil'nosti. CHast' II // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki, 2016. – № 4(66). – S. 82–94.
5. Pavlov V. I. Zoidov H. K. Innovacionnoj paradigme byudzhetno-nalogovoj sisteme po sravneniyu s dejstvuyushchej nalogovoj sistemoj ne trebuetsya ezhegodnaya «donastrojka» // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki, 2021. – № 12 (134). – S. 191–196.
6. Pavlov V. I. Zoidov H. K. Pervoocherednye i social'no znachimye shagi, povyshayushchie platezhesposobnyj spros i ustojchivost' razvitiya rossijskoj ekonomiki // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki, 2021. – № 10 (132). – S. 7–12.
7. Pavlov V. I. Rossijskaya besstupenchataya model' NDFL kak instrument finansovo-byudzhetnoj sistemy, avtomaticheski sokrashchayushchij stavku dlya bednyh i povyshayushchij dlya bogatyh sloev naseleniya strany // Upravlenie riskom. – 2018. – № 2 (86). – S. 34–39.
8. Pavlov V. I., Zoidov H. K. Innovacionnaya paradigma nalogovoj sistemy kak standart cifrovizacii byudzhetnogo proektirovaniya // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. – 2021. – № 11 (133). – S. 132–141.
9. Poyasnitel'naya zapiska k proektu Federal'nogo zakona «O federal'nom byudzhete na 2022 god i na planovyj period 2023 i 2024 godov».
10. Cvetkov V. A., Zoidov K. H., YAnkauskas K. S., Kobil SH. K. Modelirovanie vliyaniya bednosti, bezraboticy, volatil'nyh procentnyh stavok i neravenstva na ekonomicheskuyu bezopasnost' gosudarstva / Pod red. chl.-korr. RAN V.A. Cvetkova, k. f.-m. n., docenta K. H. Zoidova. – M.: IPR RAN, 2021. – 328 s.
11. Alchian, Armen A. Uncertainty, Evolution and Economic Theory // Journal of Political Economy, 1950, vol. 58, p. 211–221.
12. Nelson R. R., Winter S. J. An evolutionary theory of economic change. M.: Finstatinform, 2000. 474 p.
13. The Conference Board Total Economy Database, September 2010.. M., 2010. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: http://www.conferenceboard.org/data/economydatabase (data obrashcheniya 15.10.2016), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
14. Ziyadullaev N. S., Zoidov K. Kh., Ziyadullaev U. S., Rakhmatova Z. I., Simonova Yu. S., Zoidov Z. K. Economic security of the national banking system in the context of globalization / Under the editorship of corresponding member RAS V.A. Tsvetkov, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor K.Kh. Zoidov. M.: MEI RAS, 2017. 528 p.
15. Zoidov K. Kh., Jankauskas K. S., Zoidov Z. K. Modeling of the system of financial-budgetary relations of the countries of the post-soviet space in the conditions of instability // Regional problems of economic transformation, 2018. No. 12 (98). P. 422–438.

УДК: 338.28

МАХКАМОВА ГУЛБАХОР МАХСУДОВНА
к.э.н., доцент, соискатель докторантуры Института проблем рынка РАН,
e-mail: makhkamova.gulbakhor@gmail.com

НЯРГИНЕН ВИКТОРИЯ АНАТОЛЬЕВНА
Очный аспирант Института проблем рынка РАН, ассистент кафедры экономической экспертизы и финансового мониторинга, МИРЭА – Российский технологический университет,
e-mail: nyarginen2014@yandex.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-5-87-100

РАЗРАБОТКА СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОЙ ИНКЛЮЗИИ КАК ФАКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА[1]

Аннотация. Цель работы. *Научная статья посвящена разработке методики оценки финансовой инклюзии в Республике Таджикистан. Доказано, что именно финансовая инклюзия является ключевым элементом развития современных национальных экономических систем развивающихся стран, а также уменьшения бедности, экономического и социального неравенства в этих странах. Целью научной работы была определена разработка современной методики оценки финансовой инклюзии, которая будет учитывать особенности развития социально-экономической системы Республики Таджикистан.* ***Метод и методология работы.*** *В статье использованы методы литературного анализа, сравнительной (компаративной) оценки, анализа и синтеза, систематизации, группировки и логического обобщения, а также исторический и системный подходы в раскрытии и решении проблем оценки финансовой инклюзии в Республике Таджикистан.* ***Результаты и выводы.*** *Рассмотрены существующие научные подходы к оценке финансовой инклюзии на уровне отдельных государств, в том числе развивающихся. Сформирована система индикаторов (показателей) оценки финансовой инклюзии на уровне отдельного государства включающая шесть блоков показателей (финансовая инклюзия спроса, предложения, домашних хозяйств, малых и средних предприятий, женщин и специальных категорий жителей). Разработана и проверена на примере Республики Таджикистан методика оценки финансовой инклюзии. Сформированы выводы и определены направления использования разработанной методики.* ***Область применения результатов.*** *Полученные результаты могут использоваться при анализе и корректировке на его основе государственной политики в области реализации развития социально-экономической системы государства в контексте финансовой инклюзии.*

Ключевые слова: *интегральный индекс финансовой инклюзии, методика оценки, Республика Таджикистан, система индикаторов (показателей), финансовая инклюзия.*

MAKHKAMOVA GULBAKHOR MAKHSUDOVNA
Ph.D. in Economics, Associate Professor, PhD candidate of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences,
e-mail: makhkamova.gulbakhor@gmail.com

NYARGINEN VICTORIA ANATOLYEVNA
Full–time postgraduate student of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences, Assistant of the Department of Economic Expertise and Financial Monitoring, MIREA - Russian Technological University,
e-mail: nyarginen2014@yandex.ru

DEVELOPMENT OF A MODERN METHODOLOGY FOR ASSESSING FINANCIAL INCLUSIONS AS A FACTOR OF ECONOMIC GROWTH NATIONAL STATE

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-02048).

Abstract. The purpose of the work. *The scientific article is devoted to the development of a methodology for assessing financial inclusion in the Republic of Tajikistan. It is proved that financial inclusion is a key element of the development of modern national economic systems of developing countries, as well as the reduction of poverty, economic and social inequality in these countries. The purpose of the scientific work was determined to develop a modern methodology for assessing financial inclusion, which will take into account the peculiarities of the development of the socio-economic system of the Republic of Tajikistan.* ***Method and methodology of work.*** *The article uses the methods of literary analysis, comparative (comparative) assessment, analysis and synthesis, systematization, grouping and logical generalization, as well as historical and systematic approaches to the disclosure and solution of problems of financial inclusion assessment in the Republic of Tajikistan.* ***Results and conclusions.*** *The existing scientific approaches to the assessment of financial inclusion at the level of individual states, including developing ones, are considered. A system of indicators (indicators) for assessing financial inclusion at the level of an individual state has been formed, including six blocks of indicators (financial inclusion of demand, supply, households, small and medium-sized enterprises, women and special categories of residents). A methodology for assessing financial inclusion has been developed and tested on the example of the Republic of Tajikistan. The conclusions are formed and the directions of using the developed methodology are determined.* ***The scope of the results.*** *The results obtained can be used in the analysis and adjustment on its basis of the state policy in the field of implementation of the development of the socio-economic system of the state in the context of financial inclusion.*

Keywords: *integral index of financial inclusion, assessment methodology, Republic of Tajikistan, system of indicators (indicators), financial inclusion.*

Введение. Финансовая инклюзия (ФИ) получила значительное внимание как один из главных путей развития международной и национальных экономических систем. Так, содействие финансовой доступности стало одним из базовых принципов повестки дня G20 в Давосе в 2020 году [15], что свидетельствует о значительных перспективах распространения ФИ в странах мира в будущем. В то же время наблюдается значительное количество проблем, мешающих распространению финансовой инклюзии, которые активно трансформируются вместе с изменениями экономических систем на глобальном, международном и особенно национальном уровнях.

Именно финансовая инклюзия является ключевым элементом развития современных национальных экономических систем развивающихся стран, а также уменьшения бедности, экономического и социального неравенства в этих странах [16–21]. Отдельно можно указать на значительный потенциал для экономик развивающихся стран, который содержит в себе финансовая инклюзия.

Учитывая возрастающую роль ФИ для национальных экономических систем, отмечаем наличие значительной научной дискуссии относительно определения сущности финансовой инклюзии и формирования методик оценки ФИ на уровне отдельных государств.

В этих условиях Республика Таджикистан нуждается в разработке современной методики оценки финансовой инклюзии, которая будет учитывать особенности развития социально-экономической системы страны, что и определило цель научного исследования.

Исходя из поставленной цели, важным является подтверждение или опровержение таких научных гипотез:

– оценка финансовой инклюзии в стране должна базироваться на системе соответствующих индикаторов (показателей), которая будет охватывать финансовую инклюзию спроса и предложения, а также ФИ домашних хозяйств, малых и средних предприятий, женщин и специальных категорий жителей (молодежь, сельские жители, эмигранты, мигранты, люди с ограниченными физическими возможностями);

– оценку финансовой инклюзии в стране целесообразно проводить, базируясь на использовании расчетов средней арифметической;

– положение с финансовой инклюзией в Таджикистане ухудшается;

– Республика Таджикистан отстает от общемировых тенденций развития ФИ и разрыв увеличивается.

Литературный обзор. Важность финансовой инклюзии для развития современной мировой, международной и национальных экономических систем привела к появлению значительной научной дискуссии относительно определения сущности и методических подходов к оценке ФИ. Считаем целесообразным провести компаративную оценку научных подходов к определению ФИ и оценке ее уровня.

Так, Мировой банк указывает, что финансовая инклюзия связана с доступом физических и юридических лиц к финансовым продуктам и услугам в соответствии с их потребностями, определяя при этом перечень таких продуктов и услуг [14].

Несмотря на четкость определения финансовой инклюзии, данную Мировым банком, а также его логичность, отмечаем наличие недостатков, куда относим: отсутствие четких требований к физическим и юридическим лицам, а также к финансовым услугам и продуктам; не раскрыта проблематика борьбы с неравенством, особенно гендерный аспект; не раскрыта связь ФИ и вовлечения населения в предпринимательскую деятельность; не понятна связь ФИ и экономического роста, а также благосостояния в стране.

FATF акцентирует внимание на увеличении доступа населения к финансовым услугам, делая акцент на безопасности, удобстве предоставления и стоимости этих услуг вне зависимости от уровня доходов, места жительства и уровня образования населения [7].

Рассматривая определение финансовой инклюзии FATF, можем указать, что позитивным моментом является рассмотрение безопасности финансовых услуг для населения, а также требований к населению страны, в то же время не раскрытыми остаются вопросы: вовлечения в ФИ юридических лиц; борьбы с неравенством, в том числе гендерным; касается ли финансовая инклюзия финансовых продуктов или речь идет только о финансовых услугах; не понятна взаимосвязь с экономическим ростом и ростом благосостояния в стране; не ясно влияние ФИ на предпринимательскую сферу страны.

Европейская комиссия больше уделяет внимания результатам финансовой инклюзии и отмечает, что она должна быть направлена на достижение как экономических (рост доходов, модернизация рынков труда и т. д.), так и социальных целей (снижение бедности, рост занятости, увеличение количества людей с образованием и т. д.) [5].

В определении финансовой инклюзии, которое дано Еврокомиссией, детализированы последствия ее влияния на социально-экономическую систему государства, однако остаются и дискуссионные вопросы, к которым относим: перечень групп участников ФИ; направления и особенности ФИ в стране; требования к финансовым услугам и продуктам.

Международный валютный фонд акцентирует внимание на увеличении доступа населения к финансовым продуктам и услугам в контексте роста инвестиций, вовлечения населения в экономическую деятельность, роста занятости и национальных экономических систем [8].

Относительно определения МВФ среди положительных моментов необходимо отметить акцент на росте инвестиций в рамках развития ФИ, а также взаимосвязь финансовой инклюзии с экономическим ростом и занятостью. Дискуссионными моментами определения являются: нераскрытый перечень групп участников ФИ, а также требования к ним; акцент только на финансовых услугах или финансовых услугах и продуктах; перечень требований к финансовым услугам и продуктам; решение проблем неравенства, в том числе гендерного.

Р. П. Чаулагаин рассматривает барьеры для развития финансовой инклюзии в развитых, и особенно развивающихся странах, и акцентирует внимание на их устранении [2, с. 25].

Отмечаем значительный положительный момент относительно определения ФИ ученым с точки зрения раскрытия барьеров для ее распространения, в то же время другие аспекты финансовой инклюзии в определении Р.П. Чаулагаина остаются не раскрытыми, что приводит к узости сферы его применения.

А. Р. Онаолапо определяет финансовую инклюзию как составляющую правительственной экономической политики и важную составляющую уменьшения теневого финансового рынка в развивающихся странах, что позволяет уменьшить стоимость кредитов для домашних хозяйств и экономики, а также обеспечить ее долгосрочный экономический рост [12, с. 12].

Исследуя определение финансовой инклюзии А. Р. Онаолапо, необходимо обратить внимание на его направленность для развивающихся стран, а также адаптацию в рамках применения ФИ в этих странах, особенно относительно борьбы с теневым финансовым рынком. Недостатком определения является изучение только кредитов как составляющей финансовой инклюзии, а также нераскрытость проблематики борьбы с неравенством, в том числе гендерным.

М. Кокорович-Жукан и А. Софтич указывают, что финансовая инклюзия – это возможность равного доступа потребителей к финансовым услугам определенного качества, цены и доступности на конкурентном и стабильном рынке таких услуг [11, с. 57].

Рассматривая точку зрения М. Кокорович-Жукан и А. Софтич на сущность финансовой инклюзии, обращаем внимание на теоретический конструкт «равный доступ» по отношению к потребителям финансовых услуг в стране, что является преимуществом определения, также важным аспектом является характеристика рынка финансовых услуг. Однако определение ученых имеет и проблемные аспекты, куда относим: слабое выделение групп участников ФИ; отсутствие четкости к требованиям к финансовым услугам; отсутствие разграничения между финансовыми услугами и продуктами; не понятна взаимосвязь с экономическим ростом и ростом благосостояния в стране; не ясно влияние финансовой инклюзии на предпринимательскую сферу страны.

Группа ученых во главе с М. Кимом определяет финансовую инклюзию как увеличение доступа беднейших слоев населения к полезным финансовым услугам с учетом фактора цены таких услуг, что позволяет указывать на ФИ как важнейший инструмент в борьбе с финансовой изоляцией и бедностью [10, с. 2].

Отмечаем значительные положительные моменты в определении сущности ФИ группой ученых во главе с М. Кимом, где особый интерес вызывает акцент на предоставлении финансовых услуг беднейшим слоям населения, а также влияние финансовой инклюзии на социальную сферу страны. Наряду с положительными моментами определение имеет и недостатки, куда относим: узость определения применения ФИ по отношению к населению страны; недостаточно раскрытые проблемы борьбы с неравенством, в том числе гендерным; игнорирование оценки влияния финансовой инклюзии на экономическую систему страны и ее элементы.

Важность финансовой инклюзии на макро-, мезо- и микроуровнях привела к появлению значительного количества методик ее оценки, преимущественно на уровне отдельного государства.

Международные организации используют для оценки финансовой инклюзии соответствующие базы данных, куда относим: Global Findex; World Bank Enterprise Surveys; Global Survey on Consumer Protection and Financial Literacy; Global Payment Systems Survey; Financial Access Survey; AFI Core Set of Financial Inclusion Indicators; FinScope Indicators [9; с. 51–53]. В то же время отмечаем, что предложенные в базах данные имеют зачастую чрезмерный или недостаточный охват ФИ в отдельной стране или не учитывают национальных особенностей, а также не позволяют получить один индекс финансовой инклюзии, что усложняет процесс оценки и использования данных.

Проведем компаративный анализ методических подходов к оценке финансовой инклюзии на макроуровне (на уровне отдельных государств) в таблице 1.

Таблица 1

Компаративный анализ методических подходов к оценке финансовой инклюзии на макроуровне (на уровне отдельных государств)

Автор (авторы) методики	Характеристика методики	Положительные стороны методики	Отрицательные стороны методики
М. Сарма [13; с. 7–12].	Расчет индекса ФИ базируется на трех показателях: проникновение банковской деятельности; наличие финансовых услуг, использование финансовых услуг.	Формирование единого индекса финансовой инклюзии; наличие понятных и логичных критериев оценки.	Произвольность выбора показателей финансовой инклюзии; слабая репрезентативность полученного индекса относительно ФИ; отсутствие учета доступности к финансовым услугам и продуктам малого и среднего бизнеса (МСБ), а также женщин.
Н. Камара и Д. Туеста [1; с. 11].	Расчет индекса ФИ базируется на трех показателях: использование финансовых услуг; барьеры; доступ к финансовым услугам.	Учет барьеров для ФИ; расчет весов разных показателей в итоговом индексе финансовой инклюзии.	Слабое обоснование показателей модели; сложность их количественной интерпретации; игнорирование ФИ на уровне МСБ; игнорирование гендерного аспекта ФИ; отсутствие критериев оценки ФИ в отдельной стране.
Группа ученых во главе с М. Е. Дабла-Норрис [3, с. 6].	Использование в качестве показателя ФИ в стране трех многомерных индексов: использование финансовых услуг домашними хозяйствами; финансовая доступность для МСБ; доступ к финансовым учреждениям.	Подбор значительного количества показателей финансовой инклюзии; оценка ФИ на уровне малого и среднего бизнеса.	Отсутствие единого индекса финансовой инклюзии; отсутствие разработанных критериев оценки ФИ на уровне отдельного государства; игнорирование гендерного аспекта финансовой инклюзии.
А. В. Фанта и К. Мутсонзива [6, с. 6–13].	Оценка ФИ базируется на таких показателях: владение счетом в банковских учреждениях с учетом гендерного признака; использование счета в банковских учреждениях с учетом гендерного признака; использование кредитов с учетом гендерного признака.	Акцент на гендерный аспект ФИ.	Узость рассмотрения проблем финансовой инклюзии; ограниченное использование показателей; отсутствие интегрального показатели ФИ; отсутствие критериев оценки финансовой инклюзии в стране.
А.Демиргак-Кунт, Л. Клаппер, Д. Сингер [4, с. 17–18]	Три модели оценки ФИ: базовая, с учетом ФИ отдельно для мужчин и женщин; итоговая, с учетом гендерного аспекта.	Акцент на оценку финансовой инклюзии с учетом гендерного аспекта.	Недостаточно раскрыты вопросы ФИ МСБ, а также существует трудность в интерпретации полученных результатов из-за отсутствия разработанных критериев оценки.

Акцентируем внимание: несмотря на значительные научные разработки в рамках характеристики и оценки финансовой инклюзии на уровне отдельных государств, данная научно-практическая проблема требует дальнейшего изучения и поиска путей решения с учетом доступа к финансовым услугам женщин, малых и средних предприятий (МСП), специфических категорий жителей (молодежь, сельские жители, эмигранты, мигранты, люди с ограниченными физическими возможностями).

Материалы и методы. Для достижения целей статьи использована система общенаучных методов исследования и методов исследования на теоретическом уровне, а именно: метод литературного анализа для оценки научных разработок по проблематике финансовой инклюзии; метод сравнительной (компаративной) оценки для рассмотрения методик оценки финансовой инклюзии на уровне отдельного государства; метод анализа для формирования информационной базы оценки финансовой инклюзии в Республике Таджикистан; метод синтеза для формирования итоговой методики оценки финансовой инклюзии в отдельной стране; методы систематизации, группировки и логического обобщения для систематизации научной информации, формирования выводов и научных предложений статьи.

Методология исследования опирается на исторический и системный подходы в раскрытии и решении проблематики формирования современной методики оценки финансовой инклюзии в Республике Таджикистан.

В работе формирование и использование адекватной методики оценки финансовой инклюзии представлено как один из главных факторов обеспечения долгосрочного роста экономики Республики Таджикистан. Исследование также базируется на допущении, что методика оценки финансовой инклюзии должна учитывать особенности предложения и спроса в стране на финансовые услуги, доступ к финансовым услугам домашних хозяйств, малого и среднего предпринимательства, женщин, а также специфических категорий жителей (молодежь, сельские жители, эмигранты, мигранты, люди с ограниченными физическими возможностями).

Результаты исследования:

1. Формирование системы индикаторов (показателей) оценки финансовой инклюзии в стране.

Существующие проблемы в методиках оценки финансовой инклюзии на уровне отдельного государства требуют разработки новой методики, которая будет учитывать: доступность не только финансовых услуг, но и продуктов; значительное количество показателей (индикаторов), разделенных на определенные группы; оценку доступности финансовых услуг и продуктов для женщин, домашних хозяйств, МСП, специфических категорий жителей (молодежь, сельские жители, эмигранты, мигранты, люди с ограниченными физическими возможностями); формирование интегрального индекса оценки ФИ; критерии оценки финансовой инклюзии в стране.

Опираясь на приведенное, считаем необходимым разработать авторскую систему индикаторов (показателей) оценки ФИ в стране.

Авторская система индикаторов включает шесть групп индикаторов (показателей):

1. Финансовую инклюзию предложения, т. е. ограничения, которые накладываются на пользование финансовыми услугами в стране из-за неразвитости ее финансового сектора. Рассматриваются три основные направления: доступность для населения, исходя из его плотности; доступность, исходя из территориального размещения; доступность, исходя из развития FinTech. К индикаторам (показателям) ФИ отнесены: количество финансовых учреждений на тысячу человек; количество финансовых учреждений на 1000 км^2; количество отделений финансовых учреждений на тысячу человек; количество отделений финансовых учреждений на 1000 км^2; количество банкоматов, касс и POS-терминалов на тысячу человек; количество банкоматов, касс и POS-терминалов на 1000 км^2; развитие FinTech; процент инвестиций от общего количества инвестиций в стране в FinTech.

2. Финансовую инклюзию спроса, т. е. ограничения, которые накладываются на пользование финансовыми услугами в стране из-за проблем потребителей. К индикаторам (показателям) ФИ отнесены: уровень образования; уровень финансовой грамотности; уровень доходов в стране; уровень расслоения общества по доходам; уровень расслоения общества по благосостоянию.

3. Четыре группы практически одинаковых индикаторов (показателей) доступа к финансовым услугам домашних хозяйств, МСП, женщин и специальных категорий жителей, чтобы оценить как уровень ФИ, так и отличия, а также проблемы сегрегации и дискриминации. При

этом особое место в системе индикаторов занимают показатели доступности финансовых услуг и продуктов по четырем критериям: цена, качество, полезность и сложность. К индикаторам (показателям) ФИ отнесены:

– ФИ для домашних хозяйств: % домашних хозяйств, имеющих счета в финансовых учреждениях; % домашних хозяйств, имеющих дебетовые пластиковые карты; % домашних хозяйств, пользующихся кредитами; % домашних хозяйств, имеющих депозитные счета; % домашних хозяйств, пользующихся страховыми услугами; доступность финансовых услуг и продуктов для домашних хозяйств по критериям цена, качество полезность, сложность;

– ФИ для МСП: % МСП, имеющих счета в финансовых учреждениях; % МСП, пользующихся кредитами; % МСП, имеющих депозитные счета; % МСП, пользующихся страховыми услугами; доступность финансовых услуг и продуктов для МСП по критериям цена, качество полезность, сложность;

– ФИ для женщин: % женщин, имеющих счета в финансовых учреждениях; % женщин, имеющих дебетовые пластиковые карты; % женщин, пользующихся кредитами; % женщин, имеющих депозитные счета; % женщин, пользующихся страховыми услугами; доступность финансовых услуг и продуктов для женщин по критериям цена, качество, полезность, сложность;

– ФИ для специфических категорий жителей (СКЖ): % СКЖ, имеющих счета в финансовых учреждениях; % СКЖ, имеющих дебетовые пластиковые карты; % СКЖ, пользующихся кредитами; % СКЖ, имеющих депозитные счета; % СКЖ, пользующихся страховыми услугами; доступность финансовых услуг и продуктов для СКЖ по критериям цена, качество, полезность, сложность.

2. Методика оценки финансовой инклюзии в стране.

Для каждого из предложенных индикаторов (показателей) в системе индикаторов (показателей) необходимо использовать критерии оценки от 0 до 10, где значение индикатора от: 1) 0 до 2 – критическое значение индикатора (показателя) финансовой инклюзии (К); 2) 3 до 4 – недостаточный уровень индикатора (показателя) финансовой инклюзии (Н); 3) 5 до 6 – достаточный уровень индикатора (показателя) финансовой инклюзии (Д); 4) 7 до 8 – хороший уровень индикатора (показателя) финансовой инклюзии (Х); 5) 9 до 10 – высокий уровень индикатора (показателя) финансовой инклюзии (В).

Для повышения объективности оценки индикаторов (показателей) ФИ в методике будем использовать не экспертные оценки, а сравнение с общемировым уровнем ФИ по каждому показателю (индикатору), исходя из этого будут рассчитываться две числовые характеристики индикатора (показателя) ФИ:

1. Балльная оценка, которая будет базироваться на использовании «принципа равных интервалов» (10 интервалов – 10 баллов оценки [см. выше]), которая будет рассчитываться по формуле:

$$BS_i = \frac{I_{ci}}{\left(\frac{I_{gi}}{10}\right)}, \qquad (1)$$

где, BS_i – балльная оценка индикатора (показателя) ФИ I в определенной стране; I – индикатор (показатель) ФИ; i – количество индикаторов (показателей) в группе индикаторов (показателей) от 1 до n; c – индикатор (показатель), рассчитанный по отдельной стране; g – общемировое значение индикатора (показателя) ФИ.

Балльная оценка позволит дать объективную и точную характеристику развитию определенной составляющей финансовой инклюзии и в рамках сравнения с такими же индикаторами (показателями) по другим группам финансовой доступности на уровне страны позволит сделать выводы о наличии сегрегации и дискриминации.

2. Коэффициент соответствия (MR), который покажет соответствие развития финансовой инклюзии в стране по отдельному направлению (индикатору) с общемировыми тенденциями:

$$MR_i = \frac{I_{ci}}{I_{gi}}, \qquad (2)$$

Используя простую метрическую шкалу оценивания от 0 до 1 получим возможность оцени-

вать соответствие развития ФИ в стране общемировым тенденциям, где приближение коэффициента к 0 будет указывать на несоответствие общемировым тенденциям, а к 1 – максимальному соответствию общемировым тенденциям.

При этом будем использовать следующую формулу расчета индекса финансовой инклюзии по группам выделенных индикаторов (показателей):

$$FI_j = \frac{\sum_{i=1}^{n} BS_i}{n}, \tag{3}$$

где FI – индекс финансовой инклюзии (бальная оценка); j – группа индикаторов (показателей) финансовой инклюзии (их выделено шесть в системе индикаторов).

Полученный результат балльной оценки отдельной группы индикаторов (показателей) ФИ (FI_j) целесообразно оценивать исходя из критериев, приведенных выше, которые использовались для отдельных индикаторов (показателей) финансовой инклюзии.

Соответствие отдельной группы индикаторов (показателей) ФИ в стране общемировым тенденциям необходимо рассчитывать, используя «метод радара», где, опираясь на графическую интерпретацию полученных данных по каждому индикатору (MR_i), расчет делается по следующим формулам:

– расчет площади базового многоугольника (оценка общемировых тенденций по отдельной группе выделенных индикаторов ФИ):

$$S_b = \frac{1}{2}\sum_{i=1}^{n} MR_{gI} \sin\alpha_I, \tag{4}$$

где S_b – площадь базового многоугольника, MR_{gI} – коэффициент соответствия для мировых индексов (показателей) ФИ (равен единице), α_I – угол круга исходя из количества выбранных показателей (индикаторов) ФИ (круг берется из-за того, что в правиле радара графически многоугольник вписан в круг);

– расчет площади странового многоугольника (оценка страновых тенденций по отдельной группе выделенных индикаторов ФИ):

$$S_c = \frac{1}{2}\sum_{i=1}^{n} MR_i \sin\alpha_I, \tag{5}$$

где S_c – площадь странового многоугольника;

– расчет индекса соответствия отдельной группы индикаторов (показателей) ФИ общемировым тенденциям (IMR):

$$IMR = \frac{S_c}{S_b}, \tag{6}$$

Критерии оценивания для IMR также будут находиться в диапазоне от 0 до 1 по принципу оценивания MR.

Для оценки финансовой инклюзии в стране необходимо рассчитывать интегральный индекс финансовой инклюзии (IFI) по следующей формуле:

$$IFI_j = \frac{\sum_{j=1}^{m} FI_j}{m}, \tag{7}$$

где m – это количество групп индикаторов (показателей) в системе индикаторов (показателей) финансовой инклюзии (их выделено шесть).

Для оценки рассчитанного интегрального индекса финансовой инклюзии необходимо использовать критерии, приведенные для отдельных индикаторов (показателей) ФИ. При этом необходимо сделать несколько уточнений: расчет будет делаться с округлением до целых чи-

сел по правилам математики; для всех индикаторов (показателей) и их групп будет считаться одинаковый вес (важность) при расчетах итоговых индексов.

Расчет интегрального индекса соответствия ФИ в стране общемировым тенденциям IIMR, учитывая возможные существенные различия полученных значений IMR, необходимо осуществлять по формуле геометрической средней:

$$IIMR = \sqrt[m]{\prod_{1}^{m} IMR_j} \quad (8)$$

Критерии оценивания для IIMR также будут находиться в диапазоне от 0 до 1, по принципу оценивания MR и IMR.

3. Оценка финансовой инклюзии в Республике Таджикистан

На основании статистических данных за 2015–2019 годы относительно ФИ в Таджикистане и мире, а также предложенной системы индикаторов (показателей) оценки финансовой инклюзии в стране, с учетом формул расчета балльной оценки ФИ по отдельному индикатору (формула 1), а также коэффициента соответствия (формула 2) представим полученные данные для последующего расчета FI, IMR, IFI, IIMR в таблицах 2, 4. При этом для упрощения подачи данных в табличной форме каждому индикатору (показателю) присвоим цифровой индекс из номера группы и его номера в группе. Характеристика индикаторов (показателей) будет соответствовать буквенным индексам, приведенным выше.

Таблица 2

Балльная оценка и коэффициенты соответствия индикаторов (показателей) ФИ в Таджикистане в 2015 году

Индикатор ФИ	BS	Характеристика индикатора	MR	Индикатор ФИ	BS	Характеристика индикатора	MR
ФИ предложения				ФИ спроса			
1.1	2	К	0,20	2.1	10	В	0,98
1.2	3	Н	0,32	2.2	7	Х	0,67
1.3	2	К	0,19	2.3	1	К	0,06
1.4	8	Х	0,82	2.4	9	В	0,90
1.5	1	К	0,08	2.5	5	Д	0,48
1.6	4	Н	0,43	-	-	-	-
1.7	4	Н	0,43	-	-	-	-
1.8	0	К	0,01	-	-	-	-
ФИ для домашних хозяйств				ФИ для МСП			
3.1	2	К	0,21	4.1	3	Н	0,26
3.2	1	К	0,15	4.2	4	Н	0,36
3.3	5	Д	0,52	4.3	3	Н	0,28
3.4	1	К	0,12	4.4	4	Н	0,43
3.5	1	К	0,08	4.5	6	Д	0,59
3.6	7	Х	0,72	4.6	6	Д	0,58
3.7	2	К	0,24	4.7	4	Н	0,35
3.8	3	Н	0,29	4.8	6	Д	0,56
3.9	7	Х	0,71	-	-	-	-
ФИ для женщин				ФИ для СКЖ			
5.1	2	К	0,16	6.1	1	К	0,12
5.2	1	К	0,08	6.2	0	К	0,03
5.3	5	Д	0,51	6.3	3	Н	0,29
5.4	1	К	0,05	6.4	0	К	0,04
5.5	0	К	0,04	6.5	0	К	0,02
5.6	7	Х	0,70	6.6	6	Д	0,62
5.7	2	К	0,24	6.7	3	Н	0,25
5.8	3	К	0,27	6.8	2	К	0,18
5.9	7	Х	0,68	6.9	7	Х	0,72

Оценка характеристик индикаторов ФИ показывает наличие проблем с доступом к финансовым услугам в Таджикистане домашних хозяйств и особенно женщин, а также СКЖ. В то же время проблемы преимущественно были вызваны предложением финансовых услуг и продуктов, а не спросом на них.

Для повышения качества оценки сделаем расчеты Индексов финансовой инклюзии по каждой группе индикаторов (FI), а также Индексов соответствия по каждой группе (IMR). Расчет FI будем осуществлять по формуле (3):

$FI^1_{2015} = 24/8 = 3$ (Н).

$FI^2_{2015} = 32/5 = 6{,}4 \approx 6$ (Д).

$FI^3_{2015} = 29/9 = 3{,}2 \approx 3$ (Н).

$FI^4_{2015} = 36/8 = 4{,}5 \approx 5$ (Д).

$FI^5_{2015} = 28/9 = 3{,}1 \approx 3$ (Н).

$FI^6_{2015} = 22/9 = 2{,}4 \approx 2$ (К).

Полученные значения Индексов ФИ по каждой группе в 2015 году были округлены до целого числа, как было указано в рамках предложенной методики.

Расчет Индексов соответствия проведем в таблице 3. Для расчета используем «метод радара», а также формулы (4–6).

Таблица 4

Расчет Индексов соответствия (IMR) по отдельным группам индикаторов ФИ для Таджикистана в 2015 году

Группа индикаторов	α	sinα	S_b, см^2	S_c, см^2	IMR
ФИ предложения	45°	0,707°	2,828	0,877	0,310
ФИ спроса	72°	0,951°	2,378	1,469	0,618
ФИ для домашних хозяйств	40°	0,643°	2,894	0,977	0,338
ФИ для МСП	45°	0,707°	2,828	1,205	0,426
ФИ для женщин	40°	0,643°	2,894	0,878	0,303
ФИ для СКЖ	40°	0,643°	2,894	0,73	0,252

Общемировым тенденциям ФИ в 2015 году в Таджикистане не соответствовала ни одна группа индикаторов ФИ. Лучше всего положение дел было с финансовой инклюзией спроса, что подтверждает выводы, сделанные при расчете Индексов ФИ. В то же время расчет IMR по ФИ для МСП не подтвердил выводы, сделанные по FI.

В конце оценки необходимо рассчитать IFI (Интегральный индекс финансовой инклюзии), IIMR (Интегральный индекс соответствия). Для расчета IFI используем формулу (7):

$IFI_{2015} = 22/6 = 3{,}67 \approx 4$ (Н).

Можем подтвердить недостаточный уровень финансовой инклюзии в Таджикистане в 2015 году.

Для расчета IIMR используем формулу (8):

$$IIMR_{2015} = \sqrt[6]{0{,}310 * 0{,}618 * 0{,}338 * 0{,}426 * 0{,}303 * 0{,}252}$$

$IIMR_{2015} = 0{,}355$.

Значение индекса соответствия ФИ в Таджикистане общемировым тенденциям показывает значительное несоответствие и отставание республики в рамках развития ФИ в 2015 году.

Проведем расчеты и сделаем оценку финансовой инклюзии в Таджикистане в 2017 и 2019 годах по примеру проведенных расчетов за 2015 год. Объединим в одной таблице (таблица 5) балльную оценку и коэффициенты соответствия индикаторов (показателей) ФИ, а также расчет Индексов ФИ (FI). В таблицу 5 Индексы ФИ будем включать с округлением до целого числа в соответствии с предложенной методикой.

Оценка полученных данных относительно финансовой инклюзии в Таджикистане в 2017 и 2019 годах показывает постепенное улучшение ситуации, где проблемными остаются: развитие финансовой инфраструктуры и рост предложения финансовых услуг, а также продуктов; доступ к финансовым услугам и продуктам специфических категорий жителей. В то же время на фоне роста отдельных индикаторов финансовой инклюзии спроса наблюдается снижение Индекса ФИ в 2019 году по сравнению с 2017 годом, что требует внимания. Также наблюдается улучшение финансовой инклюзии домашних хозяйств, МСП и женщин.

Расчет Индексов соответствия за 2017 и 2019 годы проведем в таблице 6. Для расчета используем «метод радара», а также формулы (4–6).

Таблица 5

Балльная оценка и коэффициенты соответствия индикаторов (показателей) ФИ в Таджикистане, а также Индексы ФИ в 2017–2019 годах

Индикатор ФИ	BS		Характеристика индикатора		MR		Индикатор ФИ	BS		Характеристика индикатора		MR	
	2017	2019	2017	2019	2017	2019		2017	2019	2017	2019	2017	2019
ФИ предложения							ФИ спроса						
1.1	1	1	К	К	0,10	0,10	2.1	10	10	В	В	1,00	0,98
1.2	3	3	Н	Н	0,32	0,33	2.2	7	7	Х	Х	0,73	0,73
1.3	2	1	К	К	0,16	0,15	2.3	1	1	К	К	0,06	0,06
1.4	7	9	Х	В	0,74	0,85	2.4	10	10	В	В	1,16	1,31
1.5	1	1	К	К	0,07	0,09	2.5	5	4	Д	Н	0,46	0,44
1.6	4	5	Н	Д	0,41	0,53	-	-	-	-	-	-	-
1.7	3	5	Н	Д	0,32	0,51	-	-	-	-	-	-	-
1.8	0	1	К	К	0,03	0,07	-	-	-	-	-	-	-
FI	3	3	Н	Н	-	-	FI	7	6	Х	Д	-	-
ФИ для домашних хозяйств							ФИ для МСП						
3.1	7	7	Х	Х	0,69	0,72	4.1	6	6	Д	Д	0,56	0,62
3.2	3	10	Н	В	0,33	0,99	4.2	5	5	Д	Д	0,47	0,52
3.3	7	7	Х	Х	0,71	0,71	4.3	3	5	Н	Д	0,29	0,46
3.4	4	6	Н	Д	0,36	0,64	4.4	4	8	Н	Х	0,43	0,75
3.5	5	6	Д	Д	0,45	0,58	4.5	7	7	Х	Х	0,73	0,71
3.6	6	6	Д	Д	0,62	0,63	4.6	5	5	Д	Д	0,46	0,49
3.7	4	5	Н	Д	0,38	0,47	4.7	3	4	Н	Н	0,30	0,39
3.8	4	5	Н	Д	0,37	0,50	4.8	4	4	Н	Н	0,43	0,43
3.9	8	6	Х	Д	0,78	0,64	-	-	-	-	-	-	-
FI	5	6	Д	Д	-	-	FI	5	6	Д	Д	-	-
ФИ для женщин							ФИ для СКЖ						
5.1	6	7	Д	Х	0,65	0,65	6.1	7	6	Х	Д	0,66	0,63
5.2	4	9	Н	В	0,39	0,92	6.2	3	7	Н	Х	0,33	0,74
5.3	7	6	Х	Д	0,66	0,62	6.3	4	4	Н	Н	0,42	0,43
5.4	3	5	Н	Д	0,33	0,52	6.4	3	4	Н	Н	0,26	0,36
5.5	4	4	Н	Н	0,38	0,36	6.5	3	3	Н	Н	0,33	0,28
5.6	7	6	Х	Д	0,66	0,61	6.6	6	6	Д	Д	0,61	0,61
5.7	4	5	Н	Д	0,37	0,46	6.7	3	3	Н	Н	0,32	0,35
5.8	3	5	Н	Д	0,32	0,46	6.8	3	4	Н	Н	0,29	0,39
5.9	8	6	Х	Д	0,78	0,64	6.9	6	6	Д	Д	0,60	0,55
FI	5	6	Д	Д	-	-	FI	4	5	Н	Д	-	-

Таблица 6

Расчет Индексов соответствия (IMR) по отдельным группам индикаторов ФИ для Таджикистана в 2017–2019 годах

Группа индикаторов	α	sinα	S_b, см^2	S_c, см^2		IMR	
				2017	2019	2017	2019
ФИ предложения	45°	0,707°	2,828	0,760	0,930	0,269	0,329
ФИ спроса	72°	0,951°	2,378	1,621	1,674	0,682	0,704
ФИ для домашних хозяйств	40°	0,643°	2,894	1,508	1,890	0,521	0,653
ФИ для МСП	45°	0,707°	2,828	1,297	1,545	0,459	0,546
ФИ для женщин	40°	0,643°	2,894	1,460	1,685	0,504	0,582
ФИ для СКЖ	40°	0,643°	2,894	1,228	1,395	0,424	0,482

Оценка индексов соответствия в динамике за 2017–2019 годы показывает улучшение ситуации с ФИ в Таджикистане относительно общемировых тенденций. Проблемной оставалась финансовая инклюзия предложения.

Рассчитаем IFI (Интегральный индекс финансовой инклюзии), IIMR (Интегральный индекс соответствия) в 2017 и 2019 годах, используя полученные данные из таблиц 5 и 6. Для расчета IFI используем формулу 7:

$IFI_{2017} = 29/6 = 4{,}83 \approx 5$ (Д).

$IFI_{2019} = 32/6 = 5{,}33 \approx 5$ (Д).

Можем подтвердить улучшение ситуации с финансовой инклюзией в Таджикистане в 2017 –2019 годах и позитивную динамику Интегрального индекса.

Для расчета IIMR используем формулу 8:

$$IIMR_{2017} = \sqrt[6]{0{,}269 * 0{,}682 * 0{,}521 * 0{,}459 * 0{,}504 * 0{,}424}$$

$IIMR_{2017} = 0{,}456$.

$$IIMR_{2019} = \sqrt[6]{0{,}329 * 0{,}704 * 0{,}653 * 0{,}546 * 0{,}582 * 0{,}482}$$

$IIMR_{2019} = 0{,}533$.

Расчет Интегрального индекса соответствия также подтверждает улучшение ситуации в Таджикистане в 2017–2019 годах.

Подытоживая оценку финансовой инклюзии Таджикистана, проведем анализ индексов финансовой инклюзии и соответствия в 2015–2019 годах (табл. 7).

Таблица 7

Анализ индексов финансовой инклюзии и соответствия Таджикистана в 2015–2019 годах

Индекс	2015 год	2017 год	Цепное абсолютное отклонение	2019 год	Цепное абсолютное отклонение	Базисное абсолютное отклонение
FI_1	3	3	0	3	0	0
FI_2	6	7	1	6	-1	0
FI_3	3	5	2	6	1	3
FI_4	5	5	0	6	1	1
FI_5	3	5	2	6	1	3
FI_6	2	4	2	5	1	3
IFI	4	5	1	5	0	1
IMR_1	0,310	0,269	-0,041	0,329	0,06	0,019
IMR_2	0,618	0,682	0,064	0,704	0,022	0,086
IMR_3	0,338	0,521	0,183	0,653	0,132	0,315
IMR_4	0,426	0,459	0,033	0,546	0,087	0,12
IMR_5	0,303	0,504	0,201	0,582	0,078	0,279
IMR_6	0,252	0,424	0,172	0,482	0,058	0,23
IIMR	0,355	0,456	0,101	0,533	0,077	0,178

Оценка финансовой инклюзии в Таджикистане, а также ее развития по сравнению с общемировыми тенденциями при помощи предложенной авторской методики позволяет отметить рост ФИ, особенно того, что касается финансовой инклюзии женщин, домашних хозяйств и специфичных категорий жителей, а также увеличения соответствия ФИ в стране общемировым тенденциям (в 2019 году соответствие превысило 50 %). Можем подтвердить адекватность методики и ее практичность и экономичность, поскольку она позволяет выявить отдельные наиболее проблемные направления доступа к финансовым услугам и продуктам в стране и сконцентрироваться именно на них (в нашем случае ФИ предложения), а также оценивать эффективность и результативность применяемых мероприятий, направленных на улучшение ФИ, что будет видно в рамках расчета цепных и базисных абсолютных отклонений (положительные отклонения будут указывать на эффективность, отрицательные – на проблемы; результативность будет выражена в количественном изменении индексов). Отдельно отмечаем простоту и возможность автоматизации расчетов при помощи компьютерных программ (например Excel), что значительно удешевит и ускорит проведение оценки.

Обсуждение. Изучение финансовой инклюзии на уровне отдельных государств указывает на необходимость оценки доступа к финансовым услугам населения и МСП. В то же время проблемы и недоработки существующих методик оценки финансовой инклюзии в отдельных странах требуют проведения дальнейших исследований и проверки ряда гипотез.

Критическое исследование существующих методик и подходов к финансовой инклюзии показало необходимость формирования системы индикаторов (показателей) ФИ, которая должна включать в себя шесть блоков показателей: финансовая инклюзия спроса и предложения, а также ФИ домашних хозяйств, малых и средних предприятий, женщин и специальных категорий жителей (молодежь, сельские жители, эмигранты, мигранты, люди с ограниченными физическими возможностями). Таким образом, первая гипотеза научного исследования была доказана.

Учитывая использование значительного количества показателей для оценки финансовой инклюзии на уровне отдельного государства, расчет индексов финансовой инклюзии целесообразней строить на основе использования «метода радара», средней арифметической взвешенной и геометрической средней, что частично подтверждает вторую гипотезу.

Проведенная оценка финансовой инклюзии при помощи разработанной методики указывает, что за период исследования доступ к финансовым услугам в Республике Таджикистан увеличился, что указывает на рост ФИ. Третья гипотеза научного исследования была опровергнута.

Оценка соответствия тенденций развития финансовой инклюзии в Таджикистане мировым тенденциям показала, что существует значительное отставание республики от общемировых тенденций, которое значительно сократилось за период исследования. Четвертая гипотеза научного исследования подтвердилась частично.

Учитывая приведенное, можем подтвердить, что цель исследования была достигнута. Ключевой ценностью статьи является разработка методики оценки финансовой инклюзии в Республике Таджикистан. В связи с этим можно выделить некоторые ограничения в использовании результатов статьи, а именно необходимость: проверки разработанной методики на большем временном промежутке; проверки других показателей (индикаторов) относительно включения в систему показателей (индикаторов) оценки ФИ. В то же время приведенные ограничения не снижают научно-практическую ценность данной статьи и характеризируют в большей степени перспективы проведения дальнейших научных исследований.

Заключение. Проведенное исследование позволило выявить значительные проблемы относительно оценки финансовой инклюзии на уровне отдельных государств. Была доказана необходимость разработки и разработана адекватная методика оценки финансовой инклюзии в Республике Таджикистан, которая базируется на системе показателей (индикаторов) ФИ, включающих шесть блоков показателей (финансовая инклюзия спроса, предложения, домашних хозяйств, малых и средних предприятий, женщин и специальных категорий жителей).

Предложенная для использования методика оценки финансовой инклюзии позволит повысить эффективность финансовой политики и результативность государственного управления в сфере финансовых услуг Республики Таджикистан.

Практическое внедрение предложений и выводов данной статьи следует рассматривать в контексте повышения возможностей реализации экономического потенциала и роста благосостояния населения, в первую очередь для развивающихся стран, в том числе и Республики

Таджикистан.

Перспективы дальнейших исследований на основе и с использованием научных результатов статьи состоят в формировании путей содействия распространению инновационных технологий и инструментов финансирования малого и среднего бизнеса с учетом национальных особенностей Таджикистана.

Литература

1. Camara N., Tuesta D. Measuring financial inclusion: a multidimensional index. / N. Camara, D. Tuesta // BBVA Research Paper. 2014. Working Paper. No. 14/26. P. 1–40.
2. Chaulagain R. P. Barriers of access to finance in Nepal / R.P.Chaulagain // International Journal of Development and Economic Sustainability. 2015. No. 6 (3). P. 24–37.
3. Dabla-Norris M. E., Deng Y., Ivanova A., Karpowicz M. I., Unsal D. F., Van Leemput E., Wong J. Financial Inclusion: Zooming in on Latin America / M. E. Dabla-Norris, Y. Deng, A. Ivanova, M. I. Karpowicz, D. F. Unsal, E. VanLeemput, J. Wong // IMF Working Paper. 2015. No. 15/206. 35 p.
4. Demirguc-Kunt A. Financial Inclusion and Legal Discrimination Against Women. Evidence from Developing Countries / A. Demirguc-Kunt, L. Klapper, D. Singer // Development Research Group. Finance and Private Sector Development Team. 2013. Policy Research Working Paper 6416. P. 1–47.
5. Europe 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. Brussels: EC, 2010. 34 p.
6. Fanta A.B., Mutsonziwa K. Gender and financial inclusion / A.B. Fanta, K. Mutsonziwa // FinMark Trust. 2016. Policy research paper No. 01/2016. P. 1–37.
7. FATF. Revised Guidance on AML/CFT and Financial Inclusion. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.fatf-gafi.org/publications/financialinclusion/documents/, свободный. Загл. с экрана.revisedguidanceonamlcftandfinancialinclusion.html, свободный. Загл. с экрана.
8. IMF. Global Financial Stability Report: Lower for Longer. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2019/10/01/global-financial-stability-report-october-2019, свободный. Загл. с экрана.
9. International Bank for Reconstruction and Development. Financial Inclusion Strategies Reference Framework / International Bank for Reconstruction and Development. Washington: The World Bank, 2012. 60 p.
10. Kim M. et al. Mobile financial services, financial inclusion, and development: A systematic review of academic literature/ M. Kim et al. //The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries. 2018. No. 5 (84) P. 1–17.
11. Kokorović Jukan M. Comparative analysis of financial inclusion in developing regions around the world / M. Kokorović Jukan, A. Softić // Journal of Economics and Busines. 2016. No. 14 (2). P. 56–65.
12. Onaolapo A. R. Effects of financial inclusion on the economic growth of Nigeria (1982-2012) / A. R. Onaolapo // International Journal of Business and Management Review. 2015. No. 8 (3). P. 11–28.
13. Sarma M. Index of Financial Inclusion. Indian Council for Research on International Economic Relations. / M. Sarma // Working Paper. 2008. No. 215. P. 1–20.
14. The World Bank. Financial Inclusion At-A-Glance. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.worldbank.org/en/topic/financialinclusion, свободный. Загл. с экрана.
15. The World Economic Forum. World Economic Forum Annual Meeting. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2020#themes, свободный. Загл. с экрана.
16. Зоидов К. Х., Моргунов Е. В., Биджамова К. В. Особенности эволюции малого и среднего инновационного предпринимательства кризисной экономики в постсоветском пространстве. – М.: ЦЭМИ РАН, 2009. – 152 с.
17. Зоидов К. Х., Зоидов З. К. Ретроспективный анализ и прогнозирование циклических колебаний макроэкономической динамики Республики Таджикистан на основе эконометрических методов. – М.: ЦЭМИ РАН, 2012. – 341 с.
18. Зоидов К. Х., Урунов А. А., Юсупова Г. А., Юсупова М. Р. Формирование инновационного пространства и регулирование тенденций развития банковских продуктов и технологий на финансовом рынке национальной экономики / Под ред. к. ф.-м. н., доцента К.Х. Зоидова. – М.: ИПР РАН, 2020. – 185 с.
19. Зоидов К. Х., Зоидов З. К. Гравитационные эконометрические модели внешней торговли стран ЕАЭС+: анализ, оценка и поиск источников инклюзивного экономического роста // Проблемы рыночной экономики. – 2021. – № 3. – С. 196–226.
20. Цветков В. А., Зоидов К. Х., Медков А. А. Формирование и эволюционное развитие инновационно-индустриальных поясов торговых путей в российской Арктике в целях обеспечения инклюзивного роста // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2021. – № 4-5. – С. 100–112.
21. Цветков В. А., Зоидов К. Х., Янкаускас К. С., Кобил Ш. К. Моделирование влияния бедности, безработицы, волатильных процентных ставок и неравенства на экономическую безопасность государства / Под ред. чл.-корр. РАН В. А. Цветкова, к.ф.-м.н., доцента К. Х. Зоидова. – М.: ИПР РАН, 2021. – 328 с.

References:

1. Camara N., Tuesta D. Measuring financial inclusion: a multidimensional index. / N. Camara, D. Tuesta // BBVA Research Paper. 2014. Working Paper. No. 14/26. P. 1–40.
2. Chaulagain R. P. Barriers of access to finance in Nepal / R.P.Chaulagain // International Journal of Development and Economic Sustainability. 2015. No. 6 (3). P. 24–37.
3. Dabla-Norris M. E., Deng Y., Ivanova A., Karpowicz M. I., Unsal D. F., Van Leemput E., Wong J. Financial

Inclusion: Zooming in on Latin America / M. E. Dabla-Norris, Y. Deng, A. Ivanova, M. I. Karpowicz, D. F. Unsal, E. VanLeemput, J. Wong // IMF Working Paper. 2015. No. 15/206. 35 p.
4. Demirguc-Kunt A. Financial Inclusion and Legal Discrimination Against Women. Evidence from Developing Countries / A. Demirguc-Kunt, L. Klapper, D. Singer // Development Research Group. Finance and Private Sector Development Team. 2013. Policy Research Working Paper 6416. P. 1–47.
5. Europe 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. Brussels: EC, 2010. 34 p.
6. Fanta A.B., Mutsonziwa K. Gender and financial inclusion / A.B. Fanta, K. Mutsonziwa // FinMark Trust. 2016. Policy research paper No. 01/2016. P. 1–37.
7. FATF. Revised Guidance on AML/CFT and Financial Inclusion. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.fatf-gafi.org/publications/financialinclusion/documents/, svobodnyj. Zagl. s ekrana.revisedguidanceonamlcftandfinancialinclusion.html, svobodnyj. Zagl. s ekrana.
8. IMF. Global Financial Stability Report: Lower for Longer. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2019/10/01/global-financial-stability-report-october-2019, svobodnyj. Zagl. s ekrana.
9. International Bank for Reconstruction and Development. Financial Inclusion Strategies Reference Framework / International Bank for Reconstruction and Development. Washington: The World Bank, 2012. 60 r.
10. Kim M. et al. Mobile financial services, financial inclusion, and development: A systematic review of academic literature/ M. Kim et al. //The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries. 2018. No. 5 (84) P. 1–17.
11. Kokorović Jukan M. Somparative analysis of financial inclusion in developing regions around the world / M. Kokorović Jukan, A. Softić // Journal of Economics and Busines. 2016. No. 14 (2). P. 56–65.
12. Onaolapo A. R. Effects of financial inclusion on the economic growth of Nigeria (1982-2012) / A. R. Onaolapo // International Journal of Business and Management Review. 2015. No. 8 (3). P. 11–28.
13. Sarma M. Index of Financial Inclusion. Indian Council for Research on International Economic Relations. / M. Sarma // Working Paper. 2008. No. 215. P. 1–20.
14. The World Bank. Financial Inclusion At-A-Glance. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.worldbank.org/en/topic/financialinclusion, svobodnyj. Zagl. s ekrana.
15. The World Economic Forum. World Economic Forum Annual Meeting. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2020#themes, svobodnyj. Zagl. s ekrana.
16. Zoidov K. H., Morgunov E. V., Bidzhamova K. V. Osobennosti evolyucii malogo i srednego innovacionnogo predprinimatel'stva krizisnoj ekonomiki v postsovetskom prostranstve. – M.: CEMI RAN, 2009. – 152 c.
17. Zoidov K. H., Zoidov Z. K. Retrospektivnyj analiz i prognozirovanie ciklicheskih kolebanij makroekonomicheskoj dinamiki Respubliki Tadzhikistan na osnove ekonometricheskih metodov. – M.: CEMI RAN, 2012. – 341 s.
18. Zoidov K. H., Urunov A. A., YUsupova G. A., YUsupova M. R. Formirovanie innovacionnogo prostranstva i regulirovanie tendencij razvitiya bankovskih produktov i tekhnologij na finansovom rynke nacional'noj ekonomiki / Pod red. k. f.-m. n., docenta K.H. Zoidova. – M.: IPR RAN, 2020. – 185 s.
19. Zoidov K. H., Zoidov Z. K. Gravitacionnye ekonometricheskie modeli vneshnej torgovli stran EAES+: analiz, ocenka i poisk istochnikov inklyuzivnogo ekonomicheskogo rosta // Problemy rynochnoj ekonomiki. – 2021. – № 3. – S. 196–226.
20. Cvetkov V. A., Zoidov K. H., Medkov A. A. Formirovanie i evolyucionnoe razvitie innovacionno-industrial'nyh poyasov torgovyh putej v rossijskoj Arktike v celyah obespecheniya inklyuzivnogo rosta // Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo. – 2021. – № 4-5. – S. 100–112.
21. Cvetkov V. A., Zoidov K. H., YAnkauskas K. S., Kobil SH. K. Modelirovanie vliyaniya bednosti, bezraboticy, volatil'nyh procentnyh stavok i neravenstva na ekonomicheskuyu bezopasnost' gosudarstva / Pod red. chl.-korr. RAN V. A. Cvetkova, k.f.-m.n., docenta K. H. Zoidova. – M.: IPR RAN, 2021. – 328 s.

УДК 336

ТАКМАЗЯН АИДА САМВЕЛОВНА
к.э.н., доцент кафедры «Финансы», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: aida.takmazyan@yandex.ru

САМОЙЛОВА КАРИНА НИКОЛАЕВНА
к.э.н., доцент кафедры «Финансы», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: karina.samoylova2015@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-5-101-107

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФИНАНСИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА

Аннотация. Актуальность *темы обусловлена влиянием социальных расходов бюджета на повышение качества жизни населения. Цель исследования: на основе анализа финансового обеспечения социально-культурной сферы региона определить вектор развития государственной политики субъектов РФ в рассматриваемой сфере. В этой связи выявлены основные тенденции развития и финансирования социальной защиты, здравоохранения, образования, физкультуры и спорта, культуры в Ростовской области. По итогам анализа были определены причины роста фактических расходов бюджетов субъектов Федерации на социально-культурную сферу. Сделан вывод о том, что пандемия позволила сформировать опыт государственной поддержки учреждений рассматриваемой сферы в экстремальных условиях. Данный опыт востребован и на современном этапе усиления внешних вызовов и угроз.* ***Методология исследования*** *основана на методах научного познания экономических и социальных явлений в их взаимосвязи и взаимообусловленности.*
Ключевые слова: *социально-культурная сфера, расходы бюджета, качество жизни населения, внешнее санкционное давление.*

TAKMAZYAN AIDA SAMVELOVNA
PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Finance, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia, e-mail: aida.takmazyan@yandex.ru

SAMOILOVA KARINA NIKOLAEVNA
PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Finance, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia, e-mail: karina.samoylova2015@mail.ru

CURRENT TRENDS IN FINANCING THE SOCIO-CULTURAL SPHERE OF THE REGION

Abstract. The relevance *of the topic is due to the impact of social budget expenditures on improving the quality of life of the population. The purpose of the study: based on the analysis of the financial support of the socio-cultural sphere of the region, to determine the vector of development of the state policy of the subjects of the Russian Federation in this area. In this regard, the main trends in the development and financing of social protection, healthcare, education, physical education and sports, culture in the Rostov region have been identified. Based on the results of the analysis, the reasons for the growth of the actual expenditures of the budgets of the constituent entities of the Federation on the socio-cultural sphere were determined. The conclusion is made that the pandemic has allowed to form the experience of state support of institutions in the field under consideration in extreme conditions. This experience is also in demand at the present stage of strengthening external challenges and threats.* ***The research methodology*** *is based on the methods of scientific cognition of economic and social phenomena in their interrelation and interdependence.*
Keywords: *socio-cultural sphere, budget expenditures, quality of life of the population, external sanctions pressure.*

Введение. Расходы, направленные на повышение качества жизни населения на каждом этапе социально-экономического развития государства, относятся к первостепенным расходам бюджетов [9, с. 38–50]. К данным расходам относятся расходы на обеспечение здравоохранения, социальной защиты, образования, культуры, физкультуры и спорта (социально-культурная сфера).

В условиях возросшего внешнего санкционного давления как федеральными органами исполнительной власти, так и региональными большое внимание уделяется вопросам финансирования социально-культурного комплекса.

2.Основная часть.

2.1 Общие тенденции финансирования отраслей социально-культурного комплекса Ростовской области.

По количеству жителей регион входит в шесть наиболее крупных субъектов Российской Федерации, население области составляет около 4,2 млн человек. В Ростовской области обеспечивается достаточный уровень устойчивого развития экономики и социальной стабильности. Рост экономики в регионе в 2021 году был обеспечен всеми ключевыми отраслями. Так, ВРП увеличился на 5 %, в том числе за счет промышленного производства, продукции сельского хозяйства, строительства и торговли.

Один из основных индикаторов активности субъектов экономики – это инвестиции в основной капитал, по итогам 2021 года в Ростовской области их объем превысил 390 млрд руб. (13-е место в стране), что на 14 % выше уровня предыдущего года [6].

Расходы регионального бюджета сохраняют социальную направленность [4, с. 111–118]. В 2021 году в фактических расходах консолидированного бюджета области расходы на обеспечение учреждений социальной сферы достигли 204 млрд руб. (что составило почти 70 % общего объема расходов).

Таблица 1

Расходы консолидированного бюджета Ростовской области на социально-культурную сферу в 2019–2021 годах [2]

Наименование	2019 год		2020 год		Изменение к 2019 году, %	2021 ггод		Изменение к 2020 году, %
	млн руб.	доля, %	млн руб.	доля, %		млн руб.	доля, %	
Всего расходов	226 328,8	100	261 519,5	100	15,55	291 880,2	100	11,61
В том числе социально-культурная сфера	156 253,1	69,04	188 442,6	72,05	20,60	203 793,9	69,82	8,15
Образование	67 551,5	29,85	70 853,4	27,09	4,89	75 677,5	25,93	6,81
Культура, кинематография	9 928,8	4,39	10 054,8	3,84	1,27	9 525,7	3,26	-5,26
Здравоохранение	17 278,4	7,63	28 997,4	11,09	67,82	35 648,1	12,21	22,93
Социальная политика	56 875,1	25,13	72 782,1	27,83	27,97	76 671,5	26,27	5,34
Физическая культура и спорт	4 619,3	2,04	5 754,9	2,20	2,66	6 271,1	2,15	8,97

В 2022 году предусмотрено сокращение расходов бюджета области на социально-культурную сферу по всем отраслям, за исключением социальной политики, где рост составит 14,5 %.

Таблица 2

Расходы консолидированного бюджета Ростовской области на социально-культурную сферу в 2022 году [3, 7]

Наименование	Консолидированный бюджет		Областной бюджет		Доля расходов областного бюджета в консолидированном бюджете, %
	млн руб.	доля, %	млн руб.	доля, %	
Всего расходов	276 441,0	100	267 413,0	100	96,73
В том числе социально-культурная сфера	196 570,3	71,11	179 545,5	67,14	91,34
Образование	64 962,9	23,50	64 170,4	23,99	98,78
Культура, кинематография	7 232,1	2,62	4 135,7	1,55	57,19
Здравоохранение	31 014,1	11,22	27 255,3	10,19	87,88
Социальная политика	87 720,3	31,73	79 387,5	29,69	90,50
Физическая культура и спорт	5 640,9	2,04	4 596,6	1,72	81,49

В консолидированных расходах региона на социально-культурную сферу основной объем расходов приходится на областной бюджет – более 91 %, исключение составляет отрасль культуры – 57,19 %, так как полномочия по ее финансированию переданы на муниципальный уровень.

2.2. Финансовое обеспечение мероприятий социальной защиты населения.

В общем объеме финансового обеспечения отраслей социально-культурного комплекса основная доля в 2021 году приходилась на социальную политику – более 26 %. В течение рассматриваемого периода абсолютная сумма данных расходов возросла с 56 875,1 млн руб. до 76 671,5 млн руб., т. е. почти на 35 %. Значительные темпы роста наблюдались в 2020 году, что связано с дополнительными выплатами населению в условиях действия ограничительных мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции [1, с. 175–177].

Отметим, что среднемесячная заработная плата в области выросла на 9,7 % (РФ – на 9,8 %) и составила 39 089,5 руб. Уровень зарегистрированной безработицы вернулся к допандемийному уровню [6].

Меры социальной поддержки в регионе ежегодно получают 1,4 млн человек. Жителям области, попавшим в трудную жизненную ситуацию, многодетным семьям, семьям с лицами с ограниченными возможностями здоровья предоставляются адресные социальные пособия и

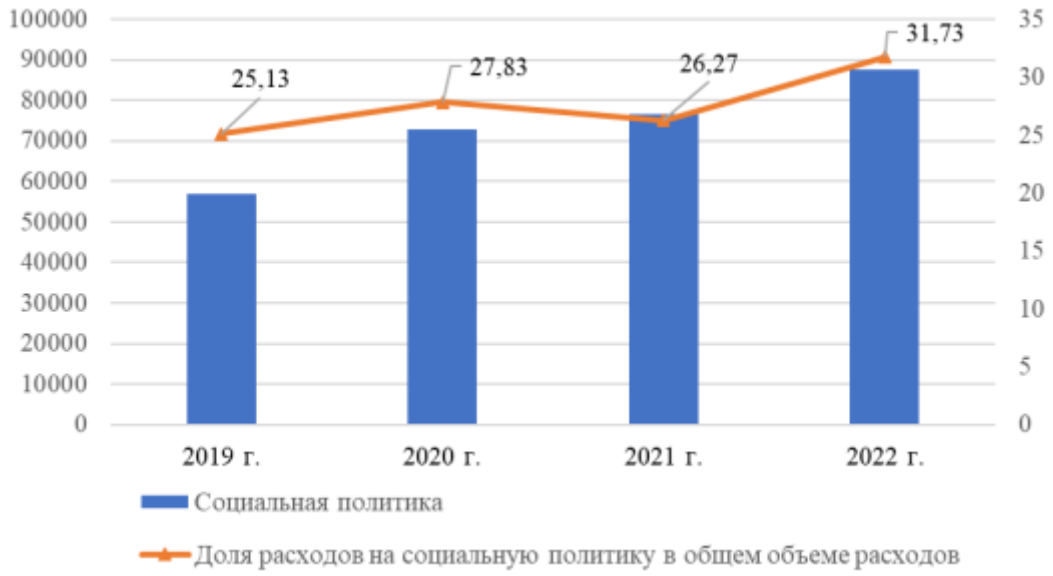


Рис. 1. *Расходы консолидированного бюджета Ростовской области на социальную политику в 2019–2022 годах, млн руб. [2, 7].*

помощь, в том числе в форме социального контракта. С 2021 года объем помощи по социальному контракту увеличился до 250 тыс. руб. В прошлом году было заключено более 8,5 тыс. социальных контрактов на поиск работы и открытие своего бизнеса, в том числе по новой модели на условиях софинансирования федерального и областного бюджетов – 8,1 тыс. По итогам 2021 года Ростовская область вошла в число лидеров по их количеству [6].

Более 200 тыс. семей с детьми ежегодно пользуются мерами социальной поддержки, в регионе предоставляются 17 различных видов пособий и выплат (8 федеральных и 9 региональных). Особое внимание уделяется поддержке многодетных семей. Семьям с низким доходом при рождении третьего или последующих детей предоставляется региональный материнский капитал (в 2021 году – 125 775 руб., а с 2022 года – 130 806 руб.) [6].

В области продолжает развиваться система социального обслуживания. В реестре поставщиков социальных услуг состоит 207 организаций (в том числе 60 негосударственных), ежегодно услуги получают более 125 тыс. жителей.

В 2021 году в регионе завершена работа по созданию службы «социальное такси» в каждом муниципалитете, данной услугой воспользовались 5,9 тыс. человек.

2.3. Финансовое обеспечение здравоохранения.

Ключевой отраслью социально-культурного комплекса является здравоохранение [8, с. 73–79]. Состояние системы здравоохранения Ростовской области отражает демографическая ситуация. Ожидаемая продолжительность жизни в 2021 году была менее 70 лет, что ниже среднероссийского показателя – 70,06 года.

Вопросы увеличения продолжительности жизни, повышения рождаемости, снижения смертности являются одними из приоритетных в медико-демографической политике области.

Так, в прошлом году родилось 35782 ребенка. Коэффициент рождаемости (на 1000 человек населения) снизился до 8,6, тогда как в РФ – 9,6, коэффициент смертности составил 18,8 (в РФ – 16,8), естественная убыль населения превысила 10,2 (в РФ – 7,2).

Коронавирусная инфекция негативно повлияла на медико-демографические показатели. В течение прошлого года с целью борьбы с пандемией дополнительно было открыто 20 инфекционных госпиталей, бесплатными лекарственными препаратами обеспечено 235 234 пациента на общую сумму 536,6 млн руб. В 2021 году медработникам, участвующим в проведении вакцинации против коронавирусной инфекции, выплачены стимулирующие выплаты на общую сумму более 183,4 млн руб.

Также из резервного фонда правительства области производились выплаты медицинскому персоналу, оказывающему первичную помощь гражданам – более 417 млн руб.

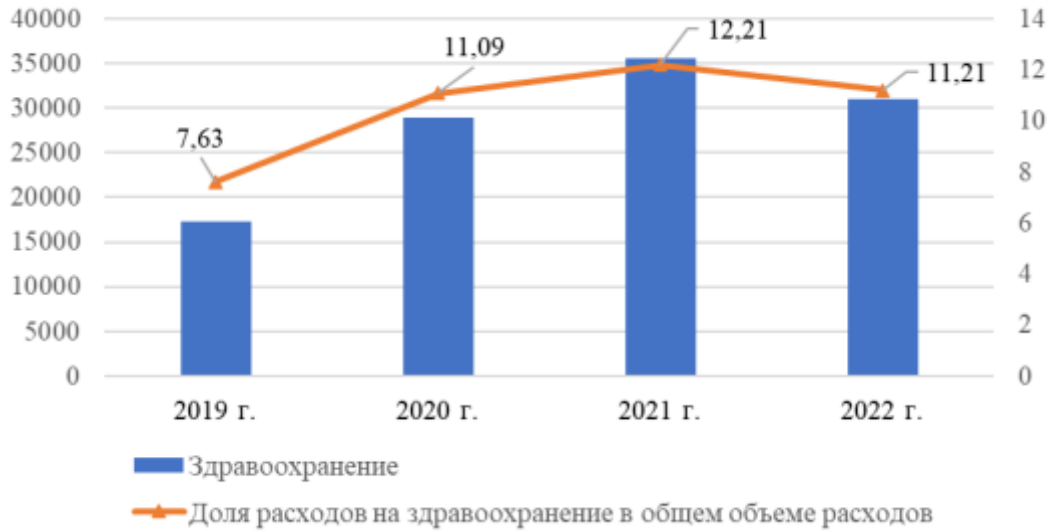


Рис. 2. *Расходы консолидированного бюджета Ростовской области на здравоохранение в 2019–2022 годах, млн руб. [4, 7].*

В условиях пандемии было продолжено и плановое развитие отрасли. Так, в рамках реализации нацпроекта «Здравоохранение» и региональных программ:

– выполнялись профилактические осмотры и обследования, в том числе в населенных

пунктах с численностью меньше 200 человек;

– приобретены 17 передвижных фельдшерско-акушерских пунктов (на сумму 87,9 млн руб.);

– поставлены 24 модульных объекта (на сумму 39,5 млн руб.);

– закуплено 314 единиц медоборудования для первичных сосудистых отделений, а также медицинских препаратов (на сумму 183,9 млн руб.);

– введены в эксплуатацию в рамках борьбы с онкологическими заболеваниями 92 ед. медоборудования (на сумму 507,8 млн руб., в том числе 492,9 млн руб. – средства федерального бюджета, 14,9 млн руб. – областного бюджета);

– приобретено с целью оказания паллиативной помощи 584 ед. оборудования (57,7млн руб.) и 38,4 тыс. ед. расходных материалов и изделий для использования на дому (5,1 млн руб.); обезболивающими препаратами обеспечено 100 % пациентов;

– в рамках развития детского здравоохранения началось строительство хирургического центра (ГБУ РО «ОДКБ»).

2.4. Оценка расходов консолидированного бюджета Ростовской области на образование.

Расходы территориальных бюджетов на образование занимают значительный объем в общей сумме. Среди особенностей данной отрасли отметим активный поиск образовательными учреждениями внебюджетных источников [11, с. 535–544, 10, с. 41–48].

Региональная система образования еще в 2020 году адаптировались к условиям эпидемиологических ограничений.

После строительства и реконструкции в области в 2021 году открыты 5 детских садов и 8 школ, введены в эксплуатацию 2 детских сада и 1 школа, завершен капитальный ремонт – 8 школ и 2 детских садов. Отремонтированы спортивные площадки: 4 школ, кровли 18 образовательных организаций. В рамках программы «Земский учитель» 34 учителя, переехавшие на работу в сельские районы и малые города (до 50 тыс. человек), получили единовременные выплаты в размере 1 млн руб. [6].

В целях обеспечения безопасных и комфортных условий при перевозках обучающихся за счет средств областного и муниципальных бюджетов приобретены 19 школьных автобусов, за счет средств федерального бюджета поставлены 140 автобусов.

В соответствии с поручением Президента России организовано бесплатное горячее питание для обучающихся начальных классов всех 1116 школ [6].

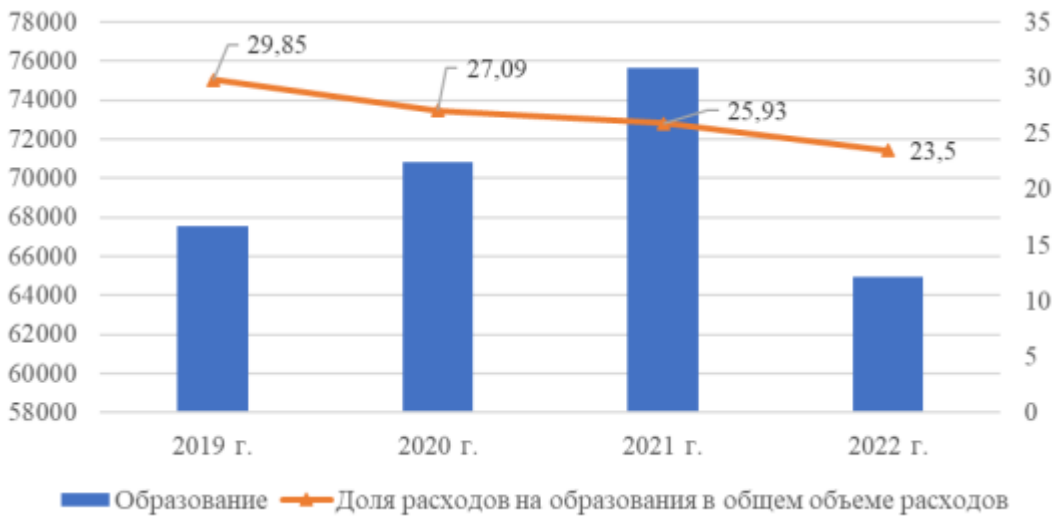


Рис. 3. *Расходы консолидированного бюджета Ростовской области на образование в 2019–2022 годах, млн руб. [2, 7].*

В 2021 году продолжена реализация нацпроекта «Образование» и региональных проектов, в рамках которых:

– для внедрения цифровой среды компьютерным и мультимедийным оборудованием осна-

щены 186 образовательных организаций;

– создано 253 центра образования естественнонаучной и технологической направленностей «Точка роста» на базе общеобразовательных организаций в сельской местности и малых городах, 4 мастерские социального направления;

– обновлена материально-техническая база и инфраструктура в четырех коррекционных школах (в том числе в двух – за счет областного бюджета) [6].

2.5. Расходы на физическую культуру и спорт.

Доступ к занятиям физической культурой и спортом – одно их основных условий укрепления здоровья. На территории Ростовской области функционируют 10815 объектов спорта. Уровень обеспеченности граждан спортивными сооружениями по итогам 2021 года достиг 60 %.

На развитие спортивной инфраструктуры направлено 1 364 млн руб. В 2021 году был возведен и отремонтирован 71 спортивный объект, в том числе 25 спортивных объектов за счет внебюджетных источников [6].

В рамках регионального проекта «Спорт – норма жизни» в прошлом году:

– завершено строительство комплекса специализированных трасс для велосипедного спорта и физкультурно-оздоровительного комплекса на территории гребного канала «Дон» в г. Ростове-на-Дону;

– возведены спортивные площадки ГТО в г. Новочеркасске, Морозовском и Константиновском районах;

– в учреждения спортивной подготовки в области поставлено 130 единиц спортивного оборудования и инвентаря.

2.6. Расходы на культуру.

Организации сферы культуры также адаптировались к новым условиям работы с учетом мер, введенных вследствие пандемии [5]. Продолжена реализация национального проекта «Культура». Из наиболее значимых результатов региональных проектов, входящих в его состав:

– проведен ремонт 5 учреждений культуры, 4 детских школ искусств;

– приобретены 10 передвижных многофункциональных культурных центров (автоклубов) для обслуживания сельского населения;

– созданы шесть библиотек по модельному стандарту;

– открыты два виртуальных концертных зала (Новошахтинск, Каменск-Шахтинск);

– оказана государственная поддержка 33 лучшим сельским учреждениям культуры (на сумму 3,3 млн руб.) и 46 лучшим работникам сельских учреждений культуры (на сумму 2,3 млн руб.) [2].

3. Заключение. Расходы, направленные на повышение качества жизни населения, всегда относятся к ключевым расходам бюджета. В ходе исследования выявлены устойчивые тенденции роста фактических расходов регионального бюджета на социально-культурную сферу (за исключением отрасли культуры), вместе с тем плановые показатели на текущий год ниже сложившегося уровня исполнения бюджетных расходов (за исключением расходов на социальную политику). Существенный рост расходов был обусловлен пандемией COVID-19 и действием ограничительных мер. Пандемия коронавирусной инфекции и ограничительные меры, действующие в 2020–2021 годах, позволили сформировать опыт поддержки и восстановления различных секторов экономики, малого и среднего предпринимательства, социально-культурной сферы. Данный опыт востребован и на современном этапе усиления внешних вызовов и угроз, что позволит нивелировать их последствия, продолжить реализацию запланированных проектов и программ. Это в конечном итоге обеспечит рост качества жизни в регионе.

Литература

1. Андреева О. В. Финансовый механизм социальной защиты населения // Финансовая экономика. – 2022. – № 2. – С. 175–177.

2. Данные официального сайта Правительства Ростовской области об исполнении консолидированного бюджета Ростовской области за 2019, 2020, 2021 годы. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.donland.ru/result-report, свободный. Загл. с экрана.

3. Законодательное Собрание Ростовской области. Областной закон от 16 дек. 2021 № 635-ЗС «Об областном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов». [Электронный ресурс].

[Режим доступа]: https://www.donland.ru/documents/14894/, свободный. Загл. с экрана.
4. Карепина О. И., Богославцева Л. В., Богданова О. Ю. Обеспечение устойчивости региональных бюджетов в контексте сокращения финансовой асимметрии // Аудиторские ведомости. – 2021. – № 3. – С. 111–118.
5. Материалы дайджеста Департамента Международного и регионального сотрудничества «Культура в условиях пандемии COVID-19». [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-culture.pdf, свободный. Загл. с экрана.
6. Отчет губернатора Ростовской области В. Ю. Голубева о результатах деятельности Правительства Ростовской области за 2021 год. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.donland.ru/governor/speech/426/, свободный. Загл. с экрана.
7. Прогноз консолидированного бюджета Ростовской области на 2022–2024 годы. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://minfin.donland.ru/documents/other/105785/, свободный. Загл. с экрана.
8. Такмазян А. С., Самойлова К. Н. Здравоохранение в России в условиях пандемии коронавирусной инфекции: ключевые показатели и финансовое обеспечение // Финансовые исследования. – 2021. – № 3 (72). – С. 73–79.
9. Romanova T. F., Andreeva O. V., Samoylova K. N., Sukhoveeva A. A., Romanov D. G. The state expenditures for the social protection of the population within financial security support system // Espacios. 2017. T. 38. No. 33. P. 38–50.
10. Rukina S. N., Samoylova K. N., Gerasimova K. A., Takmazyan A. S., Alternative instruments of financing of the education system in Russia // European Social Science Journal. 2018. No. 5-2. P. 41–48.
11. Takmazyan A. S., Rukina S. N., Samoylova K. N., Gerasimova K. A. Public private partnership as a tool for the development of educational infrastructure // International Journal of Economics and Business Administration. 2019. T. 7. No. S1. P. 535–544.

References:

1. Andreeva O. V. Finansovyj mekhanizm social'noj zashchity naseleniya // Finansovaya ekonomika. – 2022. – № 2. – S. 175–177.
2. Dannye oficial'nogo sajta Pravitel'stva Rostovskoj oblasti ob ispolnenii konsolidirovannogo byudzheta Rostovskoj oblasti za 2019, 2020, 2021 gody. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.donland.ru/result-report, svobodnyj. Zagl. s ekrana.
3. Zakonodatel'noe Sobranie Rostovskoj oblasti. Oblastnoj zakon ot 16 dek. 2021 № 635-ZS «Ob oblastnom byudzhete na 2022 god i na planovyj period 2023 i 2024 godov». [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.donland.ru/documents/14894/, svobodnyj. Zagl. s ekrana.
4. Karepina O. I., Bogoslavceva L. V., Bogdanova O. YU. Obespechenie ustojchivosti regional'nyh byudzhetov v kontekste sokrashcheniya finansovoj asimmetrii // Auditorskie vedomosti. – 2021. – № 3. – S. 111–118.
5. Materialy dajdzhesta Departamenta Mezhdunarodnogo i regional'nogo sotrudnichestva «Kul'tura v usloviyah pandemii COVID-19». [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-culture.pdf, svobodnyj. Zagl. s ekrana.
6. Otchet gubernatora Rostovskoj oblasti V. YU. Golubeva o rezul'tatah deyatel'nosti Pravitel'stva Rostovskoj oblasti za 2021 god. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.donland.ru/governor/speech/426/, svobodnyj. Zagl. s ekrana.
7. Prognoz konsolidirovannogo byudzheta Rostovskoj oblasti na 2022–2024 gody. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://minfin.donland.ru/documents/other/105785/, svobodnyj. Zagl. s ekrana.
8. Takmazyan A. S., Samojlova K. N. Zdravoohranenie v Rossii v usloviyah pandemii koronavirusnoj infekcii: klyuchevye pokazateli i finansovoe obespechenie // Finansovye issledovaniya. – 2021. – № 3 (72). – S. 73–79.
9. Romanova T. F., Andreeva O. V., Samoylova K. N., Sukhoveeva A. A., Romanov D. G. The state expenditures for the social protection of the population within financial security support system // Espacios. 2017. T. 38. No. 33. P. 38–50.
10. Rukina S. N., Samoylova K. N., Gerasimova K. A., Takmazyan A. S., Alternative instruments of financing of the education system in Russia // European Social Science Journal. 2018. No. 5-2. P. 41–48.
11. Takmazyan A. S., Rukina S. N., Samoylova K. N., Gerasimova K. A. Public private partnership as a tool for the development of educational infrastructure // International Journal of Economics and Business Administration. 2019. T. 7. No. S1. P. 535–544.

Сведения об авторах

Абдулманапов Пирмагомед Габибуллаевич — *к.э.н., старший научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, e-mail: raha77@mail.ru*

Арсланов Шамиль Джавадович — *к.э.н., доцент, старший научный сотрудник отдела социально-экономической политики региона, Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия, e-mail: ars_dgu@mail.ru*

Балиянц Карина Михайловна — *к.э.н., научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, e-mail: reklama-ka@rambler.ru*

Галеева Евгения Исаевна — *д.э.н., профессор кафедры маркетинг – менеджмента ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова (ИЭУП)», e-mail: galeeva@nzh.ieml.ru*

Гимбатов Шамиль Магомедович — *к.э.н., ведущий научный сотрудник Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала email:gimba@list.ru*

Драчева Елена Леоновна — *к.э.н., доцент кафедры народной художественной культуры, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, e-mail: edel2004@mail.ru*

Зоидов Хуршеджон Кобилджонович — *младший научный сотрудник Лаборатории компьютерного моделирования социально-экономических процессов Центрального экономико-математического института РАН, e-mail: mirkhurshed@mail.ru*

Идзиев Гаджимурад Идзиевич — *д.э.н., ведущий научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, г. Махачкала, Россия, e-mail: textima@mail.ru*

Махкамова Гулбахор Махсудовна — *к.э.н., доцент, соискатель докторантуры Института проблем рынка РАН, e-mail: makhkamova.gulbakhor@gmail.com*

Мельцов Алексей Викторович — *к.ю.н., доцент кафедры туризма Московский государственный университет спорта и туризма, e-mail: meltsov_alexey@mail.ru*

Нечаева Ирина Владимировна — *к.социол.н., с.н.с. лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий, Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение ФГБУН ФИЦ «Саратовский научный центр Российской академии наук» (ИАгП РАН), г. Саратов, Россия e-mail: irnech89@mail.ru*

Няргинен Виктория Анатольевна — *Очный аспирант Института проблем рынка РАН, ассистент кафедры экономической экспертизы и финансового мониторинга, МИРЭА – Российский технологический университет, e-mail: nyarginen2014@yandex.ru*

Павлов Вячеслав Иванович — *д.э.н., профессор, академик РАЕН, главный научный сотрудник Лаборатории промышленной политики и экономической безопасности Института проблем рынка РАН, e-mail: pavlovvi@bk.ru*

Савинкина Лариса Александровна — *к.г.н., доцент кафедры туризма Московский государственный университет спорта и туризма, e-mail: danaya1967@mail.ru*

Сагидов Юрий Нурмагомедович — *д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ИСЭИ ДФИЦ РАН, e-mail: sagidov39@mail.ru*

Самойлова Карина Николаевна — *к.э.н., доцент кафедры «Финансы», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: karina.samoylova2015@mail.ru*

Такмазян Аида Самвеловна — *к.э.н., доцент кафедры «Финансы», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: aida.takmazyan@yandex.ru*

Шугаев Максим Олегович — *Директор департамента инвестиционных проектов АО «ИНСИСТЕМС» (Группа компаний Ланит), e-mail: shugaev@lanit.ru*

Information about author

Arslanov Shamil Djavadovich	*Ph.D. in Economics, Associate Professor, Senior Researcher at the Department of Socio-Economic Policy of the region, Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: ars_dgu@mail.ru*
Abdulmanapov Pirmagomed Gabibullayevich	*Ph.D. in Economics, Senior Researcher at the Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala, e-mail: raha77@mail.ru*
Baliyants Karina Mikhailovna	*Ph.D.in Economics, Researcher at the Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, e-mail: reklama-ka@rambler.ru*
Galeeva Evgeniya Isaevna	*Dr.Sc of Economics, Professor of Marketing Management Department of Kazan Timiryasov Innovation University (IEPU), e-mail: galeeva@nzh.ieml.ru*
Dracheva Elena Leonovna	*Ph.D.in Economics, Associate Professor of the Department of Folk Art Culture, Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture, e-mail: edel2004@mail.ru*
Zoidov Khurshejon Kobiljonovich	*Junior Researcher at the Laboratory of Computer Modeling of Socio-Economic Processes of the Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences, e-mail: mirkhurshed@mail.ru*
Idziev Gadzhimurad Idzievich	*Dr.Sc of Economics, Leading Researcher at the Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, email: textima@mail.ru*
Makhkamova Gulbakhor Makhsudovna	*Ph.D. in Economics, Associate Professor, PhD candidate of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences, e-mail: makhkamova.gulbakhor@gmail.com*
Meltsov Alexey Viktorovich	*Ph.D.in Law, Associate Professor of the Department of Tourism, Moscow State University of Sports and Tourism, e-mail: meltsov_alexey@mail.ru*
Nechaeva Irina Vladimirovna	*Ph.D. in sociology, S.N.S. laboratories of social development of agro-industrial complex and rural territories, Institute of Agrarian Problems is a separate structural subdivision of the Saratov Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (IAgP RAS), Saratov, Russia e-mail: irnech89@mail.ru*
Nyarginen Victoria Anatolyevna	*Full–time postgraduate student of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences, Assistant of the Department of Economic Expertise and Financial Monitoring, MIREA - Russian Technological University, e-mail: nyarginen2014@yandex.ru*
Pavlov Vyacheslav Ivanovich	*Dr.Sc of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Laboratory of Industrial Policy and Economic Security of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences, e-mail: pavlovvi@bk.ru*
Savinkina Larisa Alexandrovna	*PhD in geography, Associate Professor of the Department of Tourism, Moscow State University of Sports and Tourism, e-mail: danaya1967@mail.ru*
Sagidov Yuri Nurmagomedovich	*Dr.Sc of Economics, Professor, Chief Researcher of ISEI D PHI RAS, e-mail: sagidov39@mail.ru*
Samoilova Karina Nikolaevna	*PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Finance, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia, e-mail: karina.samoylova2015@mail.ru*
Takmazyan Aida Samvelovna	*PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Finance, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia, e-mail: aida.takmazyan@yandex.ru*
Shugaev Maxim Olegovich	*Director of the Investment Projects Department INSYSTEMS JSC (Lanit Group of Companies), e-mail: shugaev@lanit.ru*

Научное издание

Ежемесячный научный журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Главный редактор: *Дохолян С.В.*
Компьютерный дизайн-верстка: *Джамилов А.М.*
Корректура: *Брезман А., Мирохватова М.*

Подписано в печать 31.05.2022 г. Сдано в печать 03.06.2022 г.
Формат 60*84 /8. Гарнитура «Times». Бумага офсетная
Тираж 1000. Усл. п.л. 15,25. Заказ № 546.

© НП «Редакция журнала «Региональные проблемы преобразования экономики»
Тел.: 8-8722-62-45-16, 8-928-800-222-0
e-mail: rppe@mail.ru

Отпечатано на типографской базе
ООО «Апробация»
367008, РД, г. Махачкала, ул. Дзержинского, 17б
Тел.: 8 (989)-669 –15 –15